

ОМЯНА

№ 22 НОЯБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СКАЗКА
И БЫЛЬ
ТУНДРЫ

**РЕШЕНИЯ
XXV
СЪЕЗДА КПСС
ВЫПОЛНИМ!**

Каждый этап биографии Родины отмечен своими неповторимыми приметами. Менялись с годами и десятилетиями задачи, которые предстояло решать. Они становились масштабнее и сложнее: ведь страна стремительно и мощно шла вперед.

Комсомол в каждом из героических десятилетий держал трудовой экзамен на главных, магистральных направлениях. Сегодня «география» поиска и подвига — весь гигантский комплекс экономики. «Работа предстоит огромная», — говорил в Отчете доклад XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — По сути дела,

надо добиться глубоких качественных сдвигов в структуре и техническом уровне народного хозяйства, существенно изменить сам его облик. Вот что означает на практике установка партии на повышение эффективности».

Быть хозяином страны — значит быть лично ответственным за эффективность производства и качество работы. На заводе и стройке, в конструкторском бюро и в поле, в архитектурной мастерской и на нефтяном промысле — всюду, где происходит рубежи штилетки, где разворачивается патриотическое движение молодежи «60-летию Великого Октября — 60 ударных недель!».

Уроки жизни

Леонид БЕЛЯКОВ,
старший машинист
скоростной бумагоделательной
машины № 7
Кондопожского ордена Ленина
целлюлозно-бумажного
комбината,
Герой Социалистического
Труда

Николай БЕЛОУСОВ,
сушильщик
комсомольско-молодежной
бригады,
работающей на машине № 7,
член комитета комсомола
комбината

РОЖДЕНИЕ ЧИСТОГО

Н. БЕЛОУСОВ. Леонид Иванович, на бумаге нашего комбината печатается свыше трехсот газетных изданий, в том числе все центральные. Скажите, испытываете вы чувство гордости, когда берете в руки свежий номер газеты?

Л. БЕЛЯКОВ. Честное слово, никогда не задумывался над этим... Видимо, чувство гордости — слишком сильно сказано. Чувство удовлетворения — да, особенно если видишь, что бумага хорошая. А что это вас заинтересовала моя чувствительность?

Н. БЕЛОУСОВ. Да вот подумал: вы работаете на комбинате тридцать лет...

Л. БЕЛЯКОВ. Двадцать девять. Тридцатилетие будет в следующем году.

Н. БЕЛОУСОВ. Ну, почти тридцать, срок очень большой. Не стала ли для вас ваша

работа чем-то обыденным, привычным, мало волнующим?

Л. БЕЛЯКОВ. Позвольте задать встречный вопрос. А вы сколько лет работаете на машине?

Н. БЕЛОУСОВ. Шесть.

Л. БЕЛЯКОВ. Припомните, были ли у вас за эти шесть лет хотя бы две рабочих смены абсолютно похожими друг на друга? Чтобы настроение было одним и тем же, чтобы машина вела себя совершенно одинаково? Чтобы хоть однажды вы ушли из цеха, ни разу не поволновались по тому или иному поводу?.. То-то и оно! А вы говорите об обыденности. Обыденность — это застой, это когда изо дня в день одно и то же. Или когда работа малоинтересная, но это уже от человека скорее зависит, чем от работы.

И еще: мы сейчас в такое время живем, что хочешь не хочешь, а не застоишься. Возвращаешься из отпуска, а на производстве уже что-то новое делается. Техника развивается стремительно, и приходится следить за научными и техническими веяниями, иначе безнадежно отстанешь.

Н. БЕЛОУСОВ. Да, это верно. За весь период моей работы на машине, пожалуй, месяца даже не было, чтобы какую-нибудь новинку не осваивали. Но, согласитесь, и на самом совершенном оборудовании, при самой прогрессивной технологии можно выпускать брак, если нет чувства ответственности за свое дело.

Л. БЕЛЯКОВ. Вот поэтому нет и не может быть никаких оправданий за выпуск некачественной продукции. Потребителя не интересуют ни объективные, ни субъектив-

ные причины нашей плохой работы. Это наше дело — разбираться в причинах, а ему поддай хорошую бумагу. Не помню, кто и когда сказал, но сказал очень верно: требования потребителя слушают стоя.

Много лет назад, когда наша бумага еще уступала балахнинской и соликамской, мы начали именно с этого: запросили у типографий страны мнение о своей продукции. В ответ получили объемистый перечень претензий и пожеланий. С тех пор стало правилом: самим искать встречи с потребителями.

Н. БЕЛОУСОВ. Я знаю, что за прошлую пятилетку комбинат не получил ни одной рекламации на свою основную продукцию. Были лишь отдельные замечания и пожелания. И по каждому из них на место выезжал представитель бумажников.

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1188) НОЯБРЬ 1976

Наша обложка:
северные олени.

Фото
Василия МИШИНА

Л. БЕЛЯКОВ. Да вот вам свежий пример. Пришло письмо из Белоруссии: в нескольких рулонах оказалась слабая намотка. В Минск срочно выехала начальница центральной лаборатории Галина Александровна Рудакова. И что оказалось? Выяснилось, что бумага, предназначавшаяся для высокой печати, была использована для офсетного способа. А тут, как вы знаете, совсем другие требования к намотке. Казалось бы, прямой вины комбината нет. Но, учитывая, что офсетный способ печати распространяется все больше, из этого случая сделали самые серьезные выводы. Капитально отремонтировали продольно-резательный станок, а сейчас поставили вопрос о его замене.

Н. БЕЛОУСОВ. Откровенно говоря, после того, как нашей бумаге присвоили Знак качества, работать стало труднее.

Л. БЕЛЯКОВ. Это верно.

Н. БЕЛОУСОВ. Теперь уже не допустишь той «прохлады», что случалась прежде. Ужесточился технологический режим — нужно больше четкости в действиях, повышенное внимание. Но, я вам скажу, работать стало и трудней и интересней. Не успеют занести на доску показателей свежие данные — все бегут посмотреть, вперед идем или отстали. А теперь еще теснее связали выплату премий с качеством продукции. У машинистов премия зависит от плотности полотна, у сушильщиц — от влажности.

Л. БЕЛЯКОВ. А это и правильно. Пусть каждый отвечает не за всю продукцию вообще, а за свой конкретный участок. Тут весь смысл нашей схемы управления качеством — на каждом участке четко выдерживать заданные параметры.

Н. БЕЛОУСОВ. Ну, а если бумага в итоге окажется плохой, как найти бракодела?

Л. БЕЛЯКОВ. Можно. Наверное, вы слышали о недавнем случае? На одних и тех же машинах в смены определенных бригад увеличился перевод бумаги в низшие сорта. Доложили директору. Решили было наказать бригадиров. Но в лаборатории в тот же день проанализировали показатели всех звеньев и точно установили: на деревообрабатывающем заводе один из рабочих нарушал технологию. Смены, когда он работал, совпадали со сменами тех самых бригад, у которых бумага переводилась в низший сорт. Так обнаружили причину, хотя она и далеко отстояла от следствия.

навыки, а это, поверьте, процесс сложный, иногда даже болезненный.

Вы знаете, как поступили на одном из бумажных предприятий в Швеции, когда пускали такую же, как у нас, скоростную машину? Набрали новый обслуживающий персонал из людей, совершенно незнакомых с бумагоделательным производством, не отягощенных инерцией прежнего опыта работы на тихоходной технике. Можно, конечно, спорить о преимуществах и недостатках подобного организационного подхода, но нам, кадровым рабочим, поднимавшим после войны комбинат из руин, устанавливавшим первую машину, конечно, было бы по-человечески обидно, если бы нам не доверили осваивать новые скоростные агрегаты. Словом, волнений, переживаний, споров — всего хватало. Скучать не было времени.

Н. БЕЛОУСОВ. Представляю!

Л. БЕЛЯКОВ. Пуск новой современной техники — это всегда и радости, и трудности, и бессонные ночи. Но вот ведь что закономерно: не успели освоить 750 метров — начали прикидывать, а нельзя ли больше. И оказалось, что можно. Заменяли то да се, поставили автоматику... Ваша бригада вчера на какой скорости работала?

Н. БЕЛОУСОВ. 830 метров.

Л. БЕЛЯКОВ. А к концу десятой пятилетки выйдем на 900. И это за счет использования новинок, которые не требуют коренной реконструкции машины, так сказать, малыми затратами сил и средств. Так что вам еще придется осваивать скорости, которые сейчас кажутся невероятными, как нам когда-то казались нынешние. Есть уже опытные установки, на которых теоретически можно подойти к скорости две тысячи метров. Это ли не фантастика?

Н. БЕЛОУСОВ. А вас не тревожит другая сторона технического прогресса? В нашей стране сейчас восемь скоростных машин — две в Кондопоге, две в Балахнинском комбинате Горьковской области и четыре в Соликамске. В этом году на нашем комбинате должна быть пущена девятая скоростная, рядом готово место для десятой. В ее проект наверняка будет заложена еще большая скорость и производительность. На «питание» одной такой машины, как наша седьмая, ежегодно потребуется около миллиона кубометров древесины. Чтобы получить это количество сырья, надо вырубить лес на площади

О ЛИСТА

Н. БЕЛОУСОВ. Леонид Иванович, вам довелось и монтировать обе наши скоростные машины и работать на них...

Л. БЕЛЯКОВ. Тогда, в середине шестидесятых годов, и в отечественном бумагоделании да и в мировой практике таких скоростей еще не выдвигали. Помнится, газетчики любили писать: «...бумажное полотно будет отливаться со скоростью курьерского поезда — 750 метров в минуту». Да что газетчики — нам, специалистам, эта скорость казалась фантастически высокой. Да и размеры машин, ширина бумажного полотна — шесть метров с лишним, — все поразило. Но, как говорится, глаза боялись, а руки делали. Приходилось преодолевать своеобразный психологический барьер. Ломать прежние устоявшиеся представления, приобретать иные

шесть тысяч гектаров. Только для одной машины...

Л. БЕЛЯКОВ. Вы хотите сказать, что если уж сейчас наша целлюлозно-бумажная промышленность потребляет ежегодно около 40 миллионов кубометров древесины, то что же будет дальше? На это я вам вот что отвечаю. Было время, когда наш комбинат получал сырье только полноценными бревнами, как мы их называем, белансами. Теперь все больше и больше поступает готовой технологической щепы из отходов лесопильного и деревообрабатывающего производств. Вы, комсомольцы, это, конечно, знаете. А в Архангельске, например, Соломбальский целлюлозно-бумажный комбинат целиком работает только на привозной щепе, то есть на тех самых отходах, которые раньше уничтожа-

- 1 ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО.
Уроки жизни. Диалог Героя Социалистического Труда Леонида БЕЛЯКОВА и молодого рабочего Николая БЕЛОУСОВА.
- 2 ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ.
«ПЕДАГОГИКА КОНТРОЛЯ».
- 4 Сабир АДЫЛОВ, главный архитектор Ташкента, лауреат Государственной премии СССР. «НЕПОВТОРИМОСТЬ».
- 7 Рассказ Михаила БУЛКАТЫ «ТАКАЯ ДОЛГАЯ ВОЙНА».
- 11 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 12 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
Юван ШЕСТАЛОВ. «СЕВЕР-ЧАРОДЕЙ».
- 14 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Ираиды ПОТЕХИНОЙ.
- 15 Стихи Бориса СОКОЛОВА.
- 18 МИР БЕЗ БУДУЩЕГО.
«ОЗЛОБЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ».
- 19 КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ.
- 20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО». Очерк о художнике Геннадии НОВОЖИЛОВЕ.
- 23 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».
- 25 АВТОБИОГРАФИИ.
Витаутас ЖАЛАКЯВИЧУС, лауреат премии Ленинского комсомола. «МОЕ МОРЕ, МОИ КОРАБЛИ».
- 28 НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов, О. Н. Шестинский.

Художник С. П. Тонин.

Технический редактор И. Кузьмина.

© Издательство «Правда». «Смена», 1976 г.

лись, сжигались, сбрасывались в отвалы. Это стало возможным тоже благодаря научно-техническому прогрессу. Если посмотреть на проблему пошире, в масштабах всей отрасли, то получится, что глубокая химическая переработка древесины помогает сберечь наши лесные богатства. Доказано, например, что одна тонна картона, используемого в тарном производстве, экономит 10—15 кубометров деловой древесины. Наша промышленность способствует комплексному использованию древесного сырья, а следовательно, и сбережению наших лесов от чрезмерных рубок.

Уж если мы заговорили о техническом прогрессе и его влиянии на окружающую среду, то стоит напомнить о загрязнении природы вредными отходами. Целлюлозно-бумажные предприятия строятся на крупных реках и озерах, так как наше производство одно из самых водоемких. И чем больше мы берем воды, тем больше возвращаем ее обратно с содержанием различных примесей. Конечно, все комбинаты и фабрики имеют мощные очистные сооружения. Но очистка стоков обходится очень дорого. Путь один — сокращать потребление воды, избегать использования вредных химикатов. Уже разработаны и внедряется метод сухой окорки древесины. На Херсонском целлюлозном заводе начинают при отбелке целлюлозы использовать вместо хлора кислород. Опыт этот, несомненно, найдет самое широкое распространение. Так что представление, будто научно-технический прогресс несет природе одни неприятности, в корне ошибочно.

Н. БЕЛОУСОВ. Леонид Иванович, комсомольская организация комбината шефствует над одной из школ поселка, а наша бригада — над шестым классом этой школы. Мы часто бываем там и замечаем, что ребята отпугивают трудности нашей профессии. Во всяком случае, в комбинатовское профтехучилище ребята идут неохотно.

Л. БЕЛЯКОВ. Подростки зачастую судят о профессиях по внешней атрибутике. Чем «экзотичнее» профессия, тем она, конечно, для них привлекательнее. Но это до определенного возраста, до непосредственного соприкосновения с делом. Чем раньше начнет подросток осваивать азы рабочей профессии, тем лучше.

Н. БЕЛОУСОВ. Любуй? Даже если душа к ней не лежит?

Л. БЕЛЯКОВ. Ну, я не думаю, что парнишку надо силой заталкивать в лесную школу, если его влечет слесарное дело. Возможность выбора у нас большая. Но даже если произойдет ошибка, то страшного в этом ничего нет. Ведь у нас каждый человек, а особенно молодой, может в любой момент изменить линию жизни. Вы кем пришли на комбинат?

Н. БЕЛОУСОВ. Электриком.

Л. БЕЛЯКОВ. Вот видите, а теперь работаете на машине, и, насколько я знаю, этот переход прошел для вас безболезненно. Кстати, хочу спросить: а почему вы решили сменить специальность?

Н. БЕЛОУСОВ. Я давно присматривался к работе бумажников и, честно говоря, завидовал им. Ведь бригада на бумагоделательной машине — это единый, слитный организм. Здесь не может быть такого, чтобы каждый действовал в одиночку, сам по себе, независимо от других. В бригаде все общее — неудачи и успехи, радости и горести. Труд бумажников — труд коллективный, и меня это всегда привлекало.

Л. БЕЛЯКОВ. Это вы сказали верно. А что касается выбора профессии нынешними школьниками, то здесь надо еще вот что учитывать. Что значит в наше время различная профессиональная принадлежность рабочего? Это различные условия труда, различный конечный продукт труда. Но в любом случае это — обслуживание техники, человек работает со станками,

машинами, механизмами. Вот что ваши подшефные должны понять и почувствовать. С вашей рабочей помощью.

У нас еще велика текучесть кадров, причем уходят и приходят люди в основном молодые. А ушел один, другой — значит, начиная все с нуля, принимай на выучку нового человека. Думаю, эффективность производства от этого страдает не меньше, чем от разных технических причин. Я тут сказал, что ошибка в выборе профессии может и не иметь серьезных последствий для человека. А для производства? Наверное, такие ошибки должны быть редким исключением из правила. Плоды шефства в том и состоят, что ребята проникаются тягой именно к тому производству, которое ты представляешь, за которое ратуешь. И, придя на комбинат, новички воспринимают заводскую жизнь всей душой, а это уже гарантия, что они вырастут в стоящих работников. Человек только тогда по-настоящему счастлив, когда увлечен своим делом, когда считает, что его дело — самое главное и жить без него нельзя. Тогда и общество воздаст ему за это сторицей.

Вот пример — Николай Плюснин, старший машинист бумагоделательной машины Соликамского комбината. Произошел с ним в свое время такой случай. Его друг работал в Майкопе на целлюлозно-картонном производстве. И вот начал он Плюснина звать к себе. Приезжай да приезжай, что ты там засиделся на своем Урале. Решился Николай, поехал. А через несколько месяцев получают в Соликамске письмо: отзовите скорее Плюснина обратно, пока он здесь не заболел от тоски по прежней работе. Плюснин-то скоростник, а в Майкопе тихоходные картоноделательные машины. Директор шлет телеграмму в Майкоп: забудь все, возвращайся. Николай вернулся и ровно через год за достижение наивысших производственных показателей был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Вот что значит по-настоящему любить свое — очень нелегкое дело. Рассказывают, и я этому верю, что Плюснин может ночью проснуться от ощущения, что с его машиной творится что-то неладное. Спешит на комбинат — и точно, на машине неполадки.

Н. БЕЛОУСОВ. Ну, это талант, исключительный случай.

Л. БЕЛЯКОВ. А кто же станет спорить, конечно, талант. Но и опыт. Высокий профессионализм. Доскональное знание машины. Технический прогресс — он многое дает, но и многого требует. Вы сами прекрасно знаете, что значит не сориентироваться мгновенно при наших скоростях, если случится обрыв бумажного полотна, промедлить секунду-другую. В таких ситуациях выручает только опыт. А для накопления опыта нужно время. Вот почему так важно, чтобы на комбинате был стабильный, неменяющийся коллектив, и комитет комсомола делает очень нужное дело, подерживая связь со школой, пытается привить подросткам профессиональный интерес к бумажному производству, да и вообще к рабочим профессиям.

Н. БЕЛОУСОВ. Отношения со школой у нас хорошо налажены, и комбинатовские комсомольцы много полезного делают для своих подшефных. Наша бригада в свое время взяла шефство над самым отстающим, недисциплинированным классом, а теперь он у нас — правофланговый. В походы с ребятами ходим. Устроили им даже нелегальную экскурсию на машину.

Л. БЕЛЯКОВ. Почему нелегальную?

Н. БЕЛОУСОВ. По правилам посещение комбината допускается только после восьмого класса. А наши — шестиклассники. Но мы для своих решили сделать исключение.

Л. БЕЛЯКОВ. Ну и как, машина на ребят произвела впечатление?

Н. БЕЛОУСОВ. Конечно, ходили с откры-

тыми ртами. Я вообще заметил, что бумагоделательное производство поражает всех, кто с ним впервые сталкивается, даже взрослых. Бумага — само олицетворение непрочности, и вдруг гигантские, высотой с двухэтажный дом машины, огромные скорости. Все это впечатляет.

Л. БЕЛЯКОВ. Знаете, что я посоветовал бы комитету комсомола: проведите в школе «урок бережливости». Посмотрите, сколько учеников перешло, скажем, из шестых классов в седьмые и сколько учебников они оставили своим преемникам в нормальном, непотрапанном виде. Приглядитесь, как они относятся к тетрадям. Ведь зачастую испорчен один лист, а целая тетрадь летит в корзину для мусора. Объясните, что из-за неряшливого отношения к учебникам государство ежегодно тратит на их переиздание тысячи тонн бумаги, которая могла бы пойти на художественную литературу, что в каждой книге, каждой тетради аккумулирован труд сотен людей. Пусть пионерская и комсомольская организации школы объявят поход за бережное отношение к учебникам. Проведите такой урок, и вы сделаете очень полезное, нужное дело. Это будет интересно и с точки зрения знакомства школьников с нашей профессией.

Кстати, вы знаете, какой лозунг висел в цехах Балахнинского комбината в годы войны, единственного тогда предприятия, вырабатывавшего газетную бумагу?

«Рулоны бумаги — те же снаряды! Помни, товарищ, что:

одна тонна бумаги — это один миллион советских листовок во вражеский тыл;

одна тонна бумаги — это 125 тысяч экземпляров наших брошюр с правдивым, большевистским словом, обращенным к войскам противника;

одна тонна бумаги — это 125 тысяч экземпляров газет для воинов нашей славной Красной Армии».

Вот как стоял вопрос. А бумагу эту делали сверстники ваших подшефных школьников. Евгений Власов, старший машинист Балахнинского комбината, в 15 лет был бригадиром, отвечал за всю машину.

Н. БЕЛОУСОВ. Спасибо за хорошую идею, Леонид Иванович, постараемся организовать такой урок вместе с педагогами школы. Пригласим ветеранов производства, вас пригласим обязательно. Пусть ребята учатся ценить труд через бережное отношение к окружающим их вещам.

И вот еще о чем я сейчас подумал: работу на комбинате не первый год, а истории предприятия толком не знаю, как, видимо, и большинство рабочих моего поколения. При поступлении на работу новичков никто с ней не знакомит. А ведь люди приходят в коллектив, у которого есть свои традиции, свои памятные даты, события, достижения. Хорошо бы каждому при оформлении на работу, особенно молодому рабочему, который впервые получает трудовую книжку, вручать памятку с краткой историей комбината, с основными историческими вехами. Уверен, что на многих предприятиях это делается.

Л. БЕЛЯКОВ. Этот упрек вы, как член комитета комсомола, должны адресовать прежде всего самому себе. Почему бы комсомолу не взять это важное дело под свой контроль? Проявите инициативу. Если потребуются материальные затраты, администрация вас поддержит, как и в любом хорошем начинании. На комбинате есть музей, активизируйте его работу. Для молодого рабочего, несомненно, очень важен авторитет предприятия, с которым он решил связать свою судьбу, а авторитет завода, комбината, фабрики начинается с их истории. Связь поколений неразрывна. Это еще раз доказывается развернувшимся у нас соревнованием «60-летию Октября — 60 ударных недель».

Н. БЕЛОУСОВ. Конечно.

Диалог записал
Анатолий ОЛЕЙНИКОВ.

Отвечаем на вопросы читателей

«Учитывая низкий технический уровень и качество изготовления ряда холодильников и вследствие этого их ограниченный срок, с 1.01.77 г. запретить реализацию следующих моделей холодильников: ...«Дон-2» и «Дон-5», «Оазис-2», «Ярна», «Ауст», «Ладога», «Пенза-2».

Это строчки из постановления Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР. Постановлению предшествовала проверка, проведенная на 18 заводах, выпускающих холодильники, 4 заводах по выпуску комплектующих изделий, 7 заводах по ремонту бытовых холодильников, в двух торгующих организациях, а также во Всесоюзном научно-исследовательском экспериментальном конструкторском институте электрических машин и приборов и в Минском конструкторском бюро — головных организациях по бытовым холодильникам. Проверку проводили органы госнадзора Госстандарта СССР. Их работой интересуются многие читатели «Смены». О структуре и характере деятельности госнадзора, о его роли в борьбе за повышение качества продукции, о формах и возможностях сотрудничества с комсомольскими организациями рассказывает заместитель начальника управления госнадзора Госстандарта СССР Лев Арнольдович ЗЛАТКОВИЧ.

педагогика контроля

— Постановлений, подобных тому, которое цитировалось, принято уже немало. Список изделий, реализация которых запрещалась в связи с несоблюдением стандартов и технических условий (что, по сути дела, означает плохое качество), к сожалению, велик.

Что делает и что может делать госнадзор, чтобы закрыть путь к потребителю недоброкачественной продукции?

Прежде всего о базе, которой мы располагаем. В каждом большом городе существуют либо лаборатории госнадзора, либо центры метрологии и стандартизации. Этих организаций в стране около 400. В них работает более 20 тысяч человек.

Исторически госнадзор складывался как надзор за измерительной техникой. Контроль за средствами измерения, за передачей точностных параметров от эталона к рабочим средствам, за тем, чтобы измерительные приборы соответствовали технологическому процессу, — все это остается и сегодня одной из важных сторон нашей деятельности. Но с 1965 года все большее значение начал приобретать надзор за соблюдением стандартов, то есть практически за качеством продукции.

В год мы проводим 17 тысяч проверок. В том числе около 40 комплексных. На них я хотел бы остановиться подробнее.

Права и функции органов госнадзора принципиально отличаются от прав и функций других инспекций. Возьмем, к примеру, любую инспекцию отраслевого министерства. Она контролирует только работу собственных предприятий, за рамки же отрасли выйти не может. Межотраслевая инспекция — скажем, Министерства внешней торговли, — контролирует только ту продукцию, которая идет на экспорт, выполняется по заказу-наряду или специальным стандартам и техническим условиям.

Когда мы определяем объект комплексной проверки, мы берем не только конечную готовую продукцию, но и одновременно с этим (или с опережением) проверяем все, что используется для изготовления данной продукции: и оборудование, и сырье, и материалы, и комплектующие изделия на любых предприятиях, независимо от их ведомственной принадлежности. Более того, мы проверяем и разработку новых изделий, которые должны прийти на смену находящимся сегодня в производстве и эксплуатации. Мы проверяем эксплуатацию, обслуживание, ремонт, то есть, как говорят ученые, все стадии жизненного цикла изделия. Совокупность таких материалов позволяет объективно оценить состояние дел, вскрыть причины недостатков и во многих случаях дать аргументированные предложения, что делать дальше. Зная общую обстановку, претензии потребителя к изготовителю,

а также изготовителя — к конструкции, мы смотрим в стадии разработки, насколько та конструкция, которая создается, действительно является шагом вперед.

Есть у нас и так называемые групповые проверки, когда мы не берем смежников, но прослеживаем ту или иную номенклатуру от проекта до изделия. Есть целевые проверки по конкретным вопросам. Например, соответствует ли требованиям продукция, выпускаемая со Знаком качества. Или как соблюдаются предписания по охране окружающей среды. Или как ведется разработка комплексной системы управления качеством. И так далее.

Хочу отметить: формируя план проверки, мы не стремимся держать его в тайне. Заранее предупреждаем министерства, ведомства, кого, когда и по каким вопросам будем проверять. Пожалуйста, готовьтесь. Предлагаю вопрос: а правильна ли подобная гласность? Если бы у нас была задача поймать кого-то за руку, найти преступника, тогда нужно было бы засекретить план проверки. Но мы в конечном итоге стремимся к повышению качества продукции, и если это будет сделано предприятием в процессе подготовки, то можно считать, что цель нашей работы достигнута.

Увы, статистика дает не слишком отрадную картину. К сожалению, количество проверок, при которых мы обнаруживаем нарушения стандартов и технических условий, еще весьма велико. Нарушения эти разные, порой серьезные, порой частные, но мелочам. Но нарушения есть нарушения.

Мы наделены широкими полномочиями. Например, имеем право запрещать реализацию продукции, не соответствующей стандартам. В одних случаях требуем устранить дефекты, в других, если эти дефекты носят систематический характер, даем так называемое «красное предписание» — вето на реализацию.

Очень важное обстоятельство: постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1970 года нам предоставлено право применять экономические санкции к предприятиям, допускающим отклонения от стандартов.

В чем суть таких санкций? Когда устанавливается, что предприятием реализована продукция, изготовленная с нарушением стандартов, мы своим предписанием обязываем исключить ее из отчета о выполнении плана. Прибыль, полученная от реализации этой продукции, изымается в доходную статью государственного бюджета.

Это суровая мера. Предприятие попадает в сложную ситуацию. Все плановые показатели «горят». Поэтому предприятия реагируют на санкции очень болезненно. Но это одна сторона дела.

Другая же состоит в том, что после применения санкций и предприятия и министерства, как правило, куда энергичнее ищут пути решения той или иной проблемы, чем они это делали прежде. До постановления мы, случалось, годами возились с тем или иным заводом, предупреждали, жаловались. Директорам объявляли выговоры, но все оставалось по-прежнему. Сейчас, посетовав вначале на санкции, нам потом говорят: в конечном счете вы нам помогли — мы добились фондов или оборудования и проблему, наконец, решили.

Вот характерный пример. Несколько раз нам приходилось в ответ на жалобы потребителей возвращаться к вопросу о качестве автомобильных радиаторов, изготавливаемых заводом «Киргизавтомаш» Министерства автомобильной промышленности. Но, прямо нужно сказать, наши увещевания не были слишком результативными. Наконец к заводу была применена санкция. Мы исключили из отчета предприятия некачественные радиаторы на сумму около 103 тысяч рублей и около 10 тысяч рублей прибыли изъяли в бюджет. Результат — сегодня это лучшее по качеству продукции предприятие среди заводов, изготавливающих радиаторы.

Примерно такие же результаты дало применение санкции к заводу хлороорганических продуктов имени Азизбекова, где из плана была исключена продукция на сумму свыше 440 тысяч рублей и изъято более 64 тысяч рублей прибыли, Лидскому заводу электроизделий, Тбилисской камвольно-пряделной фабрике и многим другим предприятиям.

Постановление имеет перед глазами педагогическую, если хотите, функцию контроля, мы, контролирующие органы, должны помнить о том, что проверка в каждом случае — это и дополнительная нагрузка на предприятие: проверки отвлекают людей от их прямых обязанностей. И это ставит перед органами контроля важную и актуальную задачу: обеспечить необходимую координацию, методико-организационное единство всех контролирующих органов, работающих порой и с разными критериями и в полной изоляции друг от друга. Давно назрела необходимость сведения воедино информации, получаемой в результате проверок. Недопустимы разрозненность и параллелизм в серьезном и ответственном деле контроля. А ведь иной раз возникают такие невеселые курьезы: главный инженер одного из крупнейших уральских машиностроительных заводов рассказывал, что их в прошлом году проверяли более ста (!) раз. В таком случае на эффективность и качество работы если и можно повлиять, то только в отрицательном смысле...

Серьезные и пока еще не использованные, на мой взгляд, резервы — в

сотрудничестве органов госнадзора с комсомольскими организациями на предприятиях и в учреждениях, с постами качества, с «Комсомольским прожектором». Мне представляется, что наши лаборатории на местах могли бы внести серьезный вклад в учебу комсомольских кадров по вопросам, связанным с повышением эффективности и качества работы. Чему могли бы они учиться? Пониманию роли стандартов в повышении качества продукции. Вопросам метрологического обеспечения производства. Научному подходу к этим проблемам. Системам управления качеством. Убежден, что комсомольцы-производственники смогут повсеместно еще активнее и квалифицированнее участвовать во внедрении передовых, современных методов труда, если овладеют механизмом комплексных систем управления качеством — важнейшего рычага совершенствования социалистической экономики.

Назову еще одну перспективную, с моей точки зрения, форму сотрудничества заводских комсомольских организаций и наших лабораторий. Всем известно, что большим местом почти любого предприятия являются отношения со смежниками. Здесь много вопросов: качество материалов и комплектующих изделий, сроки поставок, «тактика и стратегия» рекламаций и т. д. С некоторыми крупными предприятиями, например, с Волжским автомобильным заводом, госнадзор имеет специальное соглашение. В Тольятти нами создана лаборатория, одна из задач которой — выявление вместе с ВАЗом претензий к смежникам и принятие через лабораторию на местах оперативных мер.

Я могу представить себе, что комитет комсомола предприятия или «Комсомольский прожектор», сотрудничая с лабораторией госнадзора, имел бы возможность через нашу систему влиять на смежников. Наша лаборатория, получив сигнал о трудностях с предприятием, находящегося в ее сфере влияния, сообщила бы о нем органам госнадзора в городах и областях, где работают смежники. Результатом станет прицельная проверка качества, требование обеспечить действенный контроль за ним.

Повышение эффективности и качества — общая забота всех советских людей, какое бы место они ни занимали в нашем большом социалистическом коллективе. Работая вместе, помогая и поддерживая друг друга, овладевая современными научными методами управления экономикой, смело, энергично и продуманно вводя их во все трудовые сферы, мы успешно решим задачу, поставленную XXV съездом КПСС.

Сабир АДЫЛОВ, главный архитектор Ташкента, лауреат Государственной премии СССР
Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

НЕПОВТОРИМОСТЬ

«Архитектура — тоже летопись мира...»

Н. В. Гоголь

У сегодняшнего Ташкента два возраста: 2000 лет и 10 лет. И это не броская фраза, не звучный парадокс. Вот факт, который на первый взгляд кажется невероятным: за десять лет в Ташкенте построено столько же, сколько за всю прежнюю двухтысячелетнюю историю!

Но дело не только в количественных сравнениях. Последние годы в решающей степени изменили лицо Ташкента. Оно определяется сегодня современными планировочными решениями и архитектурными ансамблями, которые родились в минувшее десятилетие. В нынешнюю пятилетку ташкентские градостроители вступили, опираясь на опыт,

имеющий принципиальное значение. Мы располагаем всеми возможностями, чтобы взять новые, повышенные рубежи эффективности и качества, определенные сегодняшним этапом экономического и общественного развития нашей Родины, рубежи, на которые нацелил XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза.

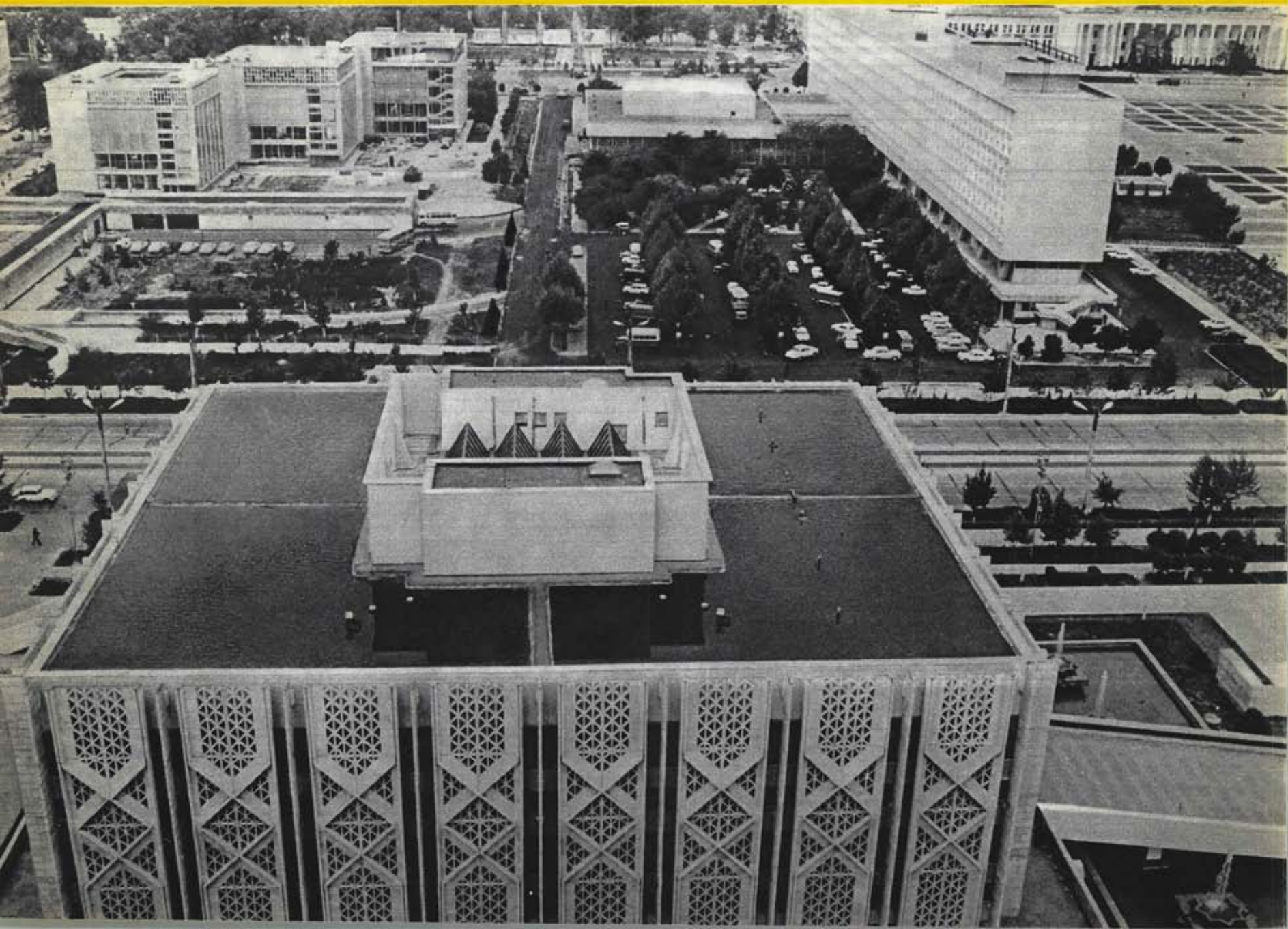
Как расшифровываются заглавные понятия десятой пятилетки — эффективность, качество — для нас, архитекторов, строителей, всех тех, кто создает проекты зданий, кварталов, городов и кто эти проекты реализует?

И в жизни людей и в жизни городов бывают

НОВЫЙ КОРПУС УНИВЕРСИТЕТА.

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА — ЛЕНИНСКИЙ МУЗЕЙ.

события, которые заставляют начинать отсчет времени заново. Беда, которая пришла в столицу Узбекистана 26 апреля 1966 года, не предупреждала о себе. На циферблатах всех городских часов стрелки остановились в 5 часов 23 минуты, в мгновение, когда Ташкент потряс сильнейший удар землетрясения. Город лишился миллионов квадратных метров жилья. Были разрушены или сильно пострадали многие школы, больницы, библиотеки, магазины, кинотеатры, административные здания.

Ни один ташкентец не сможет забыть, как страна отнеслась к драме города. Уже через несколько часов после первого удара землетрясения в Ташкент прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Вместе с ними прилетели члены правительственной комиссии по ликвидации последствий землетрясения. В городе продолжались подземные толчки, а в это время вместе с неотложными мерами по оказанию помощи населению обсуждались планы будущей застройки — масштабной, яркой, отвечающей требованиям большого социалистического города последней четверти XX столетия.

Рядом со словом «драма» встало слово «подвиг». Как иначе оценить то, что произошло на ташкентской земле? Со всех концов нашей необъятной Родины приезжали строители — со своими материалами, оборудованием, машинами. На счет 170064 в Государственный банк переводили дневную зарплату коллективы уральских заводов, присылали свои такие дорогие рублевки ленинградские школьники.

ЗДАНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ.

Ташкент расширил географию всесоюзных ударных комсомольских строек. Мощный студенческий отряд «Дружба», строительные комсомольские отряды из всех союзных республик работали на самых трудных и ответственных участках великого многонационального «хашара» — так в узбекском народе называют стройку, когда соседи помогают друг другу, когда всем миром сооружают дом.

Народный поэт Узбекистана Уйгун писал, выражая чувства всех ташкентцев:

*Страны необозримой даль и близки
здесь встали рядом
славной
цели
ради,
и словно в каменном рукопожатье
навек
руки братские слились!*

Вся страна строила Ташкент. Весь опыт отечественного градостроительства был щедро представлен нашему городу. В первые же дни после 26 апреля начала работу своеобразнейшая всесоюзная лаборатория архитектуры и градостроительства. Опытные мастера и талантливая молодежь из Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик привезли в Ташкент оригинальные идеи и смелые конструктивные решения, безудержную творческую фантазию и изобретательный инженерный расчет. Эпицентр землетрясения — район старой

**МНОЖЕСТВО ТИПОВ
СОЛНЕЦЕЗАЩИТНЫХ РЕШЕТОК
ОСВОИЛИ ТАШКЕНТСКИЕ
СТРОИТЕЛИ.**

Кашгарки—еще представлял собой свалку строительного мусора, бульдозеры и танки со снятыми орудиями еще расчищали площадку для будущих строительных работ, а на наши ватманы уже ложились первые штрихи того Ташкента, каким городу предстояло стать.

Был в нашем подходе к планированию нового Ташкента главный критерий, сомнений ни у кого не вызывавший: мы строим город для человека. Для советского человека. Он должен стать городом-другом, городом, где уютно жить, где люди не спешат укрыться за четырьмя стенами квартир, городом, в котором не докучливая и унылая монотонность, а богатство и разнообразие современных и традиционных архитектурных форм станут «несущей конструкцией», основой генерального плана.

Думая о том, как будет выглядеть Ташкент завтрашнего дня, мы исходили из того, естественно, что индустриальные методы строительства—единственно возможная формула решения жилищной проблемы. Это аксиома. Как и другое: типовая застройка часто, слишком часто вносит в портрет самых разных, далеких друг от друга городов назойливые штампы, стереотипы. Дом, похожий на дом,—это не идеал архитектора. Что же сказать о кварталах одинаковых домов! Право же, только как с вынужденной необходимостью можно было какое-то время мириться с тем, что на севере и юге, западе и востоке гигантской нашей страны появлялись кварталы-близнецы, лишённые каких-либо собственных отличительных признаков. Сегодня мы не только имеем возможность—мы обязаны строить иначе.

Ни одному разумному человеку не придет в наше время в голову ратовать за перегрузку жилых или административных зданий всевозможными нагромождениями архаичных колоннад, причудливых лепных украшений, дорогостоящих скульптурных композиций и прочими атрибутами архитектурного младенчества, когда функциональность уходит на задний план, а то и безоговорочно капитулирует перед нарочитой помпезностью. Но разве можем мы утверждать, что потенциал творческих возможностей, которые открывает сотрудничество художника и строителя, исчерпан?

Люди строят город. Но город, в свою очередь, формирует людей. Вспомним ленинскую идею монументальной пропаганды. Создать здания, ансамбли, памятники, которые наполнили бы душу гордостью за социалистическую Родину. Добиться того, чтобы самые юные жители получали уроки гражданского и эстетического воспитания на улицах родного города. Ответственная и благородная задача.

Генеральный план застройки Ташкента датирован 1968 годом и предусматривает развитие города до 2000 года. Оговорюсь сразу, что план—не застывшая догма, архитектурная и инженерная мысль не стоит на месте, и время подкашивает новые и новые решения, еще вчера казавшиеся нереальными. Тем не менее можно утверждать, что основные контуры будущего Ташкента определились. 73 объекта, строительство которых продолжается обычно по семь—десять лет, уже сдаены. 10 таких объектов строится. Новый центр Ташкента в основных своих элементах сложился.

Это не было результатом «келевой» работы узкой группы архитекторов. Партийная организация республики постоянно уделяла и уделяет строительству Ташкента пристальное и заинтересованное внимание. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, руководитель республики создали атмосферу делового и творческого диалога по всем проблемам возрождения Ташкента. Самое широкое участие в дискуссии о будущем нашего города приняла общественность республики. Сколько живых импульсов дало, к примеру, обсуждение статьи «Каким быть центру Ташкента», опубликованной на страницах «Правды Востока»! Авторы статьи, знатные люди республики, в числе которых строитель, депутат Верховного Совета СССР Х. Бохадиров, профессор Г. А. Пугаченкова, народный художник Узбекской ССР Л. Абдуллаев и другие, писали в редакцию: «...Мы призываем тех, от кого зависит будущий облик Ташкента,—архитекторов, художников, строителей, руководителей строительной индустрии: сделайте все, чтобы в веках стоял неповторимый Ташкент, город, достойный своего имени, своей славы».

В обсуждении проектов центра Ташкента активное участие принимали Союз архитекторов СССР, Центральный научно-исследовательский институт градостроительства, ведущие архитекторы Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик. Ташкентцы глубоко признательны им.

Мы предполагали, что к 1980 году в Ташкенте будет около полтора миллиона жителей. Как оказалось, ошиблись. Уже сегодня в адресной книге города—1 миллион 750 тысяч человек. Нужно исходить из того, что где-то в начале следующего десятилетия численность населения перешагнет черту в 2 миллиона. Эти подсчеты—уточненные и скорректированные—легли на чашу весов, когда мы определяли характер застройки, в частности проблему этажности. Сегодня мы планируем и строим в Ташкенте жилые дома в основном в девять этажей. Для наших конкретных условий это оптимальный вариант.

Существует множество фантастических проектов городов будущего, тех, которые появятся на нашей планете лет, скажем, через сто. Иные проекты блещут оригинальностью и новизной. И почти все они предусматривают рост городов ввысь. Жилые дома предлагается делать высотой в шестьдесят, восемьдесят этажей, а то и выше. Тенденция «вверх» представляется закономерной, если, конечно, ее не доводить до абсурда. И дело не только в том, что идет борьба за каждый «пятачок» земли. Если вернуться к проблемам эстетики, то нельзя не признать, что высотные здания, несомненно, делают более выразительным и впечатляющим силуэт города, они «взрывают» ту одинаковость, которой часто грешит современный городской ландшафт.

Важное место заняли высотные дома и в ансамблях нового Ташкента. 20-этажное здание на площади имени В. И. Ленина, 17-этажная гостиница «Узбекистан», редакционно-издательский корпус—без них уже не мыслится город. Как и без тех четырех высотных комплексов, которые сегодня строятся и проектируются,—городского вычислительного центра, библиотеки имени Алишера Навои на 10 миллионов томов, крупнейшей гостиницы, Дома проектных организаций. И все же, размышляя о перспективах Ташкента, мы думаем, должны откатиться от высотной гигантомании. И через несколько десятков лет, по-видимому, будет нецелесообразно строить в нашем городе сооружения, этажность которых исчислялась бы многими десятками. Сейсмичность нашей зоны настолько удорожает стоимость постройки сверхвысоких зданий, что любым неумным полетам воображения ставится разумный предел.

Вот вширь Ташкент будет расти. Сегодня его площадь—25 тысяч гектаров. По генеральному плану площадь Ташкента 2000 года составит около 35 тысяч гектаров. Десять лет назад в Ташкенте строили в год 250—300 тысяч квадратных метров жилья, сейчас—около 800 тысяч. При этом нашей главной заботой остается качество. Качество во всех звеньях—в планировочных решениях, в прочности зданий, в их отделке, в компоновке квартир. Значительно увеличатся зоны отдыха—парки, скверы. Широкая полоса зелени отделит промышленные объекты от жилых кварталов.

Масштабы Ташкента сегодняшнего и завтрашнего дня определили важный пункт в наших проектах: строительство метрополитена. Над первой очередью протяженностью в 12,2 километра уже ведется работа. Ташкентское метро, седьмое в Советском Союзе,—ударная стройка комсомола республики. Коммунисты и комсомольцы стройки выступили с патриотической инициативой—сдать первую очередь метро к 60-летию Великого Октября.

Только за первые шесть месяцев этого года 440 юношей и девушек с комсомольскими путевками в руках пришли на постоянную работу в подразделение треста «Ташметрострой». На строительстве метро провели трудовой семестр более 600 бойцов студенческих отрядов. Только за половину текущего года комсомольско-молодежные коллективы безвозмездно отработали 10500 человеко-дней. В ходе ударного месячника «Комсомольский металл—ташкентскому метро» было собрано 690 тонн металлолома. И последняя цифра: в 1976 году 500 выпускников средних школ влились в ряды строителей метрополитена.

Ударная стройка комсомола... Как показывает опыт, это гарантия того, что все будет сделано досрочно и на высоком уровне. Сейчас в Ташкенте трудятся 22 тысячи молодых строителей, создано 105 комсомольско-молодежных коллективов, из них 13 работают по методу знатного строителя бригадира Николая Злобина. Доброе имя у молодых бригадиров Василия Волкова, Бохадыра Шукурова, Валерия Тимошенко, Нармурада Бабаярова—победителей социалистического соревнования. Горком комсомола вместе со строительными организациями города проводит ежегодно конкурсы по шести строительным профессиям—каменщиков, штукатуров и др. Польза несомненная: работа лучших—это прежде всего урок эффективности и

качества, урок, важный для широкого круга их товарищей по профессии.

Не берусь вычислять средний возраст тех, кто создавал и создает новый Ташкент, но одно бесспорно: и на строительных площадках и в архитектурных мастерских уверенно чувствует себя молодежь. И мы делаем все, чтобы открыть творчеству молодых самый широкий простор. Вот характерный пример. В «Ташгипрогор» пришла студентка-дипломница Т. Меметова. Ее дипломный проект оказался настолько интересным, что было решено дать ему «путевку в жизнь»—использовать для строительства инженерно-технического корпуса завода «Таштекстильмаш». Или другой пример. Станция метро «Хамза» оформляется по проекту молодой архитектора Г. Чернова, победившего в конкурсе. Он представил предложение, сочетающее простоту и изящество с продуманностью эксплуатационных решений. Премии Ленинского комсомола Узбекистана удостоена работающая в Ташкенте молодая художница из Литвы Ирена Липене. Ее витраж «Солнце» интересно вписался в интерьер гостиницы «Узбекистан».

«Рука» нашей творческой молодежи—во многих удачных штрихах архитектурного портрета Ташкента. К ним я отнес бы традиционный в Узбекистане бирюзовый цвет, который мы не просто восстановили в правах, но и начали активно и прицельно использовать в строительстве как уникальных сооружений, так и типовых жилых домов. Еще находка—солнцезащитные решетки. Каждый, кто бывал в Ташкенте в знойные летние месяцы, знает, что это не архитектурная причуда. В изготовляемых индустриальным методом декоративных решетках типа «панджара» в убедительном единстве проступают функциональное начало и традиции национальной архитектуры.

Наш город жаркий. И, строя его, мы постоянно думали о том, что люди скажут спасибо за каждый квадратный метр летних помещений—лоджий, балконов, террас. Ташкент сегодня обеспечен водой на уровне среднесоюзной нормы—огромное благо для нашего города! И этим мы обязаны в первую очередь братской помощи строителей Москвы, которые не только поднимали из руин жилые кварталы, но и создали разветвленную сеть подземных коммуникаций. Слово праздничный салют в честь москвичей и других друзей Ташкента, ударили в небо фейерверки ташкентских фонтанов.

Строительство нового Ташкента дало мощный толчок развитию народных промыслов—керамики, майолики, резьбы по мрамору, дереву, ганчу. Великолепны работы народного мастера Махмуда Усматова и его учеников. Народное искусство переживает сегодня поистине вторую молодость. И не удивительно, что подготовка мастеров завтрашнего дня занялись профтехучилища республики.

У городов, как и у людей, обязательно должны быть свои неповторимые черты. Сходство? Почему бы и нет. Но смотря какое. Однажды мы сравнили элегантную геометрию Елисейских полей Парижа с анфиладой ташкентских бульваров, сложившихся исторически и возникших вновь. И изумились неожиданному совпадению. С точностью почти до метра на кальке совпали пропорции чередования зелени и застройки. А ведь красота Елисейских полей хрестоматийно известна...

Десять лет—это по счету истории немного. Коренная реконструкция старого города еще предстоит. И здесь для нашей творческой молодежи, для всех нас—непечальный край работы. Сооружая новые ансамбли, мы стремимся к тому, чтобы бережно сохранить замечательные памятники национального зодчества, органически соединить с ними создаваемые вновь архитектурные комплексы.

Архитектуру называют застывшей музыкой. Мы хотим, чтобы ташкентская архитектурная симфония, которую мы «писали» с любовью и фантазией, доставляла радость людям, была им необходимой. Пусть простят меня за столь лирическую расшифровку задач градостроителя, но мне кажется, что сегодняшние успехи в области архитектуры и строительства неправильно было бы измерять одними квадратными метрами.

Р. С. Я был в Москве, когда ТАСС передало сообщение из Ташкента, датированное 16 июля 1976 года. Вот его текст: «Сегодня в 10 часов 50 минут по московскому времени жители города ощутили колебания почвы силой около пяти баллов. Приборы сейсмостанции «Ташкент» зафиксировали эпицентр в черте города. Никаких разрушений нет».

И не должно быть. Город построен так, чтобы выстоять.

Чтобы жить.

Михаил БУЛКАТЫ

РАССКАЗ

Нафи ДЖУСОЙТЫ

Такая долгая война

Перевели с осетинского Борис АВСАРАГОВ и Владимир ЦЫБИН

1

Тогда еще в нашем ауле школы не было, и мы со старшим братом Бечыром ходили за семь километров пешком. По утрам Бечыр ухитрялся выйти из дома раньше меня, чтобы проторить на снегу тропинку.

А я сам любил пробиваться по свежему, еще не слежавшемуся снегу. Его смягченный намокшими чуйками хруст шекотал сердце, манил кристаллический блеск вспыхивающих на солнце снежинок. Но этой радости меня обычно лишал Бечыр.

— Иди за мной, малыш! А то уже запыхался... Неохота таскать тебя на спине! — одергивал он меня, когда я порывался забежать вперед. Меня бесило это «малыш». Я подкрадывался сзади, примеряясь к Бечыру, но макушка моя едва доставала до его плеч.

Бечыр, конечно, чувствовал, что я к нему примеряюсь.

— Ты здорово вытянулся в последнее время, малыш! — говорил он. И улыбался так, словно этой улыбкой платил мне долг. Скрещенные черные брови Бечыра растягивались до самых ушей, и от искр, мерцавших в черных глазах, светлело смуглое лицо.

Мне нравились лукавые ямочки на щеках Бечыра, и я прощал ему даже свое унизительное прозвище. Я понимал, что за его смехом скрывается что-то доброе, да и посмеивался он, когда мы были одни. А иногда я замечал, что он играет со мной, когда ему совсем не хочется. Почему он прикидывался?

Бечыр не любил говорить о своих огорчениях. От отца с фронта давно ничего не было. Глядя на встревоженные глаза гыцци*, я делился своими опасениями с Бечыром.

— Малыш, ты пригодился бы вторым пилотом Чкалову, когда он летел через полюс в Америку. — Бечыр умел успокаивать меня и гыцци. Я привык к его улыбке, подобной милостыне. Меня давили плач и горе, которые приносил в аул четырнадцатилетний почтальон Илас. От них спасали только улыбка Бечыра и ласковое бормотание дедушки Кудзи, встречавшего нас по дороге в школу.

Война поселилась в саклях нашего аула, витала над проселочной дорогой, пустовавшей целыми днями. Она проникла в глаза гыцци, которые пронизывали меня каким-то страшным, отчужденным холодом. Не слышно было стрельбы, но везде была война. Так мне тогда казалось.

— Малыш, как ты думаешь, сколько было Робинзону Крузо, когда он попал на необитаемый остров? — Бечыр опять притворялся, будто в мире ничего не происходит, но его притворство почему-то обнадеживало.

Миром веяло на меня и со двора дедушки Кудзи. Каждое утро мы видели старика, оперевшегося на свой узловатый коричневый посох. Я знал, чувствовал спиной: Кудзи провожает нас и не сдвинется с места, пока мы с Бечыром не скроемся из виду. Я оборачивался, чтобы увидеть прощальный взмах его руки и услышать бархатное бормотание:

— Не дай бог и одного дня прожить без этих мальчигов!..

2

Бечыр и вправду считал меня малышом. Как только появлялся Илас и вспыхивали женские причитания, Бечыр меня куда-нибудь уводил. Меня преследовал женский плач и душили слезы, а Бечыр говорил:

* Гыцци — мама (осет.).

Осетинский прозаик Михаил Булкаты, по профессии инженер-железнодорожник, дебютирует перед всесоюзной аудиторией.

Выход М. Булкаты к всесоюзному читателю закономерен: его романы, повести и рассказы хорошо известны в Южной, откуда он родом, и в Северной Осетии. Популярность писателя объясняется его любовью к богатейшей национально-фольклорной традиции, своеобразной ее интерпретацией на современном жизненном материале. Причина же несколько запоздалого дебюта — опасность непереводимости, боязнь утратить в переводе живой языковой колорит.

Творческий почерк писателя, особенно в последних вещах, устойчив, ясен и безыскусен, за каждой строкой чувствуется глубокое знание жизненного материала. Пережитое художником часто оставляет ощущение автобиографической достоверности, в его рассказах нет «холодной» расчетливости ремесла, а есть непосредственность, пренебрегающая витиеватостью слога.

Рассказ «Такая долгая война» взходит в книгу «Живой обелиск», выпуск которой предполагается издательством «Современник».

— Не надо, малыш! Так было при всех войнах...

Я чувствовал в его голосе примесь горя и слез, но говорил он спокойно, точно знал лучше всех, как было при всех войнах. И я про себя думал: «Значит, пока не все потеряно!»

Как-то, уловив момент, мы зашли с Бечыром в комнату, где стоял окованный серебряными обручами огромный старый сундук матери. Гыцци куда-то ненадолго ушла. Загадочно поблескивающие глаза Бечыра говорили: опять он что-то задумал.

Выглянув из предосторожности в окно, Бечыр на цыпочках подошел к сундуку и потянул вверх овальную крышку. Режущий скрип ржавых петель оглушил весь дом: сундук не открывался с того дня, как отец ушел на фронт.

На аккуратно сложенной черной черкеске с газырями лежало отцовское оружие. Глядя на серебряные ножны кинжала, сабли и головки газырей, я вспомнил, как гыцци их раньше чистила и вывешивала проветривать во дворе. Не было от хозяйки оружия вестей, и гыцци забыла о том, что клинки кинжала и сабли нужно смазывать салом.

Отодвинув оружие в сторону, Бечыр извлек из сундука черную черкеску с газырями, надел ее, опоясался ремнем с серебряными насечками и подвешенными на нем кинжалом и саблей, нахлобучил бухарскую папаху, и в комнате раздался чистый звон обнаженного клинка. Теперь я окончательно понял, каким малышом выгляжу в глазах Бечыра.

— Где же она его спрятала?... — бормотал Бечыр себе под нос и копался в сундуке, окунувшись в него с головой.

— Что ты еще ищешь? — спросил я.

— Сейчас увидишь, малыш!

Под старым бордовым женским платьем с подвесными рукавами, обшитыми золотой нитью, лежал маузер в деревянной кобуре, а рядом — защитного цвета кистет с патронами. Наконец-то Бечыр нашел то, что искал.

— Как же это отец забыл взять с собой оружие! — вырвалось у меня.

— Против Гитлера — с маузером времен гражданской войны?

Он нажал маленькую кнопку, открыл крышку деревянной кобуры, вытащил из нее маузер с чуть поржавевшим длинным стволом и костяной рукояткой с какими-то надписями, вскинул его, прицелился в темный верхний угол комнаты. Ожидая выстрела, я с трепетом смотрел на спусковой крючок, который Бечыр, напрягшись, надавливал указательным пальцем. Но раздался только сухой щелчок, и когда Бечыр уверенно вложил маузер обратно в кобуру, я убедился, что он продельвает это не впервые.

— Почистить бы его, малыш! А то вернется отец, застанет свое оружие заржавленным — неудобно будет, — сказал он.

Я не мог оторваться от маузера с высунутым из глазницы деревянной кобуры холодным и длинным дулом. Я забыл о войне, о гыцци, которая могла вот-вот зайти, о черкеске — Бечыру не хотелось снимать ее. И бордовое платье, переходящее из поколения в поколение, надеваемое лишь один раз в жизни, и черкеска с серебряными газырями — все было ничто в сравнении с легендарным маузером.

«Наверное, Бечыр хочет уйти с оружием отца! Но раз он доверяет мне, то и меня возьмет с собой! — думал я. — Куда он может уйти и зачем? Наверное, я сошел с ума! Как-то странно получается, — размышлял я, — вещи, которыми человек пользуется в мирное время, еще ни о чем не говорят, а вот оружие!..»

— Бечыр, неужели оружие способно нести правду?

Бечыр удивленно уставился на меня.

— Не всегда, малыш. Но оружие может хранить в себе правду о неправде, — сознавая значительность сказанного, произнес Бечыр и, прикрыв бордовым платьем маузер, продолжал шарить по углам сундука.

Я был разочарован.

— Есть вещи, малыш, которых ты еще не понимаешь. Зачем тебе правда, скрытая в вещах? Глянь-ка лучше из окна!

«Что же он еще ищет? Может быть, у отца на дне сундука спрятан разобранный по частям пулемет «Максим»?» — недоумевал я.

— Вот в чем зарыта правда! — вскричал вдруг Бечыр.

Я обернулся. В руках у Бечыра был зонт с изогнутой рукояткой. Обыкновенный черный зонт, с которым гыцци выходила в дождливую погоду.

— Ну и чудак же ты, Бечыр! — Я рассмеялся.

А Бечыр снял черкеску и оружие, сложил их в сундук и, прикрыв овальную крышку, поманил меня пальцем:

— Идем, малыш!

Всучив мне нашего черного кота, Бечыр с зонтом под мышкой молнией метнулся по лестнице. Потом скатился по ней обратно, взял у меня кота и, посадив его за пазуху, стал внимательно осматривать гладкую глиняную стену.

Смешно было смотреть на Бечыра, который карабкался по стене с отчаянно мяукающим котом. Вцепившись пальцами в карниз, Бечыр повернулся ко мне:

— Поднимайся за мной, малыш!

Когда я взглянул с крыши двухэтажного дома вниз, у меня закружилась голова и я присел на черепицу, поросшую мягким зеленым мхом. У Бечыра дрожали руки, но в глазах его то и дело вспыхивали искры, как и тогда, когда он доставал из кобуры маузер. Его замысла я не мог понять до тех пор, пока он опять не всучил мне напуганного кота и не вытащил из кармана тонкую шерстяную бечевку.

Один конец бечевки он привязал к изогнутой рукоятке зонта, а другим перепопсал кричащего, извивающегося кота. Из царапин на руках Бечыра сочилась кровь, лохмотья старой, изорванной рубашки развевались по бокам, но Бечыр не обращал внимания ни на кровь, ни на оголившийся живот. Он хотел успеть до возвращения гыцци.

Подняв черный зонт с привязанным к нему котом над головой, он вытолкнул их с крыши.

— Счастливого пути, Куырна! — торжествовал Бечыр.

Это было чудо. Четвероногий парашютист, оглашая аул душераздирающим криком, плавно спускался вниз. Я не видел Бечыра таким с тех пор, как мы с соседским мальчиком Тотрадзом скакали нагишом на неоседланных конях. Бечыр хохотал как сумасшедший.

— Молодец, Куырна! Вот это парашютист!.. За проявленный героизм награждаю тебя чашкой молока! — кричал Бечыр.

Парашютист приземлился без происшествий, черный зонт упал рядом, как летучая мышь со сложенными крыльями.

— И Чкалов не сразу пересек Северный полюс, малыш! — прыгал вокруг меня Бечыр.

Через несколько дней с крыши дома на двух зонтах спрыгнул он сам. Но разве мог удержать его такой парашют? Как только он кинулся вниз, спицы на обоих зонтах с треском лопнули, парашютист плюхнулся на соседский двор и долго после этого потирал синяки на локтях.

Вот тебе и Валерий Чкалов.

3

Все могло надоесть Бечыру — игра в прятки, скачки на неоседланном коне, — но привязанность к дедушке Кудзи не менялась. И еще Бечыр зачитывался сказаниями о народных осетинских героях — Чермене Тлаттаты и Хазби Алыкваты, Кудзи Дзутты и Татаркане Томайты. Он изображал их с мальчиками по вечерам на улицах аула, и я не помню, чтобы он сыграл одного героя хоть дважды. Сказку же о девятиглавом великане из уст дедушки Кудзи мог слушать Бечыр без конца.

О существовании фандыра и о том, что Кудзи умел на нем играть, мы не знали. Это было неожиданное открытие.

Кудзи был всегда рад нам, и мы приходили к нему без приглашения. В тот вечер впереди, как обычно, шел Бечыр. На улице было тихо.

Открыв дверь дома Кудзи, Бечыр отшатнулся и загородил тесный проход распростертыми руками.

Из комнаты просачивались мягкие звуки фандыра. Я стоял за спиной окаменевшего Бечыра и слушал песню о Таймуразе Кодзырты.

*Ой, нана, сшитая тобою
Серая черкеска
В жестоком бою
Заменяла мне
Панцирь Церекка...**

Сгорбившись, старик сидел на треножнике. Струны фандыра из тугих воловьих жил ровно гудели от прикосновения пальцев Кудзи и становились похожи на опущенные вербные веточки. Фандыр лежал на коленях старика, в такт мелодии Кудзи тихонько поталкивал его грудью.

*Меч ее не сечет
И пуля не пробивает.
В узком ущелье
Пули кабардинских князей
Градом летели на меня, гыцци...*

Голос Кудзи то срывался, то взлетал ввысь. Я не знал о жизни дедушки Кудзи, но чувствовал, что песню о героическом Таймуразе старик переложил на собственный лад.

*Ой, Кодзырта, своего рыбого быка,
Которого не разрешили мне
Поменять на оружие,
Теперь заколите для поминок...*

С морщинистых скул Кудзи скатывались слезы. Мы с Бечыром стояли в дверях, как заколдованные.

*Я бы этим оружием
Наделал бед князьям.*

*Панцирь Церекка — непробиваемый стрелой.

*Заклинаю тебя, гыцци,
Не горюй по мне...*

Заметив нас, старик застенялся, провел шапкой по скулам, сдвинул ее на глаза. Потом отложил инструмент, улыбнулся.

— Пришли? — спросил он хрипло.

Бечыр прошептал умоляюще:

— Сыграй еще, дедушка!

Кудзи покачал головой и протянул ему фандыр.

— Не-е-ет, мой мальчик... Ты теперь на нем будешь играть.

Бечыр растерялся.

— Как же это, дедушка? Как я буду на нем играть?

— Играй так, сынок, как играл на нем... его прежний хозяин. — сказал Кудзи.

— Дедушка!.. — У Бечыра вздрагивали губы и ресницы.

...Через некоторое время я узнал, что хозяином фандыра был сын Кудзи, Сослан, замученный белогвардейцами на глазах у связанного отца.

4

Радости Бечыра не было предела. Еще недавно прыгавший на зонтах с крыши нашего дома, он сразу как-то переменялся, стал взрослей и жестче. Песня Кудзи растревожила его. Я был слишком мал, чтобы он мог со мной этим поделиться.

Как-то среди ночи, стараясь не разбудить меня, Бечыр выполз из-под одеяла и, подкравшись на цыпочках к кровати гыцци, стал перед ней на колени.

— Гыцци!

— Что с тобой, сынок?

Гыцци не спала. Я видел, как она гладила ладонью щеки и курчавые волосы Бечыра.

— Я не знал, что такие старики, как Кудзи, умеют плакать.

Воцарилась мертвая тишина, не слышно было тяжелого дыхания гыцци, ее шелестящих ладоней. Они думали, что я сплю, а я не знал, как мне сглотнуть сдавивший горло комок.

— Он не плакал... он пел, — замычал я из темноты.

Гыцци молчала. Бечыр вздохнул.

— Пел! Если это называется песней, то что же такое плач?

Послышался шорох одеяла. Гыцци поднялась с постели.

— Черный день настал для моего очага! — Она зажгла парафиновую свечу.

Я увидел в мерцавшем огне трепещущую фигуру матери и Бечыра на коленях.

— Гыцци, ты видела когда-нибудь плачущего Кудзи? — Шепот Бечыра был похож на дрогнувший лепесток зажженной свечи.

— Чтобы избавиться от горя, единственный выход — плач, сынок.

— Какая же нужна сила, чтобы запереть собственное горе в сундук и двадцать лет никому не показывать?

— Это могут только люди, похожие на нашего старика.

— Кудзи раскрыл свою боль перед нами с малышом, гыцци.

— Значит, он считает вас достаточно взрослыми.

— Горе, идущее оттуда, — Бечыр показал рукой вдаль, — к дедушке Кудзи пришло раньше, чем к другим, гыцци! На двадцать лет раньше...

— Да, сынок. Ему никто не приносил черную бумагу. Он видел это собственными глазами... Он потому и молчит, сынок, что сейчас больно всем.

Бечыр снял со стены инструмент.

— Гыцци! Две вещи были у дедушки Кудзи: фандыр и песня. Он хранил их целых двадцать лет, а теперь вот подарил нам с малышом...

Всю ночь Бечыр лежал с открытыми глазами, и мне казалось, я слышал, как вспархивали его длинные ресницы.

Играть Бечыр не умел. Кроме нескладного бречанья, у него ничего не выходило. Неподатливые пальцы быстро немели. Но песня Кудзи и его наказ не давали Бечыру покоя.

Он научился играть. Грубые, как прутья, пальцы ожили, стали послушными, и я уже не знал, кем же все-таки станет Бечыр: летчиком, альпинистом или музыкантом.

По ночам Бечыр забывал о сне. Играл, смеялся над собственной импровизацией, пел. Гыцци тоже радовала музыка Бечыра, но чувствовало ее сердце, что за его смехом и весельем что-то таится.

— Отдохни, сынок, и музыке дай отдохнуть, — умоляла она.

Но Бечыр играл и пел. Играл и пел.

5

Война началась давно и тянулась так долго, что успел уйти на фронт соседский мальчик Тотрадз, который был всего на полтора года старше Бечыра. Бечыр слонялся, как одичалый, не находил себе места.

Дни скользили друг за другом, как четки, перебираемые дедушкой Кудзи. Аул опустел и заглож. Лишь изредка, когда Илас приносил в чью-нибудь саклю треугольное письмо, слышались радостные восклицания.

Во мне и поныне живет страх перед почтальоном, перед той облешей дерматиновой сумкой, перекинутой через плечо.

— Нет страшнее человека, чем почтальон Илас, — сказал как-то Бечыр по дороге в школу.

Я оцепенел. Оказывается, Бечыр думал о том же.

— Что тебе плохого сделал Илас?

Бечыр снисходительно улыбнулся.

— Я сказал не «плохой», а «страшный».

— А разве между плохим и страшным есть разница?

— Есть, малыш. Быть страшным Иласа заставляет война. — И Бечыр показал мне какой-то клочок бумаги. Я развернул его и увидел черную кайму. В глазах потемнело. Я различал только одно слово — «погиб». Расплылись и очертания смуглого лица Бечыра.

— Бечыр! Ведь Тотрадз совсем недавно ушел!.. Откуда оно у тебя?

— У Иласа взял...

Так вот зачем он каждый день звал меня встречать Иласа! Я не хотел видеть этой черной сумки и отказывался встречать почтальона. И Бечыр шел один, без меня.

А сейчас Бечыр стоял с побелевшими губами и одно за другим выдергивал из кармана извещения, блуждая прищуренными глазами по чистому небу, точно там искал души павших. Я беззвучно считал бумаги с черной каймой. Их было семь. Вот они, спрятанные Бечыром души павших: мой родной дядя — балагур и

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

шутник Баграт; сын старого плугаря Бика—тихоня и флегматик Гиуарги; сьновья вдовы Терезы—Авксентий и Иуане; средний сын Беджа Тебллойты—Архип; беспризорник и бывший пастух аула Нестор Джергаты и... Тотрадз.

Бумаги жгли мне ладони. Я вернул их Бечыру.

— Надо раздать их матерям.

У Бечыра вспыхнули глаза.

— Ты что, свихнулся, малыш? Раздать мог и сам Илас, но он таскал их в черной сумке уже целый месяц.

— А что с ними делать?

— Прятать до конца войны, потому что причитания семи матерей страшной самой войны, а сейчас надо воевать... Хотя не семи матерей...—поникишим голосом добавил Бечыр и среди извещений выбрал одно—о Несторе Джергаты.—Вот это никому не отдашь, малыш! У Нестора никого нет... У него нет матери, малыш!..

У меня пересохло во рту. Не мог же я сказать Бечыру, что он сильнее Кудзи, что они с Иласом великодушные мальчишки, если взлились таскать в собственных сердцах горе всего нашего аула. До самого конца войны.

Я плясая за Бечыром и представляя Тотрадза, играющего с нами в чижика. Мы прыгали с верхушек деревьев в ледяную горную речку и скакали нагишом на неоседланных конях, как все аульские мальчишки. Теперь Тотрадз не крикнет утром Бечыру: «Выходи, если ты не трус, а настоящий сын нартов!»

— А ну как Илас с такой бумагой зайдет в наш двор...—буркнул Бечыр. Во мне застыла кровь.

— Замолчи!—заорал я.

— Я-то буду молчать, малыш! Думаю, что Илас тоже будет держать язык за зубами. А ты?

Бечыр думал, что я не выдержу. Но я выдержал, когда Бечыр отнял у Иласа бумагу с каймой, адресованную гыцци.

Бечыр, как слепой, бежал по кукурузному полю. Под его ногами трещали ломающиеся стебли. Первый раз я видел Бечыра плачущим.

Всю ночь в висках стучали слова Бечыра: «Это им не пройдет даром». Он лежал рядом со мной и не спал. Сдерживал дыхание от страха, что из горла вместе с выдохом вырвется стон.

В другом конце комнаты спала гыцци, вскрикивая и что-то шепча во сне. Утром жалко было смотреть на ее сторбленную фигуру. Она ходила по пятам Бечыра.

— Бечыр, неужели ты до сих пор не видел Иласа?

От одного упоминания этого имени меня пробрала дрожь, и я чуть было не крикнул: «Отдай маме бумагу!»

Я задышался, а Бечыр ловко развел в очаге огонь, поставил на треножник медную кастрюлю со вчерашней кизиловой похлебкой и стал сосредоточенно набивать свои чуваки мягкой золотистой соломой.

Почувствовав затылком взгляд гышци, Бечыра тихонько запел. Гышци улыбаюсь, но я-то знал, во что обходилась Бечыру песня, и, чтобы не выдать себя, схватив свою ситцевую школьную сумку, выбежал на улицу.

6

Бечыра не было видно весь день.

— Был у военного комиссара,— сказал он вечером.
Вот и ко мне подступила война вплотную. Не видеть мне теперь впереди спасительной спины Бечыра. От ужаса у меня загорелись уши и щеки.

— Бечыра! Не надо! Не оставляй меня одного!

— Ну что ты, малыш! Ты же мужчина...

— Все равно не надо, Бечыра!

Я смотрел на хмурое лицо Бечыра, а он рассеянно поглаживал меня по голове.

— Тебя не примут!

— Он и не принял меня, малыш. Так что успокойся!

— Кто тебя не принял?

— Тот! Однорукий комиссар.

— У комиссара, наверное, без нас дел по горло.

— Да, но ему не дано право смотреть на взрослого человека, как на какого-то мальчишку!

Я был благодарен однорукому комиссару, что он не принял Бечыра. И спросил, точно сожалея:

— Он тебя совсем не послушал?

— Я обратился к нему по форме, а у него перекозились усы... Слушаю, говорит, товарищ Бечырабек. В нашем ауле, говорю, нет двора, из которого не ушел хотя бы один мужчина, а из некоторых даже по два и по три... И увидел пустой правый рукав гимнастерки, засунутый за пояс. И почему меня напугал пустой рукав? Не знаю. Наверное, я обыкновенный трус...

— Что он тебе сказал?

— А разве, говорит, из вашего двора не ушел один мужчина?

— Значит, он пока не знает... о черных бумагах?

Бечыра потупился.

— Как же он может не знать, малыш? Он спрашивал меня о гышци.

— Откуда он знает о гышци?

— Он знает обо всех детях, обо всех матерях и женах фронтовиков... Ты, говорит, товарищ Бечырабек, видно, храбрый мальчик, но до призыва тебе еще далеко. На фронтах, говорит, у нас трудное положение, но не такое, чтобы поставить мальчишек под винтовку.

— Правда, Бечыра! Тебе же еще и семнадцати нет!

— Да, малыш, но есть неписанный закон, по которому идущий вслед берет оружие павшего... Так говорил дедушка Кудзи, малыш!

— Ты так и сказал комиссару?

— Да, малыш.

— А он?

— И в тылу, говорит, нужна не меньшая храбрость. Будто я сам не знаю, что не так-то легко ждать каждую минуту прихода почтальона и читать в глазах женщины страх... Я не мог ему сказать, что не в силах таскать эти... Бечыра достал из-за пазухи пачку извещений и сжал их в кулаке.— Я не мог сказать, что струсил и ухожу туда, где легче!

Вот когда прорвало Бечыра! Он упал ничком на землю и стал бить ее кулаками.

— Ты, говорит, еще мальчишка! А Тотрадз не мальчишка? А сирота Нестор не мальчишка? А где Тотрадз и Нестор, где? Скажи мне, товарищ комиссар? Где мой отец, скажи!— кричал он, будто рядом с ним сидел не я, а однорукий комиссар с пустым рукавом, засунутым за пояс.

Я представил себе бесконечную темную дорогу, уводящую Бечыра от нас с гышци. Мысленно провожал его до тех пор, пока он не превратился в маленькую, едва уловимую точку в ее конце. И тут же я возвратил его к нам.

— А как же гышци?— Я испугался собственного голоса.

Бечыра встал с земли.

— Ты уже мужчина, малыш! Ты должен присматривать и за гышци и за дедушкой Кудзи.

— Я не могу встречать Иласа...

Бечыра подсел ко мне.

— Не надо встречать Иласа, малыш. Он все знает.

— Бечыра, мы с гышци будем ждать тебя в конце аула.

— Хорошо, малыш...

Я гладил курчавые волосы Бечыра и молчал. Бечыра передал мне потрепанную пачку извещений и сказал сухо:

— Что бы ни случилось, никому их без меня не показывай... Гышци тоже о них ни слова! А дорогу я найду и без комиссара.

...Утром на подоконнике рядом с учебниками лежал маленький листок бумаги, исписанный курчавым, как волосы самого Бечыра, почерком:

«Гышци и Дзамбол! (Слава богу, первый раз обращается ко мне по имени!) Не пугайтесь, я ухожу туда, где находятся лучшие мужчины нашего аула. Бечыра».

Эх, Бечыра, Бечыра... Неужели ты думаешь, что уйти туда, где лучшие мужчины нашего аула, никто не хочет, кроме тебя!

7

Дней через двадцать к нам ворвался Илас, размахивая треугольником.

— Тетя Нанион! Тетя Нанион! Письмо от Бечыра!— кричал он, захлебываясь.

Гышци бросилась к лестнице.

— Илас, мальчик мой! Да наградит тебя бог долгой жизнью и радостью!— Гышци плакала и смеялась.

Читать она не умела, но узнать курчавый почерк Бечыра ей было нетрудно.

— Прочти-ка письмо, Дзамбол!

Я пробежал глазами лист бумаги.

«Гышци! Дзамбол! Пишу вам из Одессы. Спешу, очень спешу, гышци, но обязан написать тебе и сообщить о своем здоровье. Гышци, прости меня за все. Я не мог иначе. Я струсил, стал бояться твоего взгляда и появления маленького Иласа, который боялся акульей так же, как и они его. И перестал расти от страха. Я не мог, гышци, я сдаюсь и ушел туда, где нет страха. На передовую меня пока не пускают, и я вынужден есть солдатскую порцию даром. Здесь почти как в тылу. Придет время, ответит Гитлер за все... Гышци, прости меня за самовольство. Передайте Кудзи, что его фандыр здесь, в окопах, что вместе с ним воюют его хозяева—живые и неживые. Привет всем. Ваш Бечыра!»

...Коротка радость, горе тоже должно быть коротким. Открой ему дверь настужь—и оно искромсает и раздавит тебя. Чтобы утолить боль, надо лизать рану языком молча. Тогда от твоих стенаний не будет больно другим. Так меня учили Бечыра и дедушка Кудзи.

Вчера Илас принес в наш дом треугольную радость. Потом исчез. Жди его теперь целую вечность. А посещать нас он стал все реже и реже. Гышци по ночам бредит, вспоминает то Бечыра, то Тотрадза, то Иласа. Чем я могу ей помочь?

Открыв скрипящую калитку, Илас крадучись пробирается в наш двор. Он стоит перед гышци с поникшей головой, как будто виноват, что опоздал с письмом Бечыра. Я стою за спиной гышци и вспоминаю слова брата: «Страшный человек почтальон Илас».

— Тетя Нанион, прости меня! Не утерпел... открыл письмо Бечыра,— сорвавшимся голосом произнес Илас.

— Илас, мальчик мой!— Гышци плакала от радости и от жалости к Иласу.

«Ранен в колено,— писал Бечыра,— не рана, а царапина. Меня больше задел упрек сержанта Скворцова, чем эта царапина. «Не лезь в глотку фашиста, это тебе не игра в чижика. Пуля достанет их и на расстоянии!»— сказал он мне в санчасти. Меня поучает, а сам идет на них, как таран. Посмотрели бы на него, как он бросается на эту сволочь! Он грызет их зубами. Я много раз смотрел на Скворцова и задавал себе вопрос: какое зло надо совершить, чтобы заслужить ненависть такого доброго человека? Как-то я спросил его об этом, но у него отнялся язык. Потом он поднял над головой сжатый кулак и процедил сквозь зубы: «Они мне должны!» Дочь и сынишка сержанта Скворцова попали под бомбу, отец не нашел и костей... «Под музыку твоего фандыра спляшу гопака перед рейхстагом»,— шутит иногда Скворцов. Куда там, разве ему до танцев! Но я жду этого дня, мы идем к этому дню...»

Молчит гышци, молчит весь аул, потому что Иласа что-то давно не видно. У гышци нет больше терпения, и она сама идет разыскивать мальчика. Кажется, почтальон прячется и от нее и от всех.

8

По ту сторону каменной ограды стоит дедушка Кудзи. Смотрит из-под ладони на проселочную дорогу. Там ни души.

Из-за ограды я не вижу дороги, но легкий шорох шагов на пустой улице настораживает меня.

Зачем Илас пришел к дедушке Кудзи? Кудзи никого не ждал. И фандыр держит в руках... Я присел под оградой. Мальчик бросился к старику.

— Дедушка! Не могу я больше его прятать, но как показаться с этим... тете Нанион! Я не хочу! Я не буду... Хотя Бечыра сам наказывал мне придерживаться горе при себе... Но эта война такая долгая...

Перепрыгнув через ограду, я выхватил из рук Иласа треугольное письмо. — Крепись, малыш... Ты должен утешить гышци!— шептал Кудзи, и его трясущиеся пальцы запрыгали на глянцеви́том набалдашнике посоха.

Письмо было коротким:

«Много горя помог перенести нам этот фандыр, но на этот раз подвел и себя и своего хозяина. Оба смертельно ранены одной пулей. Сержант Скворцов».

Письмо Скворцова выпало у меня из рук. Я ничего не слышал и не видел, кроме всхлипываний Иласа и слез дедушки Кудзи, текущих по его белой бороде.

Кудзи незачем было читать письмо сержанта. Фандыр рассказал ему о Бечыре.

— Идем!— сказал Кудзи, подняв письмо.

Мы пошли к гышци. Кудзи нес и письмо и фандыр.

9

Гышци перевязала рану фандыра черной повязкой и повесила его рядом с фотографией Бечыра.

...Война кончилась давно. Только не для нас с Иласом. По вечерам мы ждем Бечыра в конце аула. Фандыр тоже молча ждет своего хозяина.

Как-то к нам зашел дедушка Кудзи, сел, покряхтывая, на треножник и спросил гышци:

— Невестка, не найдется ли у тебя рога араки?

Гышци, востроупившись, кинулась к шкафу.

— Как же, ма хадзар*! Как не найдется!

Дедушка Кудзи пожелал долголетия семье. Не забыл и почтенных родителей и, упоминая об усопших, посмотрел в угол.

— Пусть живут в царстве небесном молодые, ушедшие от нас безвременно.— Он загнулся и после долгой паузы, протянув руку к фотографии, закончил тост:— За здоровье Бечыра!

Гышци плакала и вытирала слезы краем черного платка.

— Горе мне! Какое же здоровье может быть у мертвых?

— Не права ты, невестка!— Кудзи встал и, постукивая посохом, направился в угол. Застыл перед фотографией и что-то долго шептал, точно молясь. Потом снял с гвоздя фандыр и вернулся к своему треножнику.

— Ты не права, невестка. Ты не права, мать невернувшегося сына!

Ногтем большого скрюченного пальца Кудзи задел нижнюю струну. Раненый фандыр задрезжал, как треснувший колокол.

— Оставь его!— умоляла гышци.— Когда это было, чтобы воскрешались мертвые.

— Нет, невестка, нет! Не склоняй голову перед смертью, а не то растопчет она тебя.— Говоря это, Кудзи размял кусок воска, залепил им дырочку от пули. Его пальцы легко пробежались по струнам. И я услышал звонкий голос старого инструмента.

Бечыра, маленький мой сынишка, стоял перед дедушкой Кудзи. Старик посмотрел на него и улыбнулся:

— Вот новый хозяин фандыра!

Он вручил оживший инструмент маленькому Бечыру и ушел, стуча своим неразлучным посохом.

А тяжесть семи черных бумаг мы с Иласом носим и по сей день, потому что нет Бечыра, а без него мы не можем разнести их по адресам.

*Ма хадзар— обращение, обозначающее: быть таким же дорогим, как дом вместе с семьей.

ПРОЗА

Память в миру

Герои новой книги «Живые только два раза» Сергея Есина, вышедшей в этом году в издательстве «Молодая гвардия», — люди негромкой жизни. Каждый из них делает свое дело на земле, и некогда ему раздумывать над тем, какое место занимает он в системе бытия. А оказывается, немало. Ничем не примечательный пилот по прозвищу Бык (Коля Баращка, мотающийся на своем самолете меж северными поселками, рассказ «Санрейс») становится в трудную минуту «повивальной бабкой»: в салоне его самолета немолодая одинокая женщина, геолог Мария Николаевна Татарских, в сорок лет приносит в мир своего первенца...

Или познакомьтесь: Хаким Каюмов (рассказ «Письмо»), инвалид Отечественной войны, орденосец, пишет в редакцию письмо, всецело обижанный на юного корреспондента Сережу Нагайкина за то, что тот героем очерка сделал его, ничем, как уверен Хаким, не примечательного человека, — в трудное послевоенное время он принял в свою семью тринадцать детей разных национальностей и воспитал их.

«Это, конечно, действительность, что приемных детей у меня тринадцать душ, но разве я во всех событиях был один?» — простодушно (и справедливо!) восклицает Хаким, и читателю запомнятся бесхитростные строки всего письма, составляющего рассказ, в котором писатель раскрывает нам историю жизни души, простой и чистой.

В рассказе «Председатель Кавцун в февралье» своеобразно, в каком-то ином, трогательном — в лучшем смысле! — ракурсе показан деловой сельский человек — председатель колхоза...

Средоточием же, раскрытием сверхзадачи книги является повесть, по имени которой названа вся книга. — «Живые только два раза». Петр Максимович, ныне грузчик, и в Отечественной войне был не в великих чинах — простым солдатом. Медаль у него имелась, ранение и благодарности две... Но повесть эта не столько о жизни Петра Максимовича, сколько о том, что олицетворяет собой этот, казалось бы, такой смирный мужичок. Да кто же он такой в конце концов?

Почему это пишет о нем статья журналист Шакин, побывавший во многих странах? Сюжет пересказывать — читателя обводить. Хотелся

сказать только, что тонко, точно и мудро ведет писатель основную нить повести, идейную и сюжетную, образовывая тем самым прочное и добротное полотно прозы. Ясно и открыто смотрит на нас хорошо задуманный, но ни в коем случае не придуманный, а живой Петр Максимович. С такими встречаемся мы на улицах городов, в селах и зачастую не задумываемся над этими встречами. А ведь эти люди — соль и крепость земли русской, такие, как Бык, Кавцун, Петр Максимович, Хаким... И хорошо, что писатель Сергей Есин напоминает об этом ненавязчиво, но с глубокой, свойственной настоящим художникам убедительностью.

«И еще он (журналист-международник.—К. В.) поразился тому, что этот простой мужик хорошо понял, чего не постиг и он сам: действительно, у него две жизни: одна — вечная, что ему подарили за подвиги народа своего, и другая — честная и, как на войне, мужественная, которую ведет он сейчас в своей нелегкой повседневности...»

Ксения ВАСИЛЬЕВА

Поэзия народных характеров

Вторая книга Ивана Евсеева («Бревенчатый дом», издательство «Современник», 1975 г.) по своему материалу как будто примыкает к так называемой «деревенской прозе». Однако автор не только воспекает деревенскую жизнь и чувствует ее подчас поразительно глубоко, у него собственный мир идей, представлений.

В одном из лучших рассказов, давшем название всему сборнику, в деревню на время отпуска приезжает капитан дальнего плавания Александр Петрович. Казалось бы, обычный и знакомый факт, давно уже разработанный литературой. Но Ивану Евсееву через этот факт удается заглянуть в «тайну жизни» своего героя. И не только его, но и старика Ивана Мардаревича, по давней дружбе присматривающего за заброшенным домом капитана. Удивительна в этом рассказе не столько даже судьба Александра Петровича, сколько именно судьба старика. Жизнь его к закату вдруг вновь обретает смысл: при его помощи возрождается любовь Александра Петровича и деревенской женщины Лизы.

Герой Ивана Евсеева — это человек, душа которого способна рождаться заново, во всей подлинной своей красоте, лишь только наметились в жизни, как говорил Белинский, «необходимое единство и гармония». Такова учительница Домна Григорьевна из одноименного рассказа, с ее мучительной, неизбывной любовью к давно погибшему жениху Алеше, такова старуха Арина, потерявшая на войне трех сыновей (рассказ «Арина — мать солдатская»), такова и деревенская девчушка Галя, к которой пробуждается в нас поэстичное нежное, трогательное сочувствие, когда ее по-детски

противоречивые поступки и чувства переобладают в любви (рассказ «Солнце над лугом»). И все это описано поэтично, тонко, с глубокой личной, человеческой симпатией к героям.

Еще в предисловии к первой книге молодого прозаика «Начинается осень» Сергей Залыгин писал: «У Ивана Евсеева формируется своя манера, свой творческий почерк: его склонность к лирике, наблюдательность и любовь к своим героям, которую он никогда не скрывает, обогатили соответствующими чертами и его письмо; еще более существенным обстоятельством я считаю развитие у молодого автора художественного воображения...»

Поистине там, где, говоря образно, читатель не улетит поэзией прозы, там трудно ощутить подлинный талант. Евсеев же поэтичен по самой сути своего художественного дарования.

Георгий БАЖЕНОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Живое слово народа

В дружной и многообразной семье советских поэтов Александр Проккофьев принадлежит особое и неповторимое место. Он поэт ярко выраженного песенного склада. Песенность заложена в самой его природе, порождена она тем, что Александр Проккофьев — непосредственный и верный сын певучей народной речи наших северных краев, родного ему Приладожья.

Органическую связь этой своеобразной поэзии, кровное ее родство с народной образностью и мелодикой русской речи проникновенно и убедительно раскрывает в своей книге, посвященной творческому пути поэта, Дмитрий Молдавский («Александр Проккофьев», издательство «Просвещение», 1975 г.). Автор не только идет по следам писательской биографии, которая сама по себе говорит о яркой, незаурядной личности ладожского рыбака, участника гражданской войны, пламенного работника комсомола трудных двадцатых годов, ставшего большим советским поэтом. Он последовательно повествует об этапах многолетнего творческого пути, устанавливает теснейшую органическую связь поэта с плодотворно питающей его стихий народного образного словотворчества.

Само собой разумеется, художественно-выразительные приемы поэтического языка у Александра Проккофьева не ограничиваются близостью к фольклору, но нельзя не признать, что самые заветные и глубинные истоки его творчества заложены именно в народной почве, и Дмитрий Молдавский совершенно справедливо считает их основным и определяющим началом всего, что создано этим высоким мастером русской самобытной речи.

Дмитрий Молдавский уже немало лет плодотворно работает в сфере вопросов, относящихся к проблемам искусства и современности. Фольклор в его историческом и современном понимании — одно из устойчивых его пристрастий. Литературный портрет Александра Проккофьева, воспринятый под зорким углом зрения, совершенно закономерно входит в широкий круг литературоведческих интересов.

К этому же жанру исследовательских работ Дмитрия Молдавского можно отнести также недавно вышедшую его книгу «За песней, за сказкой, за одолен-травой» (Лениздат, 1975 г.). Это не научный трактат, не лингвистический труд, посвященный анализу образов устного народного творчества, а живой рассказ старательного и вдохновенного охотника за приметливым народным русским словом. Речь идет о старой песне или сказке, о традиционных образцах, дошедших из глубокой древности, но вместе с тем и обогащенных новым пониманием и истолкованием их привычной образной системы.

На страницах этой живо и увлекательно написанной книги рассыпано немало интересных образцов русского творчества и в хорошо выбранных цитатах и в умело сделанных кратких пересказах.

Хочется думать, что в нашей молодежной среде найдутся и энтузиасты — собиратели образов народного искусства, в частности следопыты-изыскатели на многочисленных тропах фольклора. Перед ними непочатый край работы, полезной для науки и для удовлетворения собственного эстетического чувства. Молодежь отзывчива и любознательна. У себя на местах, в сельских условиях, или во время отпусков и пребывания в студенческих строительных отрядах у любителя всегда найдется возможность непосредственного общения с трудовой народной средой, а значит, и с той почвой, которая веками разит прекрасные цветы образной народной речи.

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПУБЛИЦИСТИКА

Зяя в рабочей спецовке

Автобус от сопки Светлого взял направление к пионерлагерю — вез комсомольский актив «Зяягасстрой» на семинар. В перерыве между песнями рыжеволосая девушка, комсорг одного из подразделений стройки, вдруг посетовала:

— Ни одной песни про нашу Зяю... Про Братск вон сколько, а про нас ничего...

Шел 1972 год, год перекрытия таежной реки, завершалось сооружение котлована первой очереди, стройка была в зените, и девушке казалось несправед-

ливым, что создание значительных экономических, материальных ценностей не сопровождается ритмично — рождением ценностей духовных. Это было тем более обидно потому, что вслед за прославленным Братском, откуда приехали на Зяю многие, здесь уже сложился интересный, яркий молодежный коллектив, тот, о котором начальник «Зяягасстрой» А. М. Шохин написал в книге «Зейские огни» (Хабаровское книжное издательство, Благовещенск, 1976 г.):

«...комсомольцы, молодежь — зачинатели многих очень хороших и полезных дел. Стоит только вспомнить поход «Давьш скалу!», когда в тяжелый для стройки момент ребята стали выходить в котлован в нерабочее время, чтобы ускорить уборку скалы и укладку бетона...»

Сейчас, когда поставлены под нагрузку первые агрегаты Зейской ГЭС и готовятся к пуску следующие, когда сложены стихи и песни про Зяю, когда показаны фильмы об этой Всесоюзной ударной комсомольской стройке, та давешняя печаль девушки сама собой исчерпалась, но ее желание, чтобы жизнь и труд зейских гидростроителей, людей и скромных и замечательных, были с наибольшими возможностями зафиксированы, — это желание остается правомерным.

Книга, о которой идет разговор, — серьезная и многогранная публицистическая работа, по крупицам собравшая жизненные факты о строительстве первого гидроэнергетического объекта Востока, Зейской ГЭС. Примечательно, что наряду с писателями, поэтами, журналистами в сборнике выступают сами строители, и это обстоятельство подняло не только фактологическую ценность книги, но и в значительной степени усилило ее эмоциональный заряд, ибо многие авторы сумели с горячим чувством правды донести до читателя пережитое. Художественно-документальное повествование «Зейские огни» состоит из многих разделов и жанров. Здесь рассказано об особенностях гидростанции с контрфорсной плотиной и о ее значении для БАМА и всего обширного дальневосточного края, об основных этапах строительства, о самих гидростроителях... Соседство сюжетного психологического очерка и информативной хроники, развернутой статьи специалиста и стихотворения, фотографий и рисунков с мемуарами создает широкую и объемную панораму подвига людей в рабочих спецовках, воздвигающих на берегах своенравной реки, у Зейских ворот, современное и во многом уникальное гидротехническое сооружение.

Книга насыщена примерами героической борьбы строителей со стихиями, показывает подлинное инженерное творчество, раскрывает биографии бригад и участков, систематически проявлявших яркую рабочую инициативу в многотрудном деле строительства, наконец, повествует о выдающихся характерах первостроителей, о становлении всего большого коллектива, связавшего все свои интересы с порученным делом...

В сборнике, идущем по горячим стопам жизни, будто и нет конца. Как нет конца преобразованию края. Вот начало последнего материала книги:

«Запомните эту дату — 29 февраля 1976 года. В этот воскресный день из Зей к створу будущей Бурейской ГЭС отправился первый отряд гидростроителей...»

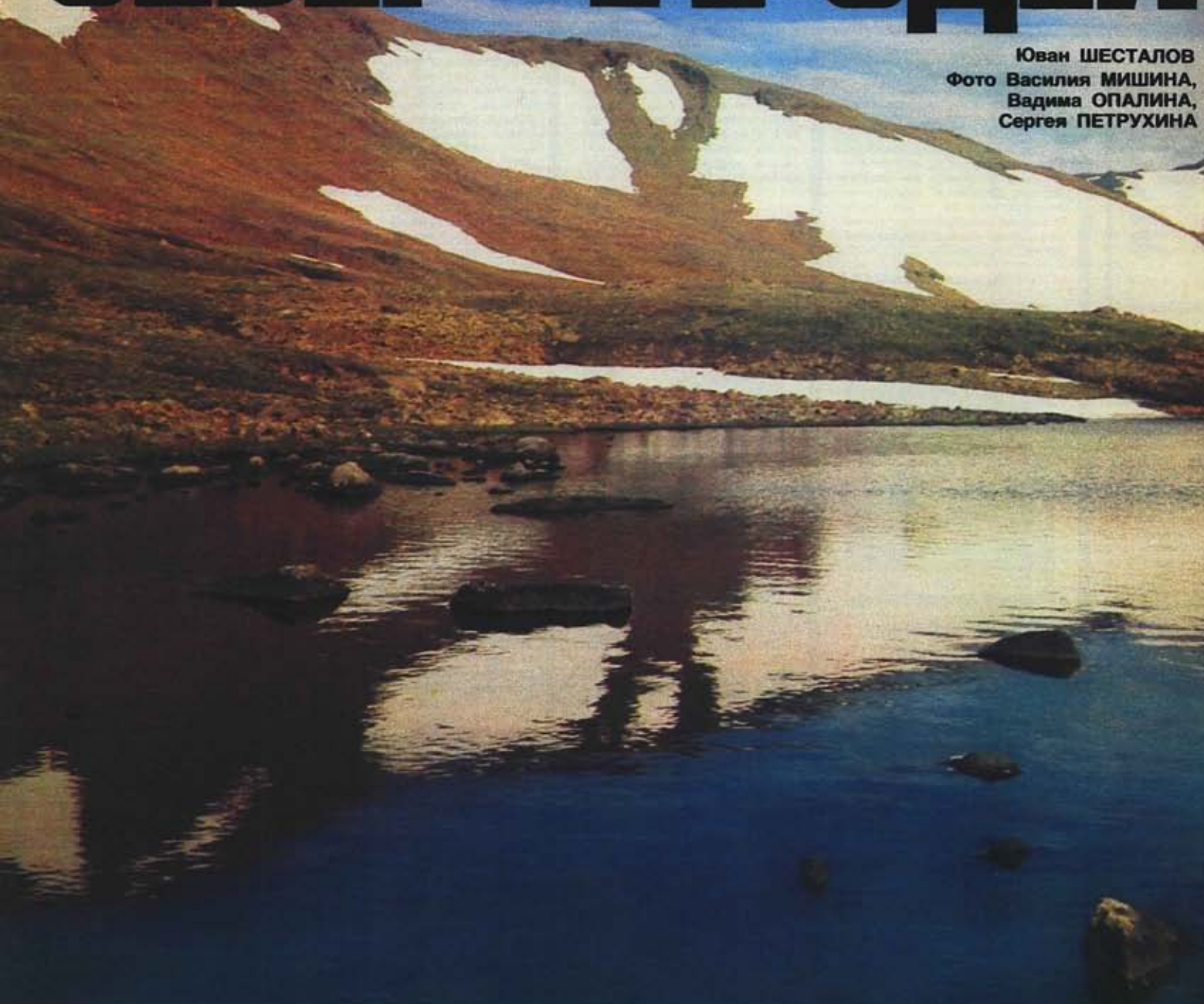
Принявшая эстафету Братска, окрестная, возмужавшая в работе Зяя выслала свой первый десант к новым сопкам, к новым речным берегам.

Борис ФАИН

Красота родной земли

СЕВЕР-ЧАРОДЕЙ

Юван ШЕСТАЛОВ
Фото Василия МИШИНА,
Вадима ОПАЛИНА,
Сергея ПЕТРУХИНА

**ЛЮДИ
РАЗНЫХ
ПРОФЕССИЙ
ОБЖИВАЮТ
СЕВЕР.**

-ге-гей! О-о-ой! Э-ге-гей! Олени! Олени! Они снежной лавиной спускаются с лысого холма. О, сколько их, рогатых, безрогих, белых, как снег, и серых, как мох, пятнистых, как летняя тундра! Медный диск солнца жмет к земле, ежится, будто тоже мерзнет. Точно раскаленными металлическими щетками прижигает лицо: так щиплет мороз. Меднолицый

мороз тундры.

Куда ни глянь, кругом снег. На его белом фоне резко вырисовываются чумы. Над чумами дымки. Они стоят живыми столбами, упираясь в небо. Небо утонуло в снежной дали. Небо и снег. Ничего, кроме снега. Снежная пустыня.

А оленевод, кажется, и не чувствует холода. Он летит на своих легких нартах прямо к нам, участникам семинара молодых писателей пяти национальных округов Севера. И, как положено в тундре, знакомится со всеми за руки и приглашает в свой чум.

Чум. Древнее жилище оленеводов. Посреди краснощекая печь. Жарко. А на улице мороз за пятьдесят градусов. Рвется он в чум сквозь шкуры, лежащие на шестах, да не одолеть ему оленьего меха.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ.

**ЮНЫЙ ХОЗЯИН
КРАЯ.**

САМОЛЕТ—ХОРОШО. А ОЛЕНИ—ЛУЧШЕ!

«МЕДНОЛИЦЫЙ МОРОЗ ТУНДРЫ».

Тепло чума мне знакомо. Память возвращает в то морозное утро детства, когда приехал я на каникулы к тете Акулине, жене оленевода, вечной кочевнице.

*Звезды падали, звенели,
Крался луч луны.
Ах, какие в той постели
Виделись мне сны!*

Светит яркое-яркое солнышко. А я купаюсь в ледяной воде. По спине скользят холодные струи. Теплый песочек совсем близко. Еще одно усилие — и я на берегу. Еще одно усилие — и опять со мною тепло. Я барахтаюсь. Я просыпаюсь...

Лежу на мягкой оленьей шкуре, во рту ощущаю оленью шерсть — я укрыт теплой шубой. Над головой серый сумрак — это тоже шкура, гладкая, посеревшая от времени. Рассматриваю ее: она наклонно убегает от моих глаз, все выше и выше... Наверху вижу синий узор — это на связанные черные жерди наброшен лоскуток синего неба. Где я? Я в чуме.

«Зиуз, зиуз, зиуз», — звенит в ушах, звенит на улице. Что это такое? Это звенит мороз: олени, наверно, подошли к чуму, под их копытами поет снег. Это новая для меня, родившегося в деревянном доме, песня. И эта оленья песня будет для меня, таежника, началом познания Янкыл-ма — ледяной земли — Тундры.

*Тундра, тундра, край родной
Отогретый всей страной.
Эта песня — о тебе,
О большой твоей судьбе.
Эта песня — наша дума:
Встало солнце — пала тьма,
Мы сворачиваем чумы,
Строим новые дома.*

Иван ЮКАНПЕЛИК

У древнего огня — литераторы. Идет семинар молодых писателей-северян, певцов тундры. Сидят пле-

НОВОЕ ИМЯ

Ираида ПОТЕХИНА

У Ираиды Потехиной свой поэтический микромир, еще трудно обживаемый, как бы с размытыми лирическими границами, но определенный в своей образности и отношении к жизни. Ее поэзия — это поэзия влюбленного в мир людей сердца. Вот почему так убедительно звучат строки: «...А я еще одной обиде даю название — любовь».

Поэтесса как бы старается угадать внутренние черты своей любви, которая постоянно проверяется на нежность. Отсюда, может быть, и идет ее лирический драматизм. Можно сказать, что ее сердце постоянно открыто непокою, радости доброго узнавания.

И сама поступь стиха, как кардиограмма, повторяет неровное движение ее переживаний; она добро обращена к предугадыванию, потому, должно быть, и в поле у нее «мир уместен в росинках, как в маленьких гороскопах».

Радость открытия мира, любовь к людям, к земле — вот основные направления ее искренних поэтических раздумий.

Владимир ЦЫБИН

✿
Руки за спину крест-накрест —
и к печи.
Не согрелась,
только больше
остудила кирпичи.
Ватник,
валенки надену,
принесу охапку дров,
на стекло, под занавеской,
льется зарево, как кровь.
По примете будут завтра
холода,
воробьям голодным
новая беда.
Вот малиново-тревожный
солнца диск
над снегами посиневшими
повис.
По примете будут завтра
холода.
...Мимо окон — только сани
иногда.

✿
В Перхушкове баня.
Вся в сборе родня.
Березовый веник
в сраженьях обмяк.
— Поддайте-ка пару,
парочку,
парку,
на верхнюю полку
с изюмом кваску...
А после:
— Пожалуйста,
гости, за стол —
у тетушки Христи
готов разносол.
И чай самоварный.
А пышек таких

✿
едва ли попробует кто
у других.
Степановны песни
тягучи, как мед,
а если частушка —
без промаха бьет.
...Мы к ночи
разведемся все
по домам,
и жалкою ванна
покажется нам,
и музыка скучной,
и пресной еда,
и странным,
что тянемся мы
в города...

✿
Строптивый конь
велосипед,
не оседлаешь
без сноровки,
пока поддастся
дрессировке —
не раз
спикирую в кювет.
Колени в крови
и нос в пыли...
А может, зря его
ругают?
В простор лугов,
хоть и кругами,
увел
с избитой колеи...

✿
В Останкине сегодня снегопад.
Раздолье лыжникам,
душе моей отрада.
Как мало нам порой
для счастья надо:
участливое слово,
взгляд
да вот круженье снегопада...
В такие дни
спокойна я вполне
за будущее
и пережитое,
и, как у лыжника,
дыхание второе
вслед за усталостью
рождается во мне.

Рисунки
Вениамина
КОСТИЦЫНА

чом к плечу. Вдруг их внимание переключается на олененку Авку, протягивающего безрогую голову к ласковому теплу огня. Домашний олененок. Весной он осиротел. Беспомощного и слабого Авку люди взяли в чум. Смотрит Авка доверчивыми смолистыми глазами на людей, на огонь и радуется теплу. Откуда знать олененку, что людям из разных городов порой необходимо посидеть у одного огня и поразмышлять о жизни?

Еще совсем недавно тундру называли «страной белого безмолвия». Нет, она не безмолвна, если ее внимательно слушать и читать. Вот на снегу нарисовал следы горностаев, а тут песец охотился за мышью, тут прошелся волк...

А слышали ли вы хоть раз весеннюю музыку тундры? Видели ли белые ночи, когда солнце бредет по горизонту огромным, красным бессонным оленем? Ослепительна северная весна. Солнце светит с неба, ручки поют, созиная птиц на весенний пир. И вот уже синяя речка говорит голосом чаек. Они летают над холодными блестящими струями, заливаясь счастливым смехом. Видно, будет много рыбы и для чаек и для людей.

Кудахчут куропатки, стонет одинокая гагара, резко вскрикивает, падая на добычу, очкоглазая сова. А небо звенит от полета уток, гогота гусей, лепета лебедей.

Отзвонит весенняя песня тундры — наступает лето. Тундра, кажется, превращается в сплошной цветущий багульник. Его бутоны распускаются нежно-розовыми букетиками, источая хмельной запах. Островками цветет клюква, опустив розовые подвесочки, пестреет княженика.

А солнце, пылающее солнце стоит над головой, и над зеленой, голубой, розовой тундрой плывет марево. Небольшое деревце в нем кажется огромным, нередко полярную куропатку примешь за оленя, а звезду на горизонте — за горящий костер. Объяснение простое — величины и расстояния в тундре скрадываются дрожащим прозрачным воздухом.

Даже зимой, в месяцы «большой темноты», тундра прекрасна. Олени бегут, бодают небо, на их рогах пляшут звезды, играют отблески небесного костра. Это северное сияние. Его переливающиеся, как волны, разноцветные лучи то собираются в бахрому роскошного театрального занавеса, то распускаются пучками вверх, точно вспышки праздничного фейерверка. Густо-малиновые отблески небесного пламени то ослабевают, то усиливаются. Играет северное сияние, и кажется, что снежинки начинают переговариваться шепотом о чем-то своем, сокровенном, вечном.

А олени, запряженные в упряжку, все бегут и бегут. Едешь ли ночь, едешь ли месяц, едешь ли год — конца

тундры не видно. Кругом только тишина и снег, снег, снег.

Да, снег и холод царствуют здесь долго. Три четверти года лютует зима. Снежные вихри бушуют над гладкими белыми просторами, над застывшими ледяными сфинксами, над приземистой, ледно съездившейся от морозов тундрой. Почти три месяца над побережьем Ледовитого океана стоит полярная ночь. Лишь холодная мертвая луна, скупой свет колючих звезд да редкие вспышки сказочного по красоте северного сияния озаряют темный мир и звонкую, как железо, промерзлую землю. Люди, олени, собаки — все перед лицом стужи собрались вместе у древнего, как солнце, огня. Он трещит в печи и греет нас своим щедрым пламенем. А Федор Константинович Того — секретарь окружкома КПСС — рассказывает о новой жизни Севера. Недра его богаты. Из Уренгоя, крупного месторождения газа, потянулись стальные нити трубопроводов. В тундре, на берегу реки Надым, растет новый город Севера, создаваемый с учетом самых последних достижений градостроительства. Федор Константинович рассказывает об успехах медицины на Севере, о народном образовании, о том, что салехардцы смотрят телепередачи из Москвы.

Телевидение, школы с паровым отоплением, газеты в каждой семье и... древний чум из шкур.

— Много проектов жилищ предлагалось для оленеводов, но пока чум остается самым совершенным, — поясняет Федор Константинович, сам охотника-оленевода. — Для оленевода дом тяжел неудобен, холодно в нем. Оленеводу нельзя не касаться, то есть не кочевать с одного пастбища на другое. Это нужно оленям, хозяйству. По оленеводству Ямало-Ненецкий округ занимает второе место в стране. А на всем Советском Севере более 2,5 миллиона оленей. Это составляет 80 процентов мирового поголовья. Оленеводство — уникальное явление. Творцы его — народы Севера. Ни в Америке, ни в Европе до недавнего времени не было оленеводства. Даже на Аляске оленеводческие хозяйства появились только в конце прошлого века, когда туда завезли домашних оленей с Чукотки.

Олень... Это незаменимое в условиях Севера средство передвижения. Это источник питания человека. Языки оленей — деликатес, мясо вкусное и высококалорийное, молоко густое, значительно жирнее коровьего. Из оленьих шкур человек издревле шил одежду и строил жилища.

Народам Севера предстоит большая работа — по новому повести традиционную отрасль своего хозяйства с использованием всех достижений науки и техники. На просторах Советского Севера эта работа уже ведется. И возглавляют ее не неграмотные

пастухи, а их дети, овладевшие тайнами науки. Ученый-оленевода — новый человек тундры. Это теперь один из самых уважаемых людей Севера.

Слышу — чьи-то нарты
Режут первый снег.
То вдруг песня чья-то,
То вдруг чей-то смех.
Слышу бег оленей,
Э-э, гостей встречай!
И трещат поленья,
И клокочет чай...

Это стихи Любы Ненянг. Оленеводы Таймыра зовут ее ласково «спидола-нэ» — «женщина-спидола». Включат оленеводы транзистор — и слышат стихи, рассказы, очерки своей Любы. Молодец «спидола-нэ», не забывает оленеводов: на ненецком языке поет, рассказывает о них, о многогранной жизни нашего сложного и бурного века...

И тундра, жаждающая тепла и слова, зовет своих певцов, одаривает их своим северным вниманием. С Любовью Ненянг я познакомился в те памятные дни семинара молодых писателей Севера. «Ненянг» по-ненецки — «комар». Это Любин псевдоним. А по паспорту она — Комарова. Здесь, в тундре, Люба свой человек. Ее популярность среди северян огромна. Потому что она для них как живой вестник связи времен.

Около полувека назад корреспондент «Известий» писал в «Очерке Карских экспедиций»: «Комаров стал набрасывать синим карандашом на клочке бумаги притоки Енисея, которые должен был встретить самолет на своем пути. Через несколько минут тунгус сунул летнабу готовую карту притоков Енисея со всеми их разветвлениями, захватившими территорию в двести километров. Тунгус точно показывал, где и чей чум стоит. И вдруг он закричал: «Смотри, этот чум — место нашего большого шамана!» А затем сказал: «Шаман смотрит на небо и думает, что бог летит. А это не бог, а Прошка Комаров летит».

Это летел отец Любы Ненянг, Прокопий Антонович Комаров, председатель одного из первых кочевых Советов в Таймырской тундре. Человек, который покорила Север, боролся с темнотой и мраком, властвовавшими над необозримыми снежными просторами тундры. Тогда здесь на сотни километров можно было встретить едва одного человека. Немногочисленные северные народности, кочевавшие по тундре, не знали письменности, не имели представления ни о земледелии, ни тем более о машинах.

Да и невозможно, казалось, представить земледелие на краю земли, где за короткое, как птичья песня, лето почва успевает оттаивать лишь на мизерную

Борис СОКОЛОВ

Кормильцы

В равнинной срединной России — пусть здесь не гремела война — поныне мы помним, живые, всех павших вдали именина. В любое селенье Поволжья приедешь — и перед тобой немеркнувший список тревожный навек унесенных войны. Фамилии. Инициалы. А это — кормильцы, отцы, неслыханные запевалы, невиданные косцы. Пускай позабудутся лица и в письмах сотрутся слова — их подвигу длиться и длиться, пока Россия жива! Бывало, дворов-то полсотни, и столько же в списке имен... Но в этом колхозе сегодня по-новому я потрясен. У ратного Мемориала по кромке кирпичной стены —

фамилии, инициалы скончавшихся не от войны. На кладбище — было бы ясно, а это же — в центре села!.. Знать, жили они не напрасно, коль память людская светла. Их жизнь — это хлебное поле, которому нету конца. Они поработали вволю и отдали полю сердца. Сегодня прикинь-ка попробуй пути от весны до весны потомственных тех хлеборобов, кормильцев семьи и страны. Так пусть позабудутся лица, сотрутся иные слова — их подвигу длиться и длиться, куда Россия жива! И это слияние судеб и чередование имен — как прикосновение к сути прошедших и новых Времен.

На рыбалке

Над полем проступали звезды. Чуть раздвигая темноту, костер похлывал негрозно, картошкой новой, подгорелой, горячей — не передохнуть. Она еще не подоспела: не смог я прутиком проткнуть. Ни соли не было, ни хлеба, но как она была вкусна! А где-то под таким же небом, сдыхая, корчилась война. И над заречной долиной среди туманной тишины луна казалась желтой миной, последней миной войны.

Снежные просторы

Едва в купе замолкнут разговоры, я с сигаретой в тамбур выхожу. И кажется, когда в окно гляжу, что неподвижны снежные просторы. Какая одинаковость во всем! Все снег да снег. Да елки. Да осины. Великая сибирская равнина уже вторые сутки за окном. Глаза слепит сплошная белизна, округлы до нелепости откосы. И только угольки от паровоза по ниточке лежат вдоль полотна. Тут заскучать и то, брат, не беда. Но как душа томится и ликует: ведь все пройдет, ведь все потом минует, и только юность в сердце навсегда. А где-то в институтских коридорах еще стоит мальчишка у окна и слушает, как стынет тишина в российских нескончаемых просторах.

Дождь прошел...

Дождь прошел. Под берегом, у омута, стала слышно, как шумит река. Мокрая цветущая черемуха розовым подсвечена слегка. Все всерьез. Все крупно. Все ответственно. Солнца луч. Травинка. Стрекоза. И всею так чутко соотвествуют синие глубокие глаза! Позабуду все мечты и промахи, вспомню все, чем начиналась жизнь... Мокрая цветущая черемуха, ты кружись над милою, кружись!

Краснолесье

Надоело мне, что небо в тучах. Я уйду на птичьих голоса, где над Волгой на зеленых кручах красные сосновые леса. И, присев над русскою рекою, утолю я тем свою печаль, что полна свободой и покоем сединою тронутая даль. Разожгу костер. И тени сосен тихо упадут сквозь тишину. И услышу, как на стрелех сносит песни набежавшую волну. И негромко этой песни звуки и крутые горькие слова повторят все волжские излучи и возьмет на память синева. Я не знаю в мире выше доли: позабыв о доме и княжне, для друзей-товарищей, для воли ставить новый парус на челне! И неважно то, что небо в тучах, — снова птиц ликует голоса, где над Волгой на зеленых кручах красные сосновые леса.

Лица людские

Я замечаю все явственней день ото дня: лица людские переполняют меня. Добрые, злые, выбритые до синевы, в дерзкой щетине — находка досужей молвы, с родинкой милой и страшным родимым пятном... Сколько их было! И все они в сердце моем. Взгляд, как улыбка, и взгляд, как ножа острие... Все они как-то лицо изменяли мое! День ото дня незаметно. Но ты оглянись-ка назад: стали другими и губы, и брови, и взгляд. Это не годы. Все резче у жизни в конце лица людские в твоём проступают лице! Ну, а мое, что я прячу, как в руки любимые, в стих, как-то оно отзовется в лицах и душах людских?

глубину. Почти вся влага остается на поверхности, рождая мелкие, хлипкие болота да неисчислимое количество карликовых озер. В них, как в живых зеркалах, отражается северное небо, удивительное по нежности красок, по перламутровым их переливам. Под этим небом нет жизни большим деревьям, ибо слой почвы, где бы они могли укрепить свои корни, тут тонок, как узор на меховой шубе северной женщины. А за этим тонким слоем почвы сразу начинается ледяной погреб вечной мерзлоты, в котором сохранились трупы мамонтов, вымерших десять тысяч лет назад.

Иногда тундру называли мертвой землей. Но, приглядевшись пристальней, глаз мог заметить какие-то странное скрюченные растения, напоминающие настоящие деревья, только уменьшенные в сотни раз. В маленьком кустарничке угадывается ива, из-под шляпки подберезовика выглядывает береза-лилипут. А грибов здесь не счесть. Их можно было бы назвать надберезовиками, потому что в их тени прячутся от непогоды крохотные столетние березки. Ива-карлик, береза-лилипутык, сосна-малютка... Даже таких «деревьев» в микроскопическом лесу мало. Кругом лишь мхи, лишайники да ягоды. От созревших ягод тундра на короткое время голубеет, когда поспевают голубика, краснеет, когда наливаются клюква или зреет морошка...

Серовато-зеленый ковер тундры, расцвеченный черными, голубыми, красными ягодными узорами и серебристыми пятнами ягеля-лишайника, оленьего мха, — прекрасное пастбище для северного оленя. Без оленя здесь не было бы жизни человеку. А без человека и тундра имела бы другой вид. Люди обжили эту скудную, каменистую землю. Летом они извечно били морского зверя, ловили рыбу, водили оленьи стада по ягельным пастбищам, зимой охотились за голубыми песцами да за лисами рыжехвостыми. На зиму уходили подалее от ледяного дыхания океана, искали тепла в краю, где на смену карликовым лесам поднимается редколесье тундры, переходящее затем в настоящую тайгу. На границе тайги и тундры растет удивительное деревце — кедровый стланик. Это неприхотливое растение летом становится выше, его вечнозеленые ветви тянутся к небу, к солнцу. С наступлением осени его трепетные ветви начинают клониться к земле, распластываясь, словно ищут у нее защиты. И белый снежный пух спасает растение, как и человека, от морозов, достигающих нередко 60 градусов. В хвое стланика содержится драгоценный противораковый витамин. Северянин это заметил давно и не раз использовал его в вековой борьбе с болезнями. Много полезных продуктов добывается из кедровых орешков. Из одной тонны орехов получают 250 килограммов питательного кедрового масла. А

золотистый жмых, который остается после отжима, идет на приготовление вкусного орехового молока. Вот что дает людям скромное с виду растение, низкорослый кедровый стланик!..

Север... Целая планета. Необразимая ширь, многоцветье языков, культур, мифов и мифологий... Знаю ли я Север? Не скажу — да. Но, как уроженец одного из его безмолвных уголков, может быть, острее чувствую отдельные его проявления. А узнать Север до конца — с его безбрежной тундрой, сливающейся с таким же безбрежным Ледовитым океаном, с не тронутыми еще сокровищами — трудно. Потому что только мы вообразим, что сумели уловить его черты, как он оборачивается новым своим обликом, новой, неизведанной гранью. Творцом всех этих перемен стал новый человек Севера, благодаря Великому Октябрю превратившийся из экзотического кочевника в труженника, созидателя материальных и духовных ценностей. Много хороших людей встречал я на бескрайних, заснеженных просторах. Снег ли, дождь, пурга ли, жара — всегда, в любых условиях северный человек делает свое дело основательно. Я, должно быть, всегда с чувством восхищения буду рассказывать о северянах, потому что то, что творят они своими заглубившимися от стужи и ветра руками, согрето теплом честных, открытых, добрых сердец.

Знатный рыбак Ханты-Мансийского округа, кавалер ордена Ленина Федор Сергеевич Терешкин ежегодно выполняет два-три годовых плана. Облавливая богатую рыбой озеро Таптым, Терешкин ежегодно дает по 700—800 центнеров рыбы.

— Мы со старым Таптымом живем в большой дружбе, — в шутку говорит Федор Сергеевич, — он отдает лишнюю рыбу мне, а я — людям. Так будет всегда!

«Я — людям!» — вот жизненное кредо сегодняшнего северянина, труженника, созидателя. Изменяется экономика Севера. Развивается и совершенствуется его культура. Меняется на глазах жизнь людей.

Читая книгу доктора исторических наук Василия Николаевича Увачана «Путь народов Севера к социализму», еще и еще раз воочию видишь, какая поистине гигантская работа по преобразованию северного края проделана Коммунистической партией: всего за полстолетия народы из каменного века шагнули в социализм и встали с «веком наравне».

Примечательна и судьба самого автора исследования. Сын безграмотного эвенкийского охотника стал первым секретарем Эвенкийского национального округа, крупным ученым, видным общественным деятелем страны. Он депутат Верховного Совета СССР, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, делегат трех последних съездов партии.

«...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXV съезде партии. — Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять».

Я перечитываю эти строки и вспоминаю памятную встречу литераторов у Полярного круга, конусообразный чум, собравшихся в нем молодых людей. У древнего огня они вели серьезный разговор о путях развития литературы народов Севера, призванной воспеть всю многогранную жизнь сурового края, его мужественных людей, которые осваивали и обживали эту землю, воевали с морозом, голодом, болезнями, искали и находили счастье в вечных каспаниях. Весь жар своего сердца они отдавали преобразованию родной тундры. Олицетворением этих людей для меня всегда будет Федор Константинович Того. Его сегодня, к сожалению, уже нет среди нас. Но остается любимая им, обновленная тундра, остаются и продолжают его дело многочисленные ученики.

Один из них, Роман Ругин, сейчас работает секретарем райкома партии в Таркосалинской тундре. А тогда он порадовал всех участников семинара своим серьезным отношением к жизни, к товарищам, к творчеству. После окончания Ленинградского педагогического института имени Герцена он работал директором школы. В свободное время писал стихи и прозу, издал ряд книг. В его стихах не только зоркость и меткость охотника, но и свежесть, глубина мысли современного северянина, который давно перестал думать только об охоте.

Роман Ругин в своем творчестве рассказывает о таежном народе ханты, о Ненецкой тундре, воспевает людей, преобразующих его родной Ямал. А Ямал — это край земли. Девять месяцев зима. Ямал — одна из крупнейших газовых кладовых, снабжающих страну голубым топливом. Открытие на Ямале Уренгойского и Медвежьего месторождений стало значительным событием в экономической жизни страны. Чтобы получить большое количество газа на Медвежье или Уренгойском месторождениях, достаточно пробурить 70 скважин. Для этих же целей в Коми АССР таких скважин потребуется почти в десять раз больше, а на месторождениях Украины — уже 1500...

Роман Ругин живет и работает среди людей, добывающих огонь земли. Он и сам огнедобытчик, первопроходец. В его творчестве никогда не померкнет ни северное сияние, ни огонь добра и света. Какое слово

БОГАТЫ РЫБОЙ ЗДЕШНИЕ РЕКИ И ОЗЕРА.

скажут другие певцы тундры? Не будем загадывать. Ответ даст время. Оно и в тундре летит не быстроногим оленем, а космическим кораблем. У новой жизни светлый лик и огромные скорости. Кто прикоснулся к ним, тот уже не вернется в древность.

Память снова уносит меня в детство.

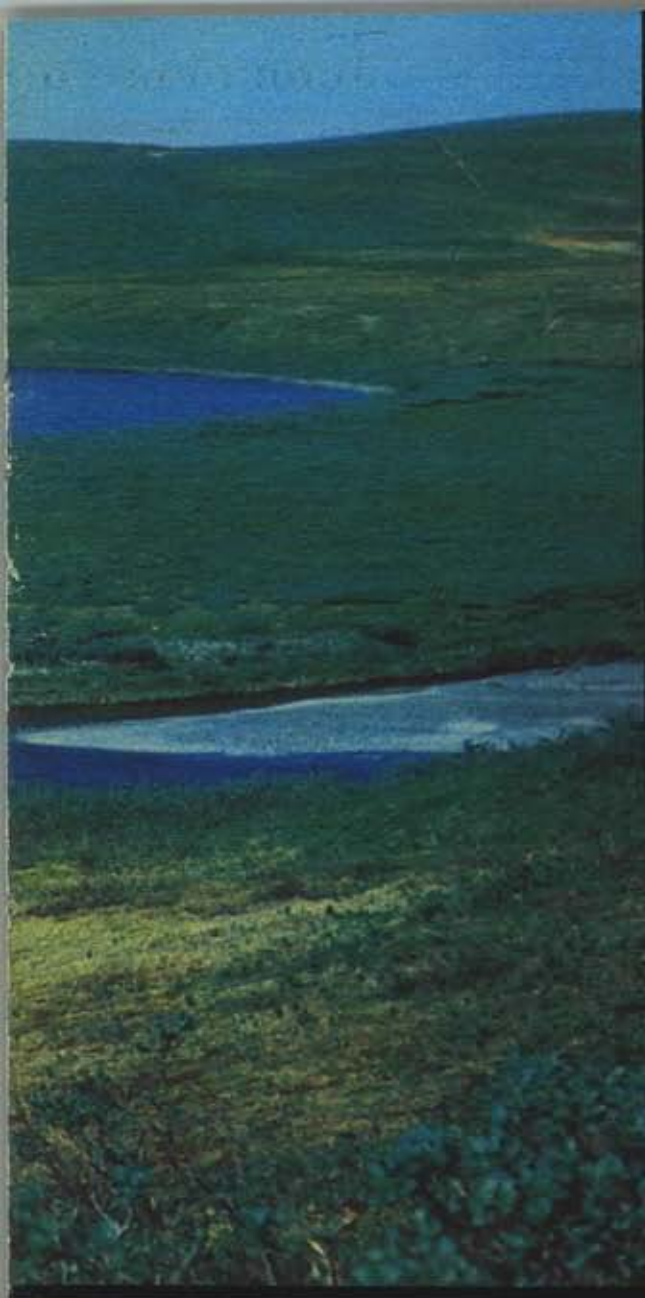
Небо и земля. На земле — снег. Ничего, кроме снега. На небе — луна, звезды, северное сияние. Небо играет холодными красками. И на земле морозно. Снег скрипит. Охваченное стужей, потрескивает карликовое деревце. Рядом с деревцем стою я. Мне тоже холодно. Наверху, что глаз олений, звездочка блестит. Каждой веткой звенит в отдалении лунный лес. Стужа все злее, пальцы сведены, и кажется, что вот-вот навеки ледяным цветком прорастет сердце...

ЧУМ — ДРЕВНЕЕ ЖИЛИЩЕ ОЛЕНЕВОДА.

ОЛЕНИ ДАВНО УЖЕ ПРИВЫКЛИ К ВЕРТОЛЕТУ.

Мир холода, одиночества, отчужденности коснулся меня однажды в детстве. Но и тогда, когда стоял я сиротливо посреди снежной пустыни, жадно вглядываясь в бесконечное мироздание, во мне искрою жила надежда, что могу дойти до тепла. Уже тогда я хотел пойти далеко-далеко, где живет большой, добрый огонь. Я готов был отправиться хоть на самое небо, чтобы принести северное сияние на стынущую мою землю. Я мечтал, чтобы и на ней было тепло, светло, радостно...

Мечты эти не были такими уж наивными. Есть на земле большое тепло. Его творят советские люди. Ибо они по сути своей теплотворцы. Это они в недрах земли, казавшейся мне когда-то студенной, открыли крупные запасы энергии. Это они одарили меня теплом человеческих отношений. Я грелся у огня дружбы простых людей. Я свидетель того, как труженик тундры, человек северного сияния, из каменного века шагнул в эру Космоса.

Я слышу голос пробужденной тундры...

БУРОВЫЕ ВЫШКИ ШАГНУЛИ ЗА ПОЛЯРНЫЙ КРУГ.

ЛЕТНИЙ КОВЕР ТУНДРЫ.

Западная печать недоумевает. Никогда раньше молодежь не пользовалась той свободой и теми многочисленными преимуществами, которыми она пользуется сейчас. И в то же время никогда раньше не достигали такого размаха, как сейчас, преступность и аморальность среди молодежи. В опубликованном в Вашингтоне докладе специального комитета, занимающегося вопросами преступности среди несовершеннолетних, указывается, что в 40 процентах всех серьезных преступлений в американской столице виновны несовершеннолетние.

детская ревность или обида после обычного родительского наказания или предупреждения. Зачастую убийство готовится с исключительной тщательностью. Один мальчик неделями тренировался в стрельбе, чтобы в роковой день, когда родители уйдут в кино, убить своего младшего брата. Убийства совершаются с редкой жестокостью. Даже во время войны солдата приходилось подолгу учить убивать штыком. Дети же умудряются убивать взрослых одним ударом ножа.

Не так давно Австрию взволновало убийство двух сестер — 13-летней Эльфриды и 8-летней Каролы. Их убийцей оказался 16-летний школьник Карл Мраз. Он с такой холодной расчетливостью и садизмом расправился со своими жертвами, так спокойно отнесся ко всему им содеянному, что удивил даже выдавших виды судебно-медицинских экспертов и психиатров. Однако парень оказался психически нормальным.

О какой защите юношества может идти речь в мире наживы и насилия, где убийства и жестокости Джеймсов бондов и других персонажей американских «боевиков» возведены в ранг доблести и героизма?

В статье, опубликованной в сборнике «Преступность в Америке», та же Мелитта Шмидеберг, пытаясь разобраться в причинах этого тревожного явления, отмечает, что преступный мир вербует свое пополнение среди всех классов общества. Но показательно, что лишь 3,4 процента малолетних преступников — выходцы из очень бедных семей. 47,2 процента задержанных выросли в семьях, которые все же кое-как сводят концы с концами.

аморальность стала правилом, а не исключением», — констатирует общественный деятель М. Хилл.

Как заявила комиссия при президенте США по вопросам преступности, для того, чтобы решить наконец эту проблему, Соединенным Штатам придется найти способы нейтрализации озлобления и разочарования своей молодежи.

«Ключ к значительной части насилия в нашем обществе, — говорится в докладе, — видимо, находится в руках молодежи. На детей, подростков, молодых людей приходится все больший процент преступности, гораздо больший, чем их процент от численности населения. В огромной степени групповые протесты и коллективные насильственные действия — в учебных заведениях, в гетто, на улицах — дело рук нашей молодежи».

Влиятельный американский журнал «Тайм» в статье, посвященной преступности среди американской молодежи, пишет, что, по признанию многих американских экспертов, аморальность молодежи отражает аморальность американского общества в целом и является следствием того, что подрастающие американцы постоянно видят перед собой всевозможные извращения и отклонения от норм. Журнал описывает ряд возмутительных инцидентов, участниками которых были не безработные молодые люди, а юноши и девушки из обеспеченных слоев общества.

В курортном городке Лейк-Джордж (штат Нью-Йорк) толпа, состоявшая из 1500 студентов колледжей — многие из них были пьяными, — рано утром с воем пронеслась по улицам города, тре-

Виктор МОЛЧАНОВ

ОЗЛОБЛЕННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Значительная часть преступлений с применением насилия, которые стали бичом нации, совершается подростками. По мнению помощника инспектора чикагской полиции Джона Киллаки, «самая многочисленная возрастная группа правонарушителей в Чикаго — молодежь в возрасте от 15 до 20 лет, а следующая по численности — от 10 до 15 лет».

Все большее и большее число юношей и девушек воспитывается в разбитых семьях; кроме того, они находятся под постоянным воздействием показываемых по телевидению и в кино сцен поножовщины, зверских убийств, удушения, перестрелок, сжигания людей заживо и обваривания их кипятком».

Человеку, родившемуся в аморальном обществе, трудно избежать влияния законов этого общества. Они преследуют его в школе, на улице, с экранов кино и телевизоров, со страниц комиксов.

И вот приходит день, когда безусый юнец сам начинает подражать «героям». Он достает нож, пистолет, кастет. Он вступает в банду себе подобных и совершает первый проступок, а затем и преступление, иногда даже убийство — по «рецепту» любимой книжки или популярной передачи.

«В нашей стране убийства совершаются чаще, чем в других странах. Убийства, совершаемые подростками 16 лет, — явление, неслыханное в других цивилизациях», — пишет доктор медицины Мелитта Шмидеберг. А ей можно верить, ведь она директор службы клиник для принудительного лечения несовершеннолетних преступников.

Убийцами часто бывают и дети восьми — десяти лет. Жертвами обычно становятся их же родители или члены семьи. Совершаются эти убийства с удивительным хладнокровием, и впоследствии виновные не выказывают ни малейших признаков раскаяния или сожаления. Поводом могут служить такие пустяки, как ссора из-за телевизора,

Остальные — дети из семей средней и выше средней обеспеченности.

Насилие и вседозволенность становятся нормой поведения молодежи в Соединенных Штатах. Сейчас, писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», американскую публику пичкают темами секса и насилия, изображаемыми с такой откровенностью, что каких-нибудь 10—15 лет назад это показалось бы невероятным. При таком положении дел, признает профессор психиатрии Чикагского университета Д. Фридман, резко увеличивается число психических заболеваний и самоубийств. Кроме того, прослеживается связь между «кризисом морали» и другими теневыми сторонами современного американского образа жизни.

Сан-Франциско известен как город самоубийц. Но этому городу принадлежат и другие мрачные рекорды. Среди его жителей, особенно молодых, широкое распространение получил алкоголизм: не случайно Сан-Франциско называют еще и «столицей пьяниц».

От 30 до 40 процентов американских учащихся бросают школу, не окончив ее, а в гетто и в трущобах крупных городов число юношей и девушек, раньше положенного уходящих из школы, достигает 75 процентов.

Американские социологи пришли к выводу, что огромное влияние на мораль общества оказывает телевидение. Подсчитано, что каждый современный американец к 18 годам проводит перед экраном телевизора 20 тысяч часов. В вечерние часы «пик» американским зрителям преподносят от пяти до девяти случаев насилия в час, а по субботам — и до 30. Только за одну неделю в США в дневное время по телевидению были показаны 144 убийства, 143 попытки к убийству, 53 убийства, «оправдывающиеся обстоятельствами», 14 случаев отравления, 12 побегов из тюрьмы, 36 ограблений, 13 похищений детей, 7 случаев пыток и 5 случаев шантажа. Это приводит к тому, что даже среди детей возникает безразличие к человеческим страданиям. «Если судить по телепередачам,

буя, чтобы закрывшиеся уже бары отпустили им алкогольные напитки. Полиции и добровольцам-пожарным удалось рассеять толпу, лишь пустив в ход пожарные шланги».

В другом курортном городе — Ошан-Сити (Мэриленд) полиция была вынуждена использовать специальных полицейских собак, чтобы рассеять толпу в 2000 пьяных студентов. В Уайлдвуде (Нью-Джерси), где армия пьяных юнцов серьезно повредила гостиницу, полиция арестовала 160 человек.

Однако больше всего полицию и воспитателей тревожит тот факт, что нынешние правонарушения среди молодежи принимают форму насилия ради самого насилия. В Лос-Анджелесе 87-летний Дж. Клоссер сопровождал 70-летнюю Эдит Сэнфорд в прогулке по улице в трехколесной повозке. Двое юношей в автомашине подъехали к ним и с диким гиканьем стали подталкивать сзади неустойчивую тележку, пока она не опрокинулась. Двое стариков получили тяжелые увечья.

В школе имени Франклина Лейна в Нью-Йорке три школьника на глазах у всего класса облили своего учителя бензином и подожгли. Это было четырнадцатое за три недели покушение учеников на жизнь учителей.

Один полицейский-ветеран заявил, что раньше они так расправлялись с беспокойными подростками: «Ударим их по спине дубинкой и отошлем домой. В то время нам даже и не приходилось говорить о какой-либо детской преступности».

Работник уголовного розыска капитан Генри Уэлси заявил корреспонденту «Ньюсуик»: «К нам попадают 13—15-летние преступники. Это поколение проникнуто озлоблением, какого не замечалось лет десять назад. Они избивают человека просто потому, что у него нет денег или он недостаточно быстро их отдал».

Какова бы ни была причина взрыва преступности, никто в столице не застрахован от нападения или грабежа. В детском парке невдалеке от Белого дома гуляющие обнаружили, что пустует постамент, на котором стоял Иисус-младенец. Управля-

ющий парком объяснил: «Мы убрали его, потому что его все равно бы украли».

Страстное желание разбогатеть характерно для современной молодежи Запады. Она хочет иметь все и немедленно. К несчастью, именно в преступлении молодежь видит наиболее легкий способ добывания денег. В уже упоминавшемся нами Сан-Франциско 18-летняя девица грабит банк, а через 7 часов как ни в чем не бывало начинает свой медовый месяц на одном из фешенебельных курортов.

Если преступность среди американской молодежи будет расти такими же темпами, как сейчас, то в течение ближайших 20 лет по крайней мере 60 процентов белых юношей, живущих в городах, и 90 процентов горожан-негров будут арестованы за уголовные преступления. Таковы результаты статистических исследований, проведенных в 1975 году комиссией по делам преступности в США.

Если наркомания получила широкое распространение среди всего населения США, то молодежи это касается в первую очередь. Выступая на конференции губернаторов, бывший президент США Никсон отметил, что число людей в возрасте учащихся колледжей, которые употребляют или употребляют марихуану, составляет одну треть общего числа студентов колледжей в США. Употребляют марихуану и 16 процентов учащихся средних школ.

Прежде было широко распространено мнение, что наркоманов следует искать среди обитателей гетто, среди обездоленных и морально угнетенных, которые прибегают к наркотикам как к последнему прибежищу. Но это далеко не так. Чаще всего наркоманами становятся те, кто имеет благоприятные материальные возможности. Наркомания затрагивает как молодежь, так и стариков и является поистине национальной проблемой. Добавьте к этому, что более половины всех грабежей в столице страны Вашингтоне совершаются людьми, употребляющими наркотики.

Катастрофический рост преступности среди молодежи наблюдается не только в США, но и в других государствах Запады, даже в такой относительно спокойной стране, как Швеция. В ноябре 1975 года шведские воинские части, расквартированные под городом Сёдертелье, неподалеку от Стокгольма, были приведены в состояние боевой готовности. Причиной послужило полученное от полицейского управления сообщение о том, что банды хулиганов, разъезжавшие на машинах—так называемые раггары,—намереваются напасть на воинскую часть с целью захвата оружия. Ну, а на что способны раггары, в Швеции хорошо известно: за несколько дней до этого 400 раггаров взяли штурмом город Эскильстун. Полицейские пытались остановить караван раггаров из 60 машин, но не смогли, ибо не успели расстелить на шоссе ковры с шипами: вот и пришлось полицейским, спасаясь от мчавшихся с бешеной скоростью автомобилей, прыгать в кусты, взбираться на деревья. Ворвавшись в город, раггары принялись бить стекла в домах, учинили невероятное число драк. Одна полицейская машина была разбита на мелкие части.

Юристы и педагоги, психологи и социологи теряются в догадках, отыскивая причины катастрофически растущей преступности и морального разложения молодежи. Частично эксперты объясняют рост преступности безработицей. Так, сенатор Хэмфри (демократ от штата Миннесота) заявил в сенате, что многие юноши после окончания школы не могут найти работу и организуют преступные банды. Отметив, что почти 17 процентов молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет не имеют работы, он сказал: «Это—возмутительное разбазаривание молодых жизней».

Похожая картина наблюдается и в других странах. Поиски работы стали сейчас одной из наиболее трудных проблем и для японской молодежи. Инфляция и депрессия, охватившие экономику страны, привели к резкому сокращению объема выпуска продукции на предприятиях, к увеличению армии безработных, которая, по официальной статистике, насчитывает в настоящее время около миллиона человек, а по подсчетам профсоюзов—около двух миллионов. В таких условиях перспективы устройства на работу учащихся средних школ и колледжей, завершающих учебу в марте каждого года, весьма мрачны. По опубликованным данным министерства труда Японии, почти 50 процентов выпускников средних школ и колледжей, желающих поступить на службу, не могут найти себе работу, поскольку японские торговые фирмы и промышленные компании сокращают прием новой рабочей силы. Эксперты спорят о причинах преступности среди молодежи, а тем временем по-прежнему слышны вопли избиваемых, звон разбитого стекла и крадущиеся шаги по ночным улицам.

ЖОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

О МОЕМ ОТЦЕ

Нас, детей, в семье было пятеро. Но только теперь, став матерью, я поняла, что значит семья в воспитании человека и что значит авторитет родителей.

Чем старше мы становимся, тем чаще думаем о детстве. Вспоминаю о нем, я вспоминаю отца. Он и сейчас живет, мой отец, и по-прежнему самый большой авторитет для меня.

А почему?

Потому что и одобрение он выскажет как-то по-своему и утешит в горе «просто так» не будет, а поможет разобраться, ошибку найти. Отец наш закончил всего 7 классов, но образован он прекрасно. Это результат постоянного интереса к жизни, ко всему окружающему. Я не помню случая, когда бы с ним кому-нибудь было скучно. На любую работу: на сенокос, за дровами, на рыбалку—отец всегда нас брал с собой. Но эти совместные прогулки в нашем воспитании сыграли огромную роль. День на сенокосе длинный: накупаемся, рыбы наловим, в сене накувыркаемся, да и поработаем на славу.

Отец нас не только ради забавы брал. У него всегда были припасены для каждого из нас коса по росту и маленькие грабельки. Подзадорит нас, соревнование устроит, и, глядишь, трудимся в поте лица. И чему только он не учил нас! В этой области ограничений не было даже для меня—для девочки. Топором владеть или в лодке веслами, косой косить и корзины плести. И все это делали мы без понукания. И сам он работал с удовольствием, красиво, с выдумкой.

Разделение труда на «мужской» и «женский» в нашей семье нет и не было. Каждому приходилось и полы вымыть и посуду.

Я знаю, что сейчас многих волнует вопрос, каким будет подрастающее поколение. Мне иногда смешными кажутся рассуждения, мол, в хорошей семье рос человек, а окружающие испортили. Воспитание «со стороны»—это все равно, что искусственное вскармливание, неизвестно, насколько оно будет удачным. Только семья может воспитать нравственно сильного человека, которого потом уж никакие «окружающие» не свернут с данного семейного курса.

У меня семейная жизнь сложилась не совсем удачно, однако уроки «что такое хорошо и что такое плохо», данные мне в детстве, помогают в жизни быть сильной.

В этом заслуга моего отца.

Евгения С.
Архангельская обл.

ОТЛИЧНЫЕ У НАС РЕБЯТА

Наш поселок Сорум получил свое название от речки, которая протекает рядом, обрамленная соснами, елями и редкими березами. Живут в Соруме газовики, строители, механизаторы. Ведь это одна из точек, расположенных на трассе Тюменской газовой магистрали. Две очереди компрессорных станций уже построены и гонят газ по огромным трубам дальше. Заканчивается строительство третьей очереди, начинается строительство четвертой. Возник наш поселок шесть лет назад.

Сам я живу и работаю в этом поселке меньше года, но мне уже полюбили эти места, моя работа, а особенно товарищи по бригаде, плотники-бетонщики. Мы делаем опалубки под колонны, фундамент, траншеи-подводки к турбине, всевозможные колодцы и все это бетонируем. Работа не из легких, но на трудности у нас никто не жалуется. Идет бетон—перекуривать некогда. И когда кажется, что от усталости не сможешь поднять руку, чтобы стереть пот с лица, когда и говорить ни о чем не хочется, вдруг услышишь голос Николая Тихонова: «Просыпаюсь сегодня ночью от тряски балка. Что такое? Выскакиваю, а это лось рога об угол чешет. Я сук схватил—и на него. Отогнал. Возвращаюсь, а в дверях балка медведя. Лапой себе живот поглаживает и «Хо! Хо! Хо!» А я босиком». Ну, тут уж действительно хохот неудержимый. И усталость как будто уходит, и снова кипит работа. Вот так безобидной шуткой мы помогаем друг другу победить усталость. В ноябре мы получили задание—наряд на заливку фундамента под опоры турбины. Двадцать

четыре опорные пластины только на одном комплексе! А их три. Работа ответственная и трудная: под опорными пластинами не должно быть пустот. Бетон высшей марки должен «схватиться» в тепле, а морозы уже сильные. Натянули над фундаментами палатки, поставили нагнетательные печи-калориферы, и от них по трубам в палатки пошел горячий воздух. Подготовили все, что было нужно, и работа закипела. Николай Василенцев, Леонид Соловьев, Иван Дюльдин, Виктор Волошин, Михаил Смородин, Евгений Вагин отлично справились с ней. В палатках жара, бетон делали вручную, а сроки поджимали. Парни не выходили из палаток с темна до темна, трудились без выходных и праздников: надо!

Николай Ефремов приехал работать на Север сразу же после службы в армии. Север ему понравился. Работает Коля хорошо, красиво, неоднократно его поощряли премиями. Управление наградило его грамотой за успехи в работе. Любимое Колю занятие—фотография. У многих в поселке есть снимки, сделанные Колей.

В конце ноября открылся зимник. Пошли машины с цементом и плитами. И снова не до выходных. На разгрузку цемента из нашей бригады взяли Владимира Тихонова, Валерия Колесника, Николая Воротникова, Виктора Мельника, Александра Черепанова. Разгрузку надо было произвести за полтора месяца, а они ее произвели за три недели! Четыре тысячи тонн! Ни одного простоя автомашины. Работали днем и ночью. В первое время даже душ не снимал усталость, и было одно желание—спать! А потом наловчились так, что на разгрузку машины уходило три-четыре минуты. Ренат Газизов, Сергей Верзунов, Валерий Яковлев, Александр Шульженко, Николай Ефремов, Федор Валеев работали на разгрузке плит, окончив ее раньше срока и без простоя машин. Вот так работают наши ребята.

Комсомольцы составляют большую часть нашей бригады. По комсомольским путевкам прибыли к нам демобилизованные воины Александр Шемчук и Александр Черепанов. А через некоторое время мы сами будем проходить в ряды Советской Армии Сергея Верзунова.

Не раз наша бригада занимала ведущие места в социалистическом соревновании по управлению. На доске почета висят фотографии Николая Ефремова и Ивана Дюльдина. Дружно и слаженно работает весь коллектив—комсомольско-молодежная бригада Писаренко, бригады Иванова и Иванченко, монтажники Юрчука. Отличные у нас ребята. Вот пожалуй, и все, что мне хотелось написать.

Александр ВОРОТНИКОВ,
Тюменская область, пос. Сорум

СЧИТАЮ СЕБЯ СЧАСТЛИВОЙ

Хочу рассказать вам о дружбе, о том, как я ее понимаю. Плохо человеку без друга, а я нашла его. Помогла найти ты, «Смена», за это тебе большое спасибо. Я прочла заметку в одной из подборок читательских писем; мысли автора совпали с моими, я написала ему; завязалась переписка, потом дружба. Оказывается, дружба делает человека богаче, красивей, заставляет стать лучше.

Я считаю себя счастливой, потому что у меня есть настоящий друг—человек, рядом с которым легче дышится и трудности не страшат. Дружба дает радость, веру в людей. Мой товарищ любит стихи, даже сам пишет. Кажется, что и меня это чувство обогащает: иногда я особенно остро чувствую свою связь с окружающим миром, и тогда точно наведишь себя с лясом, небом, снегом... Я очень люблю людей, и мне постоянно надо чувствовать, что и я им необходима. Не хочу, чтобы в человеческих отношениях был обман, игра—все должно быть доверчиво и честно. Не терплю фальши в людях. Люблю стихи и сама пишу их. Люблю картины, иду в них то, что близко мне, и нахожу такое, что в душе остается навсегда. И музыку тоже люблю. Хочу, чтобы на всю жизнь во мне осталась радость первооткрытий, любовь к прекрасному, к людям.

Зоя АБУЛЛИНА,
Аургазинский район, Башкирия

Андрей БАТАШЕВ

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ ЗА РАБОТОЙ.

Прохладная белизна ромашек, ржаной колос, касающийся женского лица с такой нежностью, словно смысл его существования на земле—именно это прикосновение... И бесшумные бабочки со светящимся узором на крыльях...

Есенинской стрóкой рожден этот рисунок. И еще—сердцем художника, который с такой прозорливостью нашел ее графический образ.

— Иллюстрация,—говорит Геннадий Новожилов,—это частица мира литературы, драгоценного для меня мира.

Я смотрю на его рисунок и чувствую, как необходимо для нас созерцание красоты и насколько мощно ее излучение... И хочется, закрыв глаза, вспомнить и до деталей рассмотреть, превратив в свое собственное достоинство то, в чем повседневность приучила видеть привычное и ничем не примечательное: прохладную белизну ромашек,

РИСУНОК К СКАЗКЕ ГАУФА «ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ».

ржаной колос, касающийся женского лица, и бесшумных бабочек со светящейся пыльцой на крыльях, пыльцой, которая дарит им не только красоту, но и саму способность полета...

Я слушаю Геннадия Новожилова, вижу, как прикасается он к книгам, словно бы ощущая исходящий от них живой ток,—и он представляется мне внимательным и бережным хранителем сокровищ, скрытых в книжных страницах. И я вспоминаю франковского Сильвестра Бонара, который так говорил о книгах: «...для моей жизни они необходимы, как воздух или свет. Я очень их любил и до сих пор не в силах удержать себя, чтобы им не улыбнуться или не приласкать их... Каждая из этих книг, в силу того или иного присущего ей достоинства, заслуживает уважения порядочного человека».

— Дома у нас была хорошая библиотека,—вспоминает Геннадий.—Я до сих пор помню великолепные издания Пушкина, Гоголя, Андерсена, Гауфа... Эти книги были прекрасно иллюстрированы. Разумеется, особенно поражали меня сказочные сюжеты. С того времени я и увлечен иллюстрацией.

Рисовать начал лет в шесть—семь. Шла война, я мечтал стать летчиком и, естественно, изображал на бумаге бесчисленные воздушные бои, в которых всегда побеждали наши пилоты. Если же ситуация была безвыходной, я всегда успевал спасти своего героя, раскрыв над ним в черном небе белый купол парашюта...

Мать умерла, когда Геннадию было несколько месяцев, а в сорок третьем умер отец...

То, что ему не удалось услышать от отца и матери, он узнавал из книг. Открывая их, он отправлялся в

О СЛОВО

ИЛЛЮСТРАЦИИ К «СОРОКОУСТУ»
И «ПЕРСИДСКИМ МОТИВАМ» СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА.

ЭСКИЗ КУКЛЫ К МУЛЬТФИЛЬМУ «ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА».

путешествия — и в тот мир, о котором в них рассказывалось, и в тот, колеблющийся и манищий, который называется творчеством.

Нет ничего увлекательнее этих путешествий, в которых есть все: реальность ветра, надувавшего паруса колумбовых каравелл, реальность букв, выписанных каллиграфическим почерком гоголевского Акакии Акакиевича, реальность пушкинского Моцарта, душевная незащищенность которого — необходимое условие того, что он смог сотворить добро, превратившись в музыку, и проглотить зло, даже став его жертвой...

У этих путешествий нет завершения. Есть только краткие остановки, когда художнику удастся рассказать о них пером, карандашом, кистью... И эта сохраненная со времен детства способность путешествовать именно так сообщает его взгляду удиви-

тельную внимательность и доброжелательность. Поэтому так остро видит он мир и во время своих реальных путешествий.

...Плывут по стене мастерской прохладные рыбы. Плывут в неуничтожимой прозрачности воды, которая, уловив предназначенные ей солнечные лучи, медленно пропускает их сквозь себя... И эти рыбы в московской мастерской заставляют вспомнить вкус чистой речной воды и шуршание выбеленного северным солнцем песка...

— Лет в пятнадцать я поступил в седьмой класс художественной школы при институте имени Сурикова и почувствовал себя совершенно самостоятельным...

Что же было там, в детстве, откуда это сегодняшнее ощущение удивительной красочности тех полугодных дней? Другие дети собирали марки и

открытки — он лишь любовался ими. У него не было велосипеда, но он так точно представлял себе велогонку, словно сам промчался по треку...

— Я не жалею на судьбу, — говорит художник. — Хотя, конечно, хотел бы, чтобы мое воспитание было позначительнее. Это помогло бы в работе. Но в конце концов все пережитое — это драгоценные крупицы реального опыта, которые пробуждают фантазию...

Он отводил от книги глаза и, словно наяву, видел цветной мир, покорно следующий за его взглядом. Он пробовал рисовать, и все исчезало. Прошло немало времени, прежде чем он научился с достаточной точностью фиксировать возникающие в воображении образы...

— Неуправляемые эмоции часто мешают в работе. Здесь всегда должен быть порядок...

Когда он впервые увидел жеребенка, такого же, как в есенинском «Сорокоусте»? Наверное, еще в школе. Увидел и почувствовал, как тот берет хлеб с его ладони, тыкаясь в нее влажными лиловыми губами...

Иллюстрации к «Сорокоусту» Геннадий Новожилов сделал недавно. Тот самый жеребенок, которого он увидел когда-то, не изменился. Его можно унести на ладони и сохранить в душе... А вот поезд, который «бежит по стенам, железной ноздрей храпя», утратил свой наивно-зловещий облик, превратившись в почти сказочное одушевленное существо, не враждебное красногривому жеребенку, а родственное ему...

А на книжной полке художника стоят вагончики и паровозики игрушечной железной дороги, которые так легко совершают дальние рейсы в мир детских мечтаний. И возвращаются оттуда, сохраняя запах полевых трав и причудливых цветов, сохранив отблески драгоценных камней, добытых гномами...

— Я с удовольствием играю вместе с дочкой в железную дорогу. Я испытываю наслаждение, видя, с какой добропорядочной старательностью бегут по рельсам эти трудолобивые паровозики, эти разноцветные вагончики...

В течение жизни мы тратим и тратим первичный материал, данный детством. И если нам, взрослым, удастся в какой-то момент хотя бы чуть-чуть пополнить этот запас, — это уже счастье. Во всяком случае, если бы я не играл вот так с дочкой, я, наверное, сделал бы совсем другую иллюстрацию к «Сорокоусту»...

Перед окончанием художественной школы жить стало совсем трудно. Геннадий должен был всерьез подумать о заработке. В это время студия «Союзмультфильм» объявила об организации курсов художников-мультипликаторов. Геннадий Новожилов подал туда документы. Сдавать экзамены пришло человек триста. Выдержали трое. Среди этих счастливых оказался и он. Поскольку не было смысла из-за трех человек организовывать курсы, будущих мультипликаторов сразу же прикрепили к режиссерским группам. Нужно было делать рабочий материал. Таким образом, месяца через три курсантская стипендия Геннадия превратилась в зарплату.

На студии он проработал семь лет, участвовал в создании более двух десятков мультипликационных лент.

— В «Снежной королеве» я делал разбойников, в фильме «По щучьему веленью» — царя, в ленте «Миллион в мешке» — музыкальную сцену... Я работал на «Мультфильме», как говорится, на характерных ролях и мог поэтому заниматься гротеском, что меня всегда привлекало.

Но как ни интересна была работа в кино, его все больше и больше охватывало желание вернуться к иллюстрации, к тому, с чего открылось для него искусство.

Поначало опыт работы в мультипликации мешал его графике. Получались огромные головы, какие-то странные руки, он не мог передать движение, которое, казалось бы, как художник-мультипликатор хорошо знал! Но именно это мультипликационное движение сообщало его графике отточенность... «В мультфильме — в идеале — должна быть мудрость Толстого и Сократа в соединении с непосредственностью и способностью создать экранную жизнь в условной сказочной форме», — говорил один из самых уважаемых наших мультипликаторов, режиссер Федор Савельевич Хитрук. В своей работе Геннадий Новожилов всегда стремился именно к такому соединению. И в иллюстрации тоже. Однако далеко не сразу сумел в относительно новом для себя жанре приблизиться к постижению жестких законов формы.

Сейчас он периодически возвращается к мультипликации. «В мультфильме, — вновь цитирую Хитрука, — как и в поэзии, необходима крайне высокая концентрация мысли и эмоций».

Мир мультипликации ни на минуту не дает за-

быть об этом постоянном требовании, которое предъявляет к художнику искусство.

— Я люблю ленту «Журавль и цапля», сделанную недавно моими друзьями на «Союзмультфильме», — говорит Геннадий Новожилов. — Отчего страдают эти два существа, названные цаплей и журавлем? Неужели нельзя понять и простить друг другу ничтожную обиду? Ведь тогда сразу же открылся бы прекрасный мир понимания, мир счастья! Так почему же так нетерпимы и так нетерпеливы эти забавные, эти несчастные мультипликационные персонажи? Неужели они осуждены на то, чтобы вечно возводить между собою непреодолимые барьеры?

Разумеется, вопросы эти возникают не перед рисованными героями, а перед нами, людьми. Упрости до арифметической ясности расхожую жизненную ситуацию и сотвори на ее основе мультипликационную сказку, авторы сумели наделять ее некой загадочной силой. И мы, зрители, следя за условными цаплей и журавлем, ощущаем, что эта сила извлекает из нас воспоминания о наших собственных драмах, и воспоминания становятся эмоциональным фоном сюжета мультипликации, превращая ее героев в общечеловеческие символы...

— Как-то в кафе, — продолжает Новожилов, — я видел такую сценку. Один человек, видимо, хотел с кем-нибудь поговорить. Не найдя лучшего предложения, попросил у соседа спички. Закурить. Тот не глядя передал спички. Тогда первый, пытаясь все же завязать разговор, сказал:

«Хорошие у вас спички!»

А тот, другой, все так же не глядя на него и думая о своем, в сосредоточенной задумчивости, медленно подбирая слова, ответил:

«Да... Как спички они ничего...»

Со стороны ситуация кажется забавной. Но ведь не исключено, что это тоже один из вариантов драмы «Журавль и цапля»...

Мне кажется, что основное свойство дарования Геннадия Новожилова состоит не только в умении с удивительной точностью постигать сущность самых разных литературных произведений, но и открывать в них новые миры там, где мы зачастую видим только заключительную точку.

...Писатель закончил фразу, главу, часть. Но каждая точка — это как фермата в музыке. Молчание, которое тоже музыка. Тишина, в которой продолжают развиваться ситуации, образы, настроения...

— Работы Геннадия Новожилова, — говорит профессор Ленинградской консерватории Борис Львович Гутников, — родственны музыке, в особенности музыке Сергея Прокофьева, очень русской и очень эмоциональной...

Композиция, цветовой строй графических листов Новожилова всегда заставляют меня внутренне ощутить гармонический образ прокофьевских произведений, особенно инструментальных... Для меня здесь очевидно сходство и в логике развития и в остроумии неожиданных решений.

Давняя мечта Геннадия Новожилова — сделать фильм по сказке Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Ее герой, угольник Петер Муик, ради того, чтобы стать богатым, отдает злему великану-волшебнику свое живое сердце, получая взамен каменное. Став человеком с каменным сердцем, Петер утратил любовь к людям, жалость, сострадание. Однажды в порыве гнева он убивает свою жену.

Однако под влиянием добрых сил в нем все же побеждает человеческое начало. Ему удается возратить себе настоящее сердце. И тогда Петер осознает всю тяжесть совершенного. Он жаждет смерти. Но оказывается, его жена жива — ей помог добрый волшебник, и все приходит к благополучному завершению.

— В моем представлении сказка на этом не оканчивается, — говорит художник. — Человек с живым сердцем не может простить себе преступления, даже если его простили те, кто от него пострадал. Чем может Петер оправдаться перед самим собой? Тем, что совершил зло не по своей воле и, следовательно, должен отвечать за него лишь в ограниченной степени? Какое страшное и какое знакомое оправдание!

Работая над иллюстрациями к этой сказке, я не могу и не хочу избавлять Петера Муика от мук совести. Потому что люблю его и хочу, чтобы он всегда был человеком с горячим сердцем, в котором живет наше счастье и наше горе — наша совесть...

В душе художника рождается такое продолжение классической сказки, которое может создать только человек, воспитанный на русской литературе, с ее обостренным чувством правды, с ее болезненной чуткостью к человеческому страданию, ко всякому унижению человеческого достоинства.

— Для меня, — рассказывает художник, — крайне важна предварительная работа, накопление зна-

ний: биографических, исторических, этнографических — всяких. В какой-то момент переполняющее тебя знание рождает вдруг искру вдохновения. Делаешь один вариант, другой, десятый... И неожиданно все начинает получаться вроде бы само собой. Что ни сделай, все идет на пользу. Неправильный мазок? Так от этого только лучше! Но прийти к такому восхитительному состоянию страшно трудно.

Иногда находишь какую-то деталь, скажем, нос или ухо. И от этого начинаешь танцевать. Ибо эту деталь ты где-то внутри ощутил как живую. А затем пририсовываешь к ней, грубо говоря, все остальное. Иногда помогает отчаяние. Вот, например, делал я портрет Тараса Шевченко. И сделал уже. Нарисовал его усатым, старым, таким, к какому мы все привыкли. Все вроде бы нормально. И здесь во мне словно что-то закричало: да что же это такое, черт подери, в конце концов? Так почему же он у тебя получился такой аккуратный, такой упорядоченный?

Я схватил чистый лист и за два часа нарисовал новый портрет, где он у меня весь «потек», глаз стал влажный, трагический, а там, где у «хороших людей» должен быть крест, «пришилась» пуговица с орлом.

Очень долго я не мог найти своего Чехова. Все время было вроде бы он, но непохож внутренне! А потом появилось лишь несколько деталей, которые превратили этот рисунок в портрет Чехова. Эти детали, кстати, деформировали его лицо. Чехов неправильно нарисован с точки зрения арифметики рисования...

Мне нравится рисовать, даже когда не получается. Потому что я знаю: когда получится, все мои мучения сторицей окупятся радостью удачи...

Гоголь, Пушкин, Андерсен, Гауф... Книжки, которые Геннадий Новожилов впервые прочитал в детстве и которые сейчас стоят на его книжной полке. Неизменные, они вместе с тем постоянно изменяются. Для него. Потому что изменяется он, художник, изменяется его понимание мира, литературы и самого себя. Поэтому, постоянно обращаясь к своим любимым авторам, он все время открывает в них эти чудесные изменения, открывает волнующее соответствия своему душевному строю.

Может быть, чаще, чем к другим, обращается он к Гоголю. Года два назад на киностудии «Союзмультфильм» была сделана картина «Похождения Чичикова». Художником-постановщиком был Геннадий Новожилов.

Он показывает мне эскизы к этой картине. — Это, наверное, самая долгая работа в моей жизни. Я не уверен, что она вообще когда-нибудь кончится. — ведь мысленно я все время просматриваю новые варианты этого фильма, ищу образы героев, образ самого Гоголя.

Ноздрев, Манюков, Чичиков... Эскизы сменяют друг друга, словно кинокадры, и во мне возникает иллюзия, будто я смотрю один из этих киновариантов, которые существуют лишь в сознании Новожилова.

В «Мертвых душах» есть сцена, которая опущена в фильме «Похождения Чичикова». Это когда пьяный Селифан опрокинул бричку и Павел Иванович упал в грязь... Здесь, в мастерской художника, я вдруг вижу, что Павел Иванович не просто падает в грязь. Он проваливается сквозь землю, переносится из яркого, цветущего, прекрасного мира в новую реальность, где все вроде бы такое же, как в действительной жизни, но лишено красок, запаха, души. И в этой новой реальности «мертвая душа» — Чичиков — с удивительным искусством творит свое паутинное сложение дельце.

У каждого из персонажей «Мертвых душ» было в жизни такое падение в грязь, в ту ужасающую антижизнь, которую с такой скупой достоверностью показал Николай Васильевич Гоголь...

«...Я вдруг увидел, не заметив, как она явилась, маленькую даму, сидевшую на книжном корешке... В белой ручке она держала палочку, привлекавшую мое внимание, тем более законное, что занятый археологией научил меня довольно точно распознавать по некоторым отличительным знакам действующих лиц сказаний и истории. В данном случае такое знание мне пригодилось. Разглядев палочку, я установил, что она вырезана из веточки орешника. «Так это палочка феи, — сообщил я, — а следовательно, дама, держащая ее, — фея...»

Мне кажется, что Геннадий Новожилов так же ясно, как Сильвестр Бонар — фею, видит своих героев, сходящих с книжных страниц во всей реальности их облика, который сообщают им его вдохновение, художническая бескомпромиссность и возвышенная искренность.

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

РОМАН

Когда катер подчалил к острову, Ло увидел на берегу людей с фотоаппаратами. Рядом, уткнувшись носами в песок, стояли два моторных сампана.

Патрик поморщился. Присутствие репортеров, которые к тому же неизвестно каким образом ухитрились появиться здесь раньше его, разозлило инспектора. Ло не любил газетчиков: они повсюду совали нос и постоянно мешали ему работать.

Между берегом и могильником чинно прохаживались четверо полицейских. Судя по их торжествующе-грозному виду, первую атаку журналистов они отбили и были готовы отразить очередной натиск. Но репортеры, видимо, решили оставить штурм могильника до появления «начальства» и мирно беседовали между собой.

Как только Ло ступил на мокрый еще после ночного прилива песок, корреспонденты, безошибочным чутьем угадав в нем старшего, окружили инспектора.

— Что предполагает полиция? — спросил один из них, сунув маленький сверкающий микрофон чуть ли не в рот Патрику.

— Полиция предполагает, что ей дадут возможность нормально вести расследование, — отрезал Ло и быстрыми шагами пошел к могильнику.

В траншее лежал наполовину откопанный труп. Чуть поодаль белели кости скелетов.

— Где второй труп? — спросил Ло человека в штатском, поняв, что это и есть детектив из уголовного управления.

Тот показал на неровный прямоугольник разрыхленной почвы метрах в двадцати от траншеи. Патрик направился туда и увидел торчавшие из-под земли восковые, полусогнутые пальцы руки.

— Мы начали здесь копать, — пояснил подошедший следом детектив, — но шеф приказал все оставить. До вашего прихода...

— Вы сделали снимки захоронений?

Детектив еле заметно усмехнулся:

— Разумеется.

— А после прекращения раскопок?

— Зачем? Ведь здесь оставалась охрана.

«Аланг правильно назвал кокосом то, что приставлено к плечам начальника уголовной полиции, — подумал Патрик. — И работнички до удивления похожи на своего шефа».

— Снимки вы, конечно, с собой не привезли.

— Нет, они еще не готовы.

Дальнейшая беседа с детективом потеряла смысл, и Патрик принялся осматривать оба места, где находились трупы. Вокруг все было затоптано, поэтому наружный осмотр ничего не дал. Приказав фотографу зафиксировать состояние захоронений, инспектор подошел к сержанту, который с безразличным видом стоял у траншеи.

— Ночью не было никаких происшествий?

— Не знаю. Мы сменили предыдущую группу в шесть утра.

— Прикажите вашим людям откопать трупы.

Тот дал команду, и через несколько минут оба тела были открыты.

— Пусть журналисты сделают снимки и уходят с острова, — сказал Ло сержанту. — Иначе они не дадут нам работать. Мне им сказать пока нечего.

Журналисты по кивку инспектора в их сторону, видимо, поняли, о чем речь, и бросились к могильнику, на ходу взводя затворы фотоаппаратов. Затем они окружили Патрика.

— Инспектор, считаете ли вы, что это работа тайных обществ?

— Не исключено.

— Как скоро вы предполагаете найти преступников?

— Вы очень поможете ускорить поиски, если оставите меня в покое.

— Способна ли полиция пресечь деятельность «триад»?

— Обратитесь в министерство внутренних дел. Там вам ответят.

— Инспектор, что вы думаете по поводу...

— Все, — отрубил Патрик. — Пресс-конференция окончена. Вы упускаете прекрасную возможность своевременно принести в ваши редакции захватывающую новость.

Протиснувшись через окружение репортеров, Ло подошел к первому трупу и невольно присвистнул. Широкий, приплюснутый нос и толстые губы были хорошо знакомы инспектору. Он повернулся к журналистам.

— Можете добавить, что один из убитых — член тайного общества «Джи Хо» Лим Бан Лим.

Те рванулись назад.

— А второй? Кто второй?

— Вы делаете мне комплимент, — усмехнулся Ло и снова приблизился ко второй яме, — этого я не знаю.

— Что вам известно о Лим Бан Лиме? — загалдели корреспонденты.

— Вам мало того, что я сказал? — разозлился Патрик.

Он повернулся к сержанту.

— Сержант, помогите нашим друзьям побыстрее вернуться в редакции.

Полицейские молча стали оттеснять репортеров к берегу.

Приехавшие с Патриком детективы и эксперт начали осмотр трупов. Через несколько минут один из детективов подал инспектору синеватый клочок бумаги.

— Это я нашел в пиджаке у Лима, — сказал он.

Ло аккуратно разгладил на ладони скомканный, начавший подпревать листок. Прочитав написанное, он удивленно вскинул брови, сложил бумажку и так же аккуратно сунул ее в конверт. К нему подошел другой детектив.

— На втором убитом чужая одежда, инспектор. В карманах ничего нет.

— Хорошо, — ответил Ло, — пошарьте еще вокруг.

Он закурил сигарету в ожидании предварительного заключения эксперта. Тот не заставил себя долго ждать. Быстро собрал в чемоданчик свои инструменты и стал диктовать секретарю результаты осмотра:

— В обоих случаях смерть наступила от удушья. На шее просматриваются следы пальцев, подъязычные кости и хрящи гортаней переломаны...

— Давно наступила смерть? — поинтересовался Патрик.

Эксперт метнул на инспектора осуждающий взгляд — какое нетерпение! — и снова повернулся к секретарю.

— ...В первом случае смерть наступила десять — пятнадцать дней назад, во втором — от трех до шести.

«Лима задушили около двух недель назад. — Прикидывая что-то, Ло прищурил глаза. — Странно! А второго, выходит, совсем недавно. Может быть, даже после начала работ на острове. Нужно бы заняться землекопами».

Он посмотрел на часы и сказал, обращаясь к детективам:

— Останетесь здесь и займетесь дальнейшими раскопками. На остров никого не пускать. Я пришлю нашу охрану. Буду в офисе. В случае необходимости свяжетесь.

Детективы дружно кивнули. Патрик посторонился, пропуская носилки с трупами, и двинулся вслед за ними.

3

— Патрик, как выглядит ваш «сад смерти»? — кокетливо поинтересовалась секретарша Аланга, когда Ло проходил мимо.

— Там растут кокосовые пальмы с черепами вместо плодов, — не останавливаясь, бросил инспектор и открыл массивную дверь в кабинет шефа.

Закрывая за собой дверь, он услышал, как секретарша обиженно фыркнула.

За три часа Аланг не шелохнулся. Во всяком случае, так показалось Патрику. Он сидел за своим

столом все в той же позе, погруженный в чтение бумаг. Инспектор удобно устроился в кресле и закурил. Некурящий Аланг испытывал слабые симпатии к табачному дыму. Но, подозревая, что Ло даже спит с сигаретой во рту, шеф «Си-Ай-Ю» прощал своему любимцу эту легкую дерзость — курить в его кабинете. Других сотрудников Аланг не баловал.

— Ну, что на острове? — спросил он, подняв, наконец, голову.

Ло молча положил перед шефом бумажку, найденную на трупе Лима. Это был билет на «Тумасик» — небольшое частное полугрузовое-полупассажирское судно на рейс 28 декабря из Бангкока в Сингапур. На вторые сутки после выхода из Бангкока оно попало в сильный шторм. Несмотря на сигналы бедствия, подававшиеся с «Тумасика», спасательные суда не успели прийти к нему на помощь. На борту находилось двенадцать членов экипажа и четырнадцать пассажиров. Ни один из них не спасся.

К месту кораблекрушения выезжали водолазы и дали заключение: в результате неисправности навигационных приборов судно сбилось с курса и, налетев на рифы, затонуло.

Аланг поднял вопросительный взгляд на Патрика.

— Билет найден на трупе Лим Бан Лима, — сказал тот.

— Лим на Блуканг-Мати? — задумчиво произнес Аланг. — Любопытно. А что сказал эксперт по поводу его смерти?

— Задушен около двух недель назад.

— Сегодня тринадцатое. Значит, в один из первых дней января.

— Да, новый год для него начался неудачно...

На губах Аланга промелькнуло подобие усмешки.

— А вы не помните, когда были приняты сигналы бедствия с «Тумасика»?

— Почему же? В ночь с тридцатого на тридцать первое декабря.

— Любопытно, — повторил Аланг. — Ну, а что со вторым?

— Личность неизвестна. Жертва также была задущена, но позже — всего лишь три — шесть дней назад. Тело закопано в чужой одежде.

Аланг приподнял очки в позолоченной оправе и потер глаза. Потом неторопливо покусал нижнюю губу — с одного конца, с другого, посередине.

— Все?

Ло развел руками, с сожалением прищелкнув при этом языком.

— Могу сказать одно: если Лим даже и находился на «Тумасике», в чем я сильно сомневаюсь, то нам от этого легче не будет.

— Резонно. Но удостовериться не мешает.

Инспектор тяжело вздохнул.

— Сегодня отправлю фотографию Лима в Бангкок. Может быть, пограничники или таможенники опознают его. Прошло не так много времени.

— Заодно пошлите и фото второго трупа. Чем черт не шутит...

— Разумеется.

На следующее утро Аланг и Ло слушали доклад эксперта.

— Начну с первого трупа, — бесцветным голосом произнес тот, — с ним дела обстоят проще...

— Вы нас интригуете, — заметил Аланг.

— Вскрытие подтвердило мое вчерашнее предположение, — пропуская мимо ушей замечание шефа, продолжил эксперт, — жертва задущена десять — двенадцать дней тому назад. На легочной плевре удушья...

— Не надо про плевру, — поморщился Аланг, — я с детства не люблю анатомию.

Эксперт обиженно поджал губы и перевернул лист в своей папке.

— Второй человек умер от цирроза печени в возрасте около пятидесяти лет. Следы удушья появились уже после смерти.

Он поднял свою маленькую годовку, чтобы посмотреть, какой эффект произведут эти слова. Но его ожидания не оправдались.

— Любопытно, — только и произнес Аланг, словно

не было ничего необычного в том, что преступники симулировали убийство, а не наоборот — естественную смерть.

— Названный вами срок смерти остается прежним? — поинтересовался Ло.

— Не более трех дней, — сухо ответил эксперт, явно разочарованный невозмутимостью собеседников.

— Какой давности следы на шее? — спросил Аланг.

— К сожалению, этого установить не удалось. Случай необычный.

— Скажите, а от цирроза печени умирают внезапно?

— Вы хотите знать, мог ли он умереть на острове? — Именно.

— Думаю, что нет. Последняя стадия этой болезни протекает тяжело. Больные находятся на постельном режиме.

— Благодарю вас, — сказал Аланг эксперту и, обернувшись к Патрику, спросил: — У вас еще есть вопросы?

Тот покачал головой.

Эксперт собрал свои бумаги и вышел из кабинета.

— Запрашивали в уголовной полиции данные на пропавших без вести за последний месяц? — спросил Аланг у Патрика, когда они остались вдвоем.

— Да.

— Ну и что?

— Десять человек и все моложе сорока.

— Не очень утешительно.

— Теон, если считать, что могильник — фамильное кладбище «Анг Сун Тонг», то этот неизвестный мог вполне быть одним из ее членов, — высказал предложение Ло.

— А почему мы так должны считать?

— «Анг Сун Тонг» — единственное из тайных об-

ществ, которое имеет ритуальное кладбище. Я не думаю, что мы когда-нибудь наткнемся еще на одно подобное захоронение. И потом, разве труп Лима ни о чем не говорит? Кто мог решиться на убийство одного из главарей «Джи Хо»? Сильнее «Джи Хо» только «Анг Сун Тонг».

— Хорошо. Допустим, что мы имеем дело с «Анг Сун Тонг». Предположим, что она похоронила на острове одного из своих членов. К чему этот спектакль с имитацией удушения? Ведь он явно рассчитан на нас.

— Загадка, — протянул Ло.

— Ну ладно, оставим пока вопрос о том, кто «поработал» на Блэк-Мати, открытым. Как вы предполагаете установить личность вашего печеночника?

— Запрошу в клиниках сведения на лиц, умерших от цирроза печени в этом месяце, — как нечто само собой разумеющееся, произнес Ло.

— Хм... — Аланг склонил голову набок и прищурился. — Если у «Анг Сун Тонг», как вы уверяете, есть фамильное кладбище, то почему бы ей также не иметь домашних врачей?

— Резонно, — согласился Патрик.

— То-то и оно. Надежда на клиники, конечно, слабая. Но и другого пути я пока не вижу. Попытайтесь.

Селекторный телефон издал несколько коротких гудков. Аланг нажал кнопку приема.

— Слушаю.

— Шеф, — раздался голос дежурного, — прошу прощения, инспектор Ло у вас?

— Да. А в чем дело?

— Пришел какой-то полицейский. Он спрашивает инспектора, который был вчера на Блэк-Мати.

Аланг и Ло переглянулись.

— Направьте его ко мне.

— Да, шеф.

Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появился мужчина лет сорока в полицейской форме. Он сделал несколько шагов и в нерешительности остановился посреди кабинета.

— Проходи, проходи, — подбодрил его Ло.

Полицейский подошел к столу, остановился, переминаясь.

— Если тебя послали сюда дежурить, то зря, — сказал Патрик, — у нас все спокойно.

Полицейский молча смотрел на свои руки, не зная, куда их деть. Наконец, он нашел им работу: грубые, узловатые пальцы начали тереть пуговицы на форменной рубашке.

— Ну, что ты хотел нам сказать? — спросил Аланг, в упор глядя на полицейского.

Тот набрал в легкие побольше воздуха и вместе с ним начал выдыхать слова:

— Я... мы... дежурили на Блэк-Мати... вчерашней ночью.

Воздух в легких кончился, и полицейский замолчал.

— Продолжай, — повелительно бросил Ло.

— Нас оставили охранять эти... скелеты. Когда все уехали, приезжал какой-то репортер. Газетчик, другими словами.

— Вы видели рапорт дежуривших той ночью? — обратился Аланг к Патрику.

— Нет. Уголовное управление, вероятно, считает, что нас не стоит обременять излишней информацией.

— Нужно было запросить. — Аланг укоризненно посмотрел на инспектора.

— Сегодня же заведу, возьму. Выскочило из головы.

Аланг снова повернулся к полицейскому и спросил:

Продолжение на 30-й стр.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

МОЕ МОРЕ, МОИ КОРАБЛИ

Витаутас ЖАЛАКЯВИЧУС,
лауреат премии Ленинского комсомола

В редакцию приходит много писем, авторы которых высказывают пожелание, чтобы известные писатели, артисты, ученые, люди самых разных профессий выступили в «Смене» с рассказами о своей жизни и деятельности. Публикуя статью кинорежиссера Витаутаса Жалакявичуса, мы открываем новую рубрику — «Автобиографии» — и обращаемся к вам с просьбой назвать имена тех, с кем вы хотели бы встретиться на страницах нашего журнала.

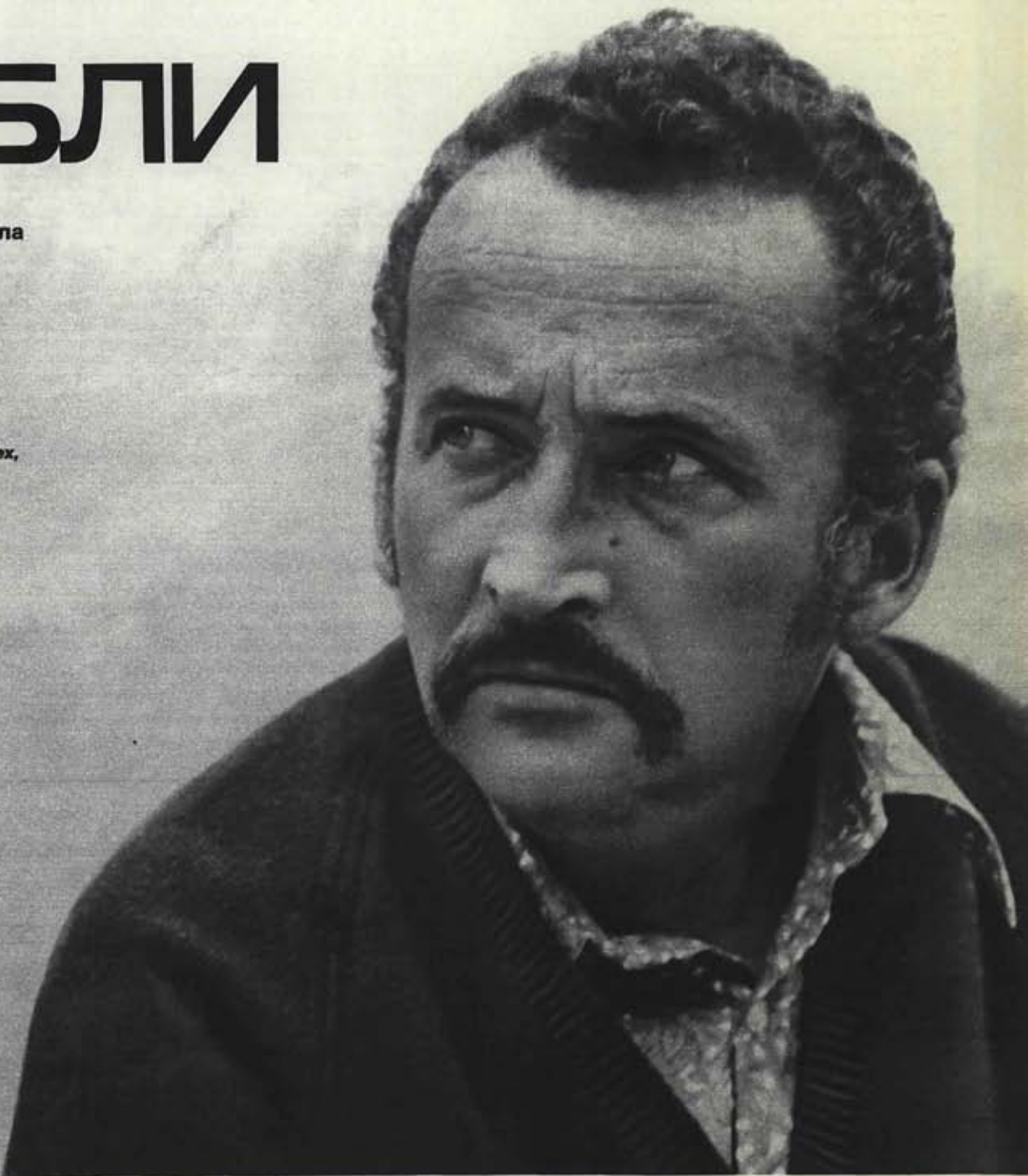

Фото Валерия НИСАНОВА

Мое главное дело — кино. Кроме кино, у меня нет увлечений. Поэтому каждое мгновение моей жизни так или иначе связано с кинематографом. Из каждого действительного факта, каждого реального ощущения я всегда — осознанно или неосознанно — пытаюсь извлечь материал, который может пригодиться мне для работы.

Наверное, каждый художник коллекционирует в душе все свои большие, маленькие и мельчайшие открытия. В трудные минуты ты вновь продумываешь, просматриваешь на своем внутреннем экране все, что было с ними связано, чтобы с помощью этих живых огоньков творчества отыскать единственно верное продолжение своей дороги в искусстве.

Индивидуальность артиста, видимо, определяется характером взаимодействия его фантазии и жизненного опыта. Я не могу брать на себя смелость выводить некие общие закономерности творчества. Могу лишь с доступной мне степенью точности сказать о том, что помогало и что мешало мне.

Я не собираюсь подробно рассказывать свою биографию. Хочу остановиться лишь на тех эпизодах, которые и сегодня служат для меня сильнейшими эмоциональными возбудителями. Мне бы хотелось, чтобы читатель почувствовал атмосферу, в которой я жил и в которой фантазировал...

Я родился 14 апреля 1930 года. Мой отец был офицером каунасского гарнизона, мать служила в страховой компании.

Об отце мне много рассказывали мои близкие. Со временем их рассказы и мои собственные немногие, но очень яркие впечатления соединились воедино.

Я подозреваю, что отец вообще не хотел иметь детей. Думаю, что существовал какой-то священный женский, материнский обман для того, чтобы я вообще появился на свет. Но когда было решено, что будет ребенок, отец стал мечтать о дочери. Поэтому одежда для новорожденного была приготовлена в розовых тонах, как полагается для девочки.

И вот в один прекрасный день отец пришел в больницу, к нему вышла сестра и сказала: «Поздравляем! У вас сын!» Отец, не ответив ни слова, оставил в приемной детское приданое, которое он

принес с собой, и ушел... Мать рассказывала, что в течение первых девяти месяцев он ни разу не взглянул на меня. Обосновался в отдельной комнате, и, если я пищал, заводил патефон. Чтобы не слышать моего противного голоса... Однако первое слово, которое я выговорил, было «папа». С него моя мать начала учить меня языку. И когда отец услышал это слово от человечка, которого он если и видел иногда, то неясно, не в фокусе, что-то в нем сломалось, а может быть, именно в это время он почувствовал приближение смерти. Не знаю. Но следующие три с половиной года моей жизни прошли в какой-то невероятной, ненормально-восторженной любви, которой окружил меня отец. Он словно бы отключился ото всего мира. Были только он и я.

А потом отец умер. Мне было четыре с половиной года. И неясной тенью остались в моем сознании эти воспоминания — фантазии об отце, о том, как он сначала не хотел меня знать, а потом безумно полюбил.

Когда я думаю об отце, я вспоминаю цветы, в которых утопала наша дача, цветы, выращенные отцом... Помню ночные фиалки, которые так стран-

но пахли по вечерам, помню, что весна начиналась с букетиков ландышей, а осень приходила в особенной, стойкой красочности ирисов и астр...

Забор был из стриженной акации, а весь участок занят цветниками. Отец приходил из крестьянской семьи и с ума сходил по земле. В свой летний отпуск он никогда никуда не уезжал. Ранней весной мы отправлялись на дачу, отец вставал с солнцем и часа два до выезда на службу копался в саду, обирая листики с червяками с яблонь. Соседи ухмылялись: «Жалаквичуся яблоки считает!»

У меня сохранилась фотография: мы с отцом идем по центральной улице Каунаса. Там было несколько уличных фотографов, которые, щелкнув вас, тут же давали свою визитную карточку: «Заходите—возьмете фотографию, не захотите—не надо».

Мы часто останавливались у витрин...

В последнее лето, в которое я видел отца, он подарил мне английский набор детских садовых инструментов...

Я помню похороны и помню, что не мог заставить себя подойти к отцу и поцеловать его, потому что мне было страшно. За провожающими шел военный духовой оркестр, в соборе была торжественная месса с кадилью, органом и хором... Потом я видел много солдат. В самой различной форме. И это для меня навсегда связалось вместе: солдаты с медными трубами в руках, медленное траурное шествие и самое страшное, что только может быть: любимый человек, к которому боишься подойти...

После смерти отца на мать навалилось множество забот. Мы принадлежали к среднему сословию, однако мать не покидал страх перед одиночеством, перед старостью в том мире, который мы называем капиталистическим и в котором мы тогда должны были жить.

Я часто думаю: почему отец мечтал именно о девочке? Мне кажется, я нашел объяснение. Мать была очень красивой. Отец же не считал и не мог считать себя привлекательным внешне. И, видимо, его мечта о дочери была продолжением его любви к матери. Ему хотелось, чтобы у него был красивый ребенок—часть души и плоти той женщины, которую он любил долгие годы.

Любовь и безразличие, граничащее с жестокостью, а может быть, и сама жестокость... Уже с младенчества я ощутил внутреннюю связь двух этих, быть может, самых сильных чувств, определяющих течение человеческой жизни... И так получилось, что с тех пор и по сегодняшний день я живу под знаком противоборства этих чувств. Иногда я жалею, что моей реальной жизни недоставало драматизма, но в моей душе этот драматизм есть, и всю жизнь я только тем и занят, что ищу форму для его выражения.

Тогда, в самом раннем детстве, я впервые увидел кинолентку. Когда я сегодня представляю себе тот 30—40-метровый обрывок ленты, он кажется мне чем-то вроде пера, оброненного сказочной птицей. Потому что для меня кино и есть та самая птица счастья, которую я всю жизнь пытаюсь поймать. Этот обрывок ленты литовской хроники был в числе моих игрушек и занимал свое место рядом с деревянной лошадкой и пистолетными пистолетами. Нужно было свернуть эту лентку, затем потянуть за внутренний виток—и получалась башня для игрушечной крепости. Что было на пленке? Вероятно, парад каунасского гарнизона, в котором принимал участие и отец. Но я этого не помню. Помню только ощущение чего-то сказочного...

Позднее я определил, что мне тогда было три года. Потому что после смерти отца мы переехали на другую квартиру, а все мои игрушки остались на старом месте.

А вскоре на смену игрушечным солдатикам пришли настоящие...

Война. С одной стороны, она прошла мимо, не сделав из меня солдата. С другой—я весь вырос в войне. В 5—6 лет я плакал от слезоточивого газа, когда полиция разгоняла демонстрацию студентов, протестовавших против угрозы Пилсудского оккупировать Литву. А потом был сорок первый год, и четыре года оккупации, машины на улицах, со стеклами, изрешеченными пулями, и сгоревшие деревни, и выстрелы по ночам, и известия о гибели людей, которых мы хорошо знали.

Я часто возвращаюсь памятью в те дни, у меня есть внутренняя потребность до деталей рассмотреть эти картины, как бы трагичны они ни были...

Война началась в воскресенье. Мы с матерью пешком отправлялись в Каунас из-за города, потому что все автобусы были реквизированы и транспорт не работал. Мы шли по дубовой воше. Рядом были две радиовышки, и вот над ними, совсем низко, пролетели два «мессершмитта». В роде были советские солдаты, и они дружно стреляли по самолетам из винтовок...

Весь вечер и всю ночь мы сидели на балконе, слушая радио. Все время по телефону звонили

друзья, родные... А по магистральной дороге на восток шли советские солдаты. Весь вечер, всю ночь и все утро следующего дня. Потом дорога опустела...

А на следующее утро мы с двоюродным братом выскочили из дома на улицу и в десятке-другом метров от дома увидели колонну немецких грузовиков. В герасимовской «Молодой гвардии» есть кадры, очень похожие на то, что открылось тогда перед нами... Было раннее утро, солдаты брились и умывались около грузовиков. И лежал на земле труп мальчишки лет десяти. На голову ему была наброшена его собственная рубашка. Рядом стоял жандарм. И плакали какие-то девочки, которые сказали нам, что на этого мальчишка наехал мотоциклист.

Я помню холодок раннего утра, веселые, спокойные, совсем невоенные лица солдат, аккуратные грузовики, которые притягивали нас своей необычной формой и скрытой мощью, притаившейся в двигателях, помню огромную бляху на груди жандарма... И все это—люди в странной форме, мощная техника—все это прибыло к нам из Германии для того, чтобы убить десятилетнего мальчишку, моего сверстника.

К обеду на нашей небольшой улочке появились велосипедисты. И через забор сквозь кусты черной смородины мы часа полтора вглядывались в тех, кого до сих пор видели только в кинохронике.

Потом немцы ушли на восток. По городу стали ходить нацисты в форме СД и СС и еще какая-то нечисть в черных мундирах. Эти всегда сопровождали пленных, стояли на сторожевых постах у мостов, по ночам грабили население, а днем занимались муштрой на большом пустыре недалеко от нашего дома...

В сорок четвертом немцы стали возвращаться с востока. Но это были другие немцы. Испуганные, грязные, с плакатами, которые они везде расклеивали: «Кто будет грабить—будет расстрелян!»

В нашем доме тогда притались какие-то люди, жили иногда в подвале, иногда на чердаке. В комнате в стене за шкафом была ниша. Пришло время, и она пригодилась. Средняя доска в задней стенке шкафа слегка сдвигалась влево и вправо, открывая вход в нишу. А в ней было достаточно места, чтобы один-два человека могли провести там часы или даже ночь.

...Шли какие-то немецкие картины. Сплошь комедии. Удивительно! Я видел много немецких фильмов во время войны. О войне не было ничего! Немцы абсолютно ничего не снимали о войне. Иногда лишь попадались ленты об англо-бурской кампании или еще о какой-нибудь столь же отдаленно-исторической... А о войне, в которой немцы сидели уже столько лет, у них не было ничего, кроме хроники, разумеется.

Главные роли исполняли довоенные комики, которые разыгрывали самые дурацкие комедии по старому американскому принципу с тортом в морду, падением—вставанием и т. д. После войны мы видели этих актеров в трофейных и нетрофейных фильмах, в частности в картинах австрийской «Вена-фильм». Ганс Мозер, Гайнц Люман, Тео Линген... Не так давно я видел Лингена в ФРГ. Он был все такой же, как много лет назад, играл в каком-то водевиле и был занят в основном тем, что на разные лады, бесконечно разнообразно интонации, повторял какое-то словечко, вроде «пик!»...

...Мы, дети, ходили в школу. Правда, исчезли и многие ученики и многие учителя. Большинство школ было закрыто. В тех, что остались, половину помещений занимали немцы. Посредине коридора перегородка, за ней—казармы.

Как только фашисты застряли под Москвой, сразу же везде появились призывы вступать в легионы СС для восточного фронта. Срок записи был установлен в сорок пять дней. Но когда срок истек, оказалось, что записалось всего 16 человек. Я очень хорошо запомнил эту цифру. Она была приведена в передовице газеты, издававшейся на литовском языке. Газета сначала именовалась «В свободу», затем «В будущее». Так вот, эта газета три дня подряд печатала передовицы. Первая называлась «Больно!», вторая—«Еще больнее!», третья—«Больнее всего!». В этих передовицах говорилось о том, что Литва поражена чуждой идеологией и чуждыми настроениями, плохо связуемыми с новым порядком в Европе и с тем направлением, по которому следует идти литовскому народу, если он хочет найти свое место в будущей Европе... А еще объявлялось о закрытии обоих литовских университетов, ряда школ и больниц. Сообщалось, что за убийство одного немецкого солдата будут расстреливать сто заложников и что в ближайшее время будут проведены соответствующие акции. Что это означает, мы вскоре узнали, когда были проведены массовые облавы и всех арестованных отправили в концлагерь Штуттоф в Восточной Пруссии. Из этого лагеря уцелевших рейху людей отправляли в лагеря уничтожения...

Я не могу об этом забыть. Потому что—я убежден в этом—зло, как и добро, не исчезает бесследно. Во всем есть внутренняя связь. И когда сегодня мы узнаем о трагических событиях где-нибудь в Южной Америке, я знаю: сегодняшние палачи—духовные сыновья тех нацистов, которые в годы войны зверствовали на моей земле...

Несколько лет назад в Сантьяго я встретился с Дином Ридом. Он хотел попасть на конгресс работников культуры Латинской Америки, который должен был состояться в Аргентине. Дин Рид ждал визу, а ему ежедневно присылали угрожающие письма, не давали спать телефонными звонками различные фашистские организации. На многих письмах была свастика...

А совсем недавно мир пережил чилийскую трагедию. Фашизм—это апология предательства. Все средства пропаганды, все способы обработки сознания направляются на то, чтобы человек предал других и самого себя. Все захватнические войны начинаются с предательства.

Предательство—это идеология и метод фашизма. Оно окружено полем страха и проволочными заграждениями. И для создания этого поля применяются террор, насилие, пытки. Поэтому фашизм—это тюрьма, это концлагерь, это организованное и продуманное мучительство миллионов...

Мы разделяем войны на справедливые и несправедливые. Нет и не может быть сравнения между человеком, сражающимся за свободу, и каким-нибудь наемным убийцей, который за приличные деньги готов уничтожить кого угодно.

Искусство с его огромной силой эмоционального воздействия должно помочь людям—и особенно молодым—безошибочно отличать подлинный героизм от всевозможных спекуляций на эту тему.

Люди должны, обязаны воевать с сообществами убийц, которые начинают наступление на завоевания человечества, воевать не жалея жизни, но оставаясь при этом людьми.

В моем фильме «Никто не хотел умирать» есть такой эпизод. Один из братьев Медведев, Бронос, подходит к тяжело раненному предводителю «лесных братьев» Домовому. И тот со стоном говорит ему: «Не знаешь... Не знаешь, какая боль...» «Нет,—отвечает Бронос,—не знаю...»

Конечно же, Бронос, у которого «зеленые» убили отца, хорошо знает, что такое боль, и своя и чужая. Но, защищая жизнь от смерти, люди имеют право и обязаны быть решительными, обязаны всеми средствами сражаться за дело справедливости и добра. И тогда их действия будут проявлением гуманизма, а не жестокости.

...С сорок первого года мы, дети, начали жить своей, обособленной жизнью, ибо оказались оторванными от взрослых. Никто, разумеется, не интересовался тем, в какие игры мы играем, как идут наши учебные дела. В школе перестали ставить двойки. Пока немцы не закрыли все школы, дети должны получить хотя бы какие-то знания, считали учителя. К тому же в школьном классе было не так опасно, как на улице. Года полтора нас вообще не вызывали к доске, только иногда мы писали контрольные работы—какие-то оценки все-таки нужно было выставлять. Уроки длились минут тридцать, учителя беседовали с нами на ту или иную тему. Тот, кто имел тягу к какому-нибудь предмету,—учился, кто ничего не хотел знать—ничем не утруждал себя. Отделение детского мира от мира взрослых продолжалось и в дальнейшем—в сорок пятом—сорок седьмом годах. Это приводило к социальному разлому в семьях, так как утрачивались связующие нити между поколениями... И когда окончилась война, в Литве оказалось множество подростков, которые преждевременно стали взрослыми и которым отцы далеко не всегда могли помочь обрести правильные ориентиры в новом послевоенном мире...

И очень странные игрушки были у меня в 11—12 лет. Знакомые ребята собирали марки, и я тоже выразил эгиптонское желание стать филателистом. Мать стала приносить мне с работы марки. У меня накопились тысячи марок, и в конце концов я выменял на них наган. Потом в результате сложных обменов появились лыжи, а затем—бельгийский браунинг.

Летом я жил один в нашем дачном домике на краю леса. Мать работала в городе и не могла быть со мной. Нас же, учеников, распустили по домам, наверное, в марте. По ночам хозяйничали бандиты. Утром мы видели на тротуарах кровавые пятна... Шел третий год нацистской оккупации...

Однажды мы возвращались с матерью домой из кинотеатра. Это было сразу же после войны, в сорок пятом году, в самый разгар грабежей. И мать сказала: «Давай пойдем по другой дороге. Там все-таки люди встречаются, машины проезжают...» Но я вытаскил пистолет, продемонстрировал его и сказал: «Все в порядке». «Ах, так?—ответила мать, взглянув на пистолет.—Ну, тогда пошли». Дома она

поставила подогреть липовый чай—другого не было,—и к этой теме мы больше не возвращались. Этот эпизод не был для меня ни мальчишеством, ни игрой. Это было нормой. Если собирались люди и у кого-то из кармана торчал пистолет, это никого не удивляло.

Оружие... В моих фильмах герои часто берутся за оружие. И хотя, естественно, они в чем-то родственны мне, абсолютного тождества между мною и моими положительными персонажами нет. Мне кажется, что тот, кто пишет или играет, выражает себя или напрямую, говоря о себе и себе подобных, или способом от противного, воплощая в облике своих персонажей те качества, которых ему самому недостает. Я, видимо, отношусь к последним.

...Я очень рано начал читать. Читал подряд все, что только попадалось. Жаль, что среди этих книг было мало истинно художественных произведений. И тем не менее я благодарен этим книгам за то, что они разбудили мою фантазию, подарив названия далеких стран, морей, рассказали о невероятных приключениях и о благородных героях...

Нью-Йорк, Стокгольм, Лондон... Для меня все это каменные слова. Но Карибское море, Сингапур, Касабланка—это для меня живое, настоящее. Как будто я прожил там долгие годы и речь идет лишь о возвращении туда. Во второй или в десятый раз...

Я долго считал эту свою страсть фантазировать огромным недостатком, старался приучить себя к более жесткому реализму, что ли, ограничивая свое творчество лишь реальным опытом. Но я оказался неспособным к такого рода искусству. Для меня самая большая ценность—это создания воображения. Я хочу только, чтобы выдумка всегда сочеталась с искренностью.

Для меня все мои фильмы—сказки. Картина «Никто не хотел умирать» была задумана как сказка, как легенда. Я как-то сказал об этом, но мои слова были восприняты только как стилистическое определение. Ничего подобного! Это сказка в самом прямом смысле слова.

В этой сказке я жил. Разумеется, не только тогда, когда начал писать сценарий или снимать фильм. Все, о чем я рассказывал до сих пор,—атмосфера этой сказки, ее запах, ее цвет, ее плотность. Все это ее предыстория. Цветы в нашем саду, траурная месса, мальчишка на земле рядом с немецкими грузовиками, пистолет, который я сжимал в руке, готовый защитить мать... Мой фильм такая же сказка, как, скажем, сказка Оскара Уайльда о принце. Я думаю об этой чужой сказке и пытаюсь представить себе Букингемский дворец, стараюсь увидеть, как это принц ходит там в королевских садах и какие видит фейерверки... Я представляю себе все это и понимаю, что одного этого недостаточно для сказки. Нужно еще, чтобы вокруг каждого предмета был световой контур, некий ореол... А для этого нужно остро чувствовать время, нужно быть посылным ко времени. И тогда это совершенно фантастическое произведение—принцы и принцессы, разговоры ракет с дымными пузырьком, странные сцены ночного пиршества во дворце—тогда все это обрело бы реальность искусства. А если, как говорится, не мудрствуя лукаво, взять актеров, одеть их в костюмы и разыграть сцену под пальмами,—ничего не получится. Похожесть никогда не заменит ощущение подлинности, которое дарит нам истинное искусство, рожденное фантазией и искренностью.

Но вернемся к фильму. Да, я не держал винтовки в руках, но я видел людей, которые уходили драться с «зелеными», и видел, как они возвращались. Я никогда не пользовался никаким документальным материалом, не заглядывал ни в одно дело, не изучал специально книг о зверствах националистов. Я не помню и какого-либо разговора с участниками этих событий...

После войны я два года жил в деревне, потому что в городе нечего было есть. Ночью приходили солдаты, искавшие бандитов. Они поднимали нас, спящих на сеновале, и штыками прокалывали сено в поисках тайника. С неделю рядом со мною спал с винтовкой под боком парень, комсомолец лет семнадцати, наверное. Он крал рядом с собою винтовку, потому что ночью могли прийти те, с длинными волосами, «зеленые»... Хотя в таком случае винтовка вряд ли могла помочь. Мы слышали, что вчера где-то что-то взорвали, видели трупы, выставленные на опознание. Среди них не было моих близких, как не был моим близким и тот семнадцатилетний комсомолец. Но все это—моя жизнь и моя трагическая сказка. Я не был принцем в этой сказке—скорее эту роль играл тот парень с винтовкой,—но я думаю, что, называя себя посылным к тому времени, я не впадаю в преувеличение.

На моих глазах изменялась действительность и рождалась сказка, в которой побеждала—не могла не победить!—справедливость.

Я представляю себе этот фильм как легенду, как предание, которое живет во всех временах. Поэтому я не хотел бы, чтобы конкретные приметы времени отвлекали зрителя от сути человеческих страстей.

В картине, кроме студбеккера и одного автомата ППП в самом конце, нет предметов двадцатого века. В такой одежде, в какую одеты персонажи, литовские крестьяне сейчас не ходят. И не ходили ни в сорок пятом, ни в тридцать пятом году. Это одежда прошлого века. Винтовки-трехлинейки образца 1885 года. Съемки проходили в старинной усадьбе Зервинос. Клеть, у которой убивают среднего брата (его сыграл Адомайтис)—это строение XVIII века, сделанное без единого гвоздя...

Могут сказать, что в этой работе я следовал стандарту старой японской сказки о четырех братьях, призванных защищать доброе от злого. Наверное, это справедливо. Но вся ткань моего фильма резко отличается от японского варианта этой общечеловеческой истории. Все стало другим, и не могло не стать, потому что в этой картине я искал свой язык. А если человек точно выражает себя, его произведение будет ярко индивидуальным, потому что у каждого человека все—даже сны—особенное...

Я и сегодня не могу точно обозначить все то, чего я хотел добиться в этом фильме. Мне хотелось передать—возможно, есть более точное определение, но я не могу найти его—сам запах жестокости. Мне хотелось, чтобы в фильме была ощутима по-настоящему сложная борьба. Да, разумеется, все наши фильмы о борьбе, но, к сожалению, в некоторых чувствуется запрограммированность благополучного финала. Мне же хотелось передать неотвратимость опасности, непорочность трагической развязки. Непорочность... Потому что в реальной жизни все делается всерьез, и прикосновение одного человека к другому—это прикосновение и к жизни и к смерти...

Тогда передо мной едва ли не впервые остро встала проблема пластического решения кадра. Я понимаю под этим не только профессиональное умение грамотно оформить этот четырехугольник. Такое умение—лишь обязательное условие работы в кино. Когда я говорю о пластике кадра, я имею в виду другое. Каждый кадр—это фрагмент сюжета, протекающего в какие-то доли секунды. Я стремился таким образом вычленив этот фрагмент, чтобы была польза для драмы.

Любое фрагментирование—это деформация целого. Ибо вычлениете вы то, что кажется наиболее интересным именно вам, тем самым—с точки зрения среднеарифметического глаза—искажая целое. Таким образом, деформация—это не только искажение пропорций предметов, это и фрагментирование, и смена масштабности, и изменение привычного угла зрения. В кино речь всегда идет о деформации. Муравей, показанный крупным планом,—это деформация нашего обычного представления о том, что муравей должен быть маленьким, к тому же мы вдруг замечаем, что у этого муравья какие-то совершенно непонятные глаза...

Сюжет фильма «Никто не хотел умирать» выдуман от начала до конца. Но когда мы приехали на съемки, председатель местного исполкома, прочитав сценарий, сказал: «Это про события в одной из наших деревень». И рассказал историю, настолько похожую на мою, что мне стало неловко. И я был рад, что сценарий давно написан, и я не могу себя упрекнуть в заимствовании. Председатель рассказывал мне то, что я мучительно придумывал по ночам... Разумеется, полная замена вымысла реальными фактами невозможна. Но не всем это ясно. Зато довольно широко распространено убеждение, что нужно только наблюдать жизнь, а затем из увиденного, словно из деталей конструктора, собирать художественное произведение. Такой взгляд, как мне кажется, обедняет фантазию художника, препятствует самому процессу творчества...

Еще один факт к рассуждению о том же. Человек, работавший в те годы в комитете госбезопасности, однажды спросил меня: «Каким материалом вы пользовались? Мы в свое время проводили в нескольких уездах эксперимент, назначая на ответственный пост человека, почти наверняка связанного с бандитами. Мы понимали, что какие-то продукты будут уходить в лес, но мы шли на это, так как были уверены: в такой деревне будет тише, безопаснее. А это поможет нам лучше маневрировать своими не очень-то крупными силами. Мы исходили из принципа: птица в свое гнездо не сорит».

Да, все это так и было. Но я этого не знал! Я искал художественное решение, искал парадокс: «Ты чужой? Хорошо. Будешь властвовать над нами».

Меня привлекают ситуации, в которых все поставлено в крайние положения. Когда решается что-то основное, когда на карту ставится сама

возможность существования. Если с этой точки зрения просмотреть хотя бы элементарный курс литературы, то легко заметить, что и Толстой, и Достоевский, и Бальзак, и Маяковский, и Фолкнер, и Хемингуэй рассматривали именно критические ситуации, моменты катаклизмов. Многих художников привлекает момент катастрофы в масштабе ли планеты или всего лишь одной-единственной человеческой души. Потому что в таких ситуациях—когда человек словно бы балансирует на канате над пропастью—он раскрывается с исчерпывающей полнотой.

Иногда мне кажется, что основной недостаток всех моих сценариев кроется в том, что сам я прожил в общем-то достаточно обычную жизнь. Несмотря на то, что в моих фильмах постоянно играется ситуация катастрофы, про настоящие человеческие трагедии я до сих пор так и не рассказывал...

Главная цель, которой призвано служить искусство,—это отстаивание человеческого я. Самым воинственным способом. Не нужно просить, чтобы к добрым людям проявляли жалость, не нужно вымаливать для них справедливость. За это нужно сражаться. Но кто-то из великих правильно сказал: к сожалению, добрые люди настолько уверены в победе добра, что даже не считают нужным как следует за это бороться...

Во время съемок фильма мы жили в глухом лесничестве, в тех местах, где в свое время действовали «зеленые».

Мы снимали финальную сцену, когда «зеленые» штурмуют контору. В массовке были заняты крестьяне из окрестных сел. Мы нашивали им на рукава трехцветные полоски, вручали настоящие винтовки. И вот перед съемкой они примеривались к оружию, прикидывали, как и что они будут делать. Я обратил внимание на одного человека, которого ни разу перед этим не видел. Он сидел на пне в китайском голубом габардиновом костюме. У него было странно белое, абсолютно незагорелое—хотя шел август—лицо.

Я спросил участника массовки, местного учителя, кто этот человек. «Да так».—неопределенно ответил он. Я повторил свой вопрос. Помнявшись, учитель ответил, что это бывший заместитель командира одного из отрядов «зеленых». В свое время его судили, и недавно он досрочно вышел из заключения...

Во время съемки я, стоя рядом с камерой, руководил массовкой. И некоторые из этих крестьян очень грамотно, умело шли на пне, а я командовал: «Залп!» Стрелять они должны были в камеру. А тот человек, в габардиновом костюме, сидел на пне и, казалось, командовал атакующими. На фоне белого здания конторы мы были очень хорошими мишенями. После третьего залпа мне показалось, что у оператора Ионаса Гридоса дрожит правая рука...

После перерыва я издали видел, как учитель разговаривал с человеком в габардиновом костюме. Можно было догадаться, что учитель спрашивал: «Ну как, похоже?» А тот кивал головой: дескать, все нормально. Я не могу себе простить, что на другой день не встретился с этим человеком. Я, как писатель, как режиссер, обязан был это сделать. Но не сделал...

Так получилось, что я встретился с некоторыми людьми, которых можно было бы принять за прототипы моих персонажей, только после того, как фильм уже был отснят. И не жалею об этом. Ни к одному из моих фильмов у меня нет прототипов, поэтому я свободен, у меня нет предвзятости. Мне необходима дистанция; чтобы ничто не мешало моему взгляду. Подробное знание связывает моему вымыслу ноги. Это не значит, что мои персонажи не могут разговаривать фразами знакомых мне людей. Могут, конечно. Они даже могут их цитировать. Но не более того...

Здесь я должен сделать одно необходимейшее замечание. Дистанция, о которой я говорю, все же не должна быть слишком большой. Я, например, очень люблю Дюрренматта, поставил по его повести телевизионный фильм «Авария». Но мне, по моему мироощущению, не хватает в нем каких-то самых трепетных и нежных связей с героями. Все происходит как будто где-то за стеклом, в аквариуме. Слово все это лишь очень интересная игра. Игра, которой не хватает дыхания подлинности...

Творчество всегда—для меня по крайней мере—предполагает еще и риск, тревожное ожидание неизвестного. Поэтому для меня кино—это еще и море, по которому плывут корабли,—плывут открывать новые земли.

НОВАЯ ОБОЗРЕНИЕ

УДАРНЫЙ ОТРЯД

Молодежному монтажно-строительному объединению № 4 доверено почетное задание переоборудования и расширения угольной шахты Мао Кхе, занимающей площадь сорок квадратных километров.

Объединению, созданному в сентябре 1971 года, пришлось за эти годы преодолеть немало трудностей. Когда первые три сотни молодых энтузиастов, только-только окончивших школу, приехали сюда, они надеялись сразу же приобрести специальность, стать квалифицированными инженерами, электриками, слесарями. Увы, поначалу их ожидало разочарование. Жить им пришлось в хибарах, воздвигнутых на холмах или на краю леса, их рабочим инструментом были самые примитивные орудия труда — кирки, лопаты, корзины для переноски грунта, носилки.

Но молодые рабочие старались не падать духом, поддерживали товарищей, которым было особенно трудно. И вскоре пришли первые победы. На шахту прибывала техника, ребята приобретали квалификацию. В 1973 году объединение выполнило годов

вой план на 55 дней раньше срока, в 1975-м, когда задания возросли, на сорок дней раньше. Два года подряд молодежному объединению вручают переходящее знамя, объединение — бессменный лидер в соревновании рабочих электрической и угольной промышленности. Ребятам присвоен титул «Лучшей организации, перевыполняющей план», присуждаемый Союзом трудящейся молодежи Хо Ши Мина.

Сейчас в объединении № 4 1200 рабочих, причем 922 из них — члены СТМ Хо Ши Мина. Монтажники-строители, работающие на шахте и прославившиеся по всей стране, стали ударным отрядом, задающим тон в соревновании трудящихся Вьетнама.

На шахте можно увидеть большой макет нового района — таким он станет через десять лет. Пятиэтажные дома, театр, стадион, цветущие сады. А рядом — комплекс предприятий и шахт, где будут добываться десятки и сотни миллионов тонн угля.

«ВЬЕТНАМ ЮФ», ДРВ

Туристическая вилла Бакураанао

История рассказывает, что 7 июня 1762 года англичане взяли Бакураанао приступом с моря. Они считали это место весьма важным стратегическим пунктом для последующего проникновения в Гавану. Немой свидетель тех беспокойных лет — огромная крепостная башня — напоминает нынешнему поколению об ожесточенном сопротивлении, которое оказали незваным пришельцам жители Бакураанао, возглавляемые крепостным алькальдом Пепае Антонио.

Сегодня же, по прошествии более двухсот лет, по спокойной поверхности вод Бакураанао почти неслышно скользят пластиковые шлюпки и шлепают водные велосипеды. А у пляжной кромки развеселую возню затевают многочисленные мальчишки и девочки, за которыми, снисходительно и удовлетворенно улыбаясь, наблюдают их папы и мамы, дедушки и бабушки, проводящие свой отпуск в райском Бакураанао. Национальный институт туристической индустрии создал здесь в последние годы превосходный уголок для отдыха трудящихся. Такие зоны отдыха именуются на Кубе туристическими виллами.

Бакураанао одаривает отдыхающих максимумом удобств: здесь и стилизованные романтические хижины с кондиционированным воздухом на четырех или двух человек, уютный ресторан, бар на свежем воздухе, оригинально устроенный кафетерий, специальный зал с электронным оборудованием для настольных игр, дансинг, водные лыжи и велосипеды.

«БОЭМИЯ», КУБА

ВСЕ ОБ УЗЛАХ

Автор этой книги американец Клиффорд Эшли уже нет в живых, а его «Трактат об узлах» продолжает пользоваться во многих странах небывалой популярностью. Это настоящая энциклопедия на 600 страницах, где подробнейшим образом описаны 3850 узлов.

Существует великое множество так называемых профессиональных узлов, которые используют ткачи, пожарники, хирурги, скотоводы, садовники, рыбаки и представители многих других профессий. Все они завязываются только таким и никаким другим образом. Вот, например, общее характерное свойство морских узлов — они должны при надобности развязываться при любой погоде, даже если веревка намочена или обледенела. А при завязывании специального узла для верблюда учитывается особенность характера «корабля пустыни» — он нередко слюнявит свою привязь, и веревка становится очень скользкой, узел может развязаться сам. Узел хирурга очень похож на ковбойский — оба они должны быть завязаны очень быстро, прочно и аккуратно.

«В истории завязывания узлов заключена вся история человека», — утверждает известный итальянский актер Роберто Пистони. — Я коллекционирую узлы, как ни странно это звучит, и убежден, что занятие это ничуть не хуже филателии или византии. Завязывание и развязывание всевозможных узлов разных типов — превосходный вид активно-познавательного отдыха, это своеобразное хобби тренирует память и воображение. «Трактат об узлах» — одна из самых увлекательных книг, которую мне когда-либо приходилось читать».

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

ПУШКИ И КОРАЛЛЫ

Ранним утром 17 февраля 1944 года американская морская авиация произвела массированный налет на японские военные корабли, стоявшие в водах Трукской лагуны на Тихом океане. Через несколько часов 60 кораблей оказались на дне вместе со своими экипажами.

Трукский архипелаг (11 больших островов и несколько десятков маленьких) представляет идеальное место для наблюдения над жизнью кораллов. Кристально чистые воды лагуны очень спокойны, и это облегчает наблюдения. А затонувшие суда являются удобным местом для расселения морских организмов, и теперь можно изучать в естественных условиях динамику роста и другие аспекты жизни кораллов и прочих обитателей моря.

Соотношение между животными и растительными организмами в лагуне связано прежде всего с количеством растений — именно они «задают темп» жизни подводных обитателей, которые кормятся этими растениями. Некоторые же морские животные, живущие в рифах, питаются только планктоном, а многие виды кораллов успешно «дружат» с водорослями. Во время своих погружений на затонувшие корабли биолог Сильвия Эрл насчитала свыше ста видов зеленых, красных, синих и бурых водорослей, 15 из которых до этого времени были в Микронезии неизвестны. Растения первыми заселяют попавший под воду предмет, будь то военный корабль или просто пустая бутылка. А потом появляются животные. Шестинедельные подводные наблюдения американских ученых дали много ценной информации в области экологии коралловых рифов. Но судьба подводного кладбища кораблей остается пока неясной. Подъем на поверхность тысяч снарядов и торпед слишком опасен, а взрыв их на глубине может привести к гибели многих видов растительной и животной жизни в лагуне. Ученые, между прочим, зафиксировали выход на поверхность небольших количеств жидкого топлива из проеденных ржавчиной резервуаров.

«ПШЕКРУЙ», ПОЛЬША

МИКРОСКОП-РЕКОРДСМЕН

Этот гигантский — в три миллиона вольт — электронный микроскоп изготовлен в Японии. Прибор претендует на право называться самым большим в мире. Вес его 70 тонн, высота свыше 12 метров. Микроскоп установлен в четырехэтажном здании университета на машиностроительном факультете в городе Осака. Соединенные с электронным микроскопом фотоаппарат, телевизионная камера и вычислительное устройство дают возможность охватить практически весь изучаемый объект. Особенно необходим этот прибор ученым и студентам при исследовании рака и вирусных болезней.

«ТЕХНИКУС», ГДР

НУЖНА ЛИ ИСТОРИЯ ?

Недавнее исследование тенденций, определяющих настроения в сегодняшней школе, проведенное Организацией американских историков, показало, что обнаруживается ясно выраженная утрата интереса к истории. Все внимание сосредоточено на изучении только таких предметов, которые, по мнению самих учащихся, пригодятся им в дальнейшем. В высших школах история стремительно сдает свои позиции. В пяти штатах дело дошло до того, что для получения права преподавать историю уже

не требуется специальная подготовка. И объясняется это не в последнюю очередь тем, что многие студенты теперь уже не считают, что знание прошлого важно.

Потеря интереса к прошлому — опасная тенденция. Прошлое, возможно, представляется «непрактичным» многим молодым людям, но в сегодняшней реальной жизни нам помогает во многом ориентироваться именно история.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ О «БЕЛЫХ ИНДЕЙЦАХ»

Из внутренних областей Панамы возвратилась экспедиция, в которой приняли участие американские, английские и панамские ученые. Как сообщает агентство Рейтер, исследователям удалось раскрыть тайну «белых индейцев», о которых рассказывают, что они обитают в «самых непроходимых в мире» джунглях Панамы. В 120 милях от столицы страны, среди густой растительности побережья Карибского моря экспедиция обнаружила развалины старинной крепости, которая была свидетелем драматических событий, происходивших здесь в конце XVII и начале XVIII века. В этом районе, в самом центре испанских колониальных владений, беглецы из Шотландии пытались создать независимое от Англии государство. Испанцы в продолжение двух лет непрерывно штурмовали крепость. Только в 1701 году шотландцы под бой барабанов и с высоко поднятыми знаменами оставили свои укрепления и отступили в джунгли. Долгое время после этого местные индейцы рассказывали о встречах с ними в джунглях белых людей. Именно это послужило поводом для рождения легенды о «племени светлокотых индейцев».

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

ПОКОЛЕНИЕ СЛАБОПИШУЩИХ

В Соединенных Штатах, Великобритании и Франции учителя обратили внимание на тревожное явление — растет поколение людей, у которого отсутствует культура письменного языка.

Государственная комиссия по вопросам образования в США провела исследование, охватившее 80 тысяч учащихся школ в возрасте 13—17 лет, и пришла к выводу, что запас слов, которым они располагают, значительно ниже того, который имели их сверстники пять лет назад. Сорок процентов французских школьников в возрасте 14—16 лет, сообщает газета «Монд», считают правильное написание слов пережитком.

Главным виновником единодушно объявляется телевидение, которое «загрязняет язык, приучает к ненужным сокращениям, повсеместно распространяет убогую стереотипную фразеологию и, стремясь максимально расширить сферу действия своих программ, обедняет язык, приспособив его к требованиям статистической аудитории».

К таким же выводам приходят языковеды и в других странах.

«ВЬЕСНИК У СРИЕДУ»,
ЮГОСЛАВИЯ

ТРЕВОЖНАЯ СУДЬБА РАВЕННЫ

Брат Анджело повернул фонарь, чтобы было виднее. «У нас здесь живут золотые рыбки. Мы их пустили сюда, чтобы они пожирали личинок комаров, и с тех пор в нашем храме никто не жалуется, что его искусили комары».

Комары и золотые рыбки в храме? Дело происходит в храме святого Франциска в Равенне, а золотые рыбки резвятся не в аквариуме, а плавают в склепе под храмом, где вода стоит на уровне полутора метров. Базилика, построенная в пятом веке, относится к числу семи наиболее ценных архитектурных памятников Равенны. А фундамент всех этих зданий затоплен водой.

Местные церковные власти содержат штат ныряльщиков, в задачу которых входит контроль за электропроводкой и осветительной арматурой под водой. Туристы и верующие за соответствующую плату могут любоваться заполненными водой помещениями, которые освещаются искусно размещенными фонарями.

Старинный город является устрашающим примером непродуманного планирования промышленного строительства. Еще в тридцатые годы около Равенны возникла большая промышленная зона. На обширной территории осушенных болот были построены нефтеперерабатывающие и химические заводы, которые ежесекундно отсысывали для своих нужд по 500 литров воды, что составляет 14 миллионов кубометров в год.

Оседание почвы приводит к тому, что море все больше наступает на сушу и наводнения случаются все чаще. Здания на неустойчивом грунте оседают, подпочвенная вода выдавливается вверх и затопляет помещения.

«100 + 1 ЗАГРАНИЧНИ
ЗАЙИМОВОСТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Кто не знает, как опасны акулы? И тем не менее на Багамских островах недавно появился новый необычный вид спорта: езда верхом на акуле.

Простым его никак не назовешь: акулу надо привлечь где-нибудь в неглубоком месте, затем «наездник» крепко хватает ее за грудные плавники и, быстро переброшив ногу через спину необычного «коня», сжимает обе ноги под брюхом акулы. Норовистая акула бросается из стороны в сторону, крутится на месте, пытается,

точно необъезженная лошадь, сбросить названного седока. Наступает момент, когда человеку надо быть особенно внимательным: акула развивает большую скорость, часто направляясь к коралловым рифам, где стремится ударить наездника об острые кораллы. Тем не менее вопреки опасности находится немало смельчаков, которым удается превратить это испытание в подлинный спорт.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Первый национальный съезд студентов, проводившийся под эгидой Всеиндийской студенческой федерации, проходивший в Нью-Дели в самом конце августа. Выступивший на съезде Генеральный секретарь Коммунистической партии Индии Ч. Раджешвара Рао напомнил, что студенты призваны играть важнейшую роль в борьбе за прогресс страны: именно этим диктуется необходимость сближения студенческого движения с левыми и прогрессивными силами.

За последние полтора десятилетия число студентов в Индии выросло в шесть раз, и потому, говорится в документе, принятом съездом, чрезвычайно большое значение имеет организация, сплочение студентов на основе новой политической и идеологической ориентации. Изменение социального состава студенчества, постоянно возрастающий интерес юношей и девушек к событиям, происходящим как в стране, так и в мире, успехи прогрессивных, демократических сил создают условия для укрепления и расширения студенческого движения.

В решении съезда перечисляются недостатки, присущие сегодняшней высшей школе, — нехватка помещений, неудовлетворительные условия для занятий, и далее подчеркивается, что необходимо бороться за единую учебную программу, за обеспечение аудиторий, лабораторий и библиотек всем необходимым для учебы. На съезде говорилось и о том, что нужно улучшать и расширять условия для разнообразных форм внеаудиторной работы — для культурной деятельности, чтения книг, занятий спортом, играми.

Съезд решил проводить в дни каникул широкие кампании, направленные на ликвидацию неграмотности населения, вовлекать все большее и большее число молодых людей в общественную жизнь, например, в студенческие парламенты, чтобы юноши и девушки приобретали те навыки, которые скоро им потребуются, как гражданам, осознающим собственную ответственность за будущее своей страны.

«НЬЮ ЭЙДЖ», ИНДИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

Начало на 23 стр.

тельно посмотрел на него. Тот наморщил лоб, видимо, сбившись с мысли.—то ли от робости, то ли по обыкновению.

— Ну, вот,— снова ухватил он нить повествования,— репортер этот попросил, чтобы... сержант разрешил ему сфотографировать...

— Стоп,— перебил полицейского Ло.— Откуда ты знаешь, что это был журналист?

— Да он удостоверение показывал. Ну вот... а сержант не разрешил. Тот уговаривал, уговаривал, а сержант ни в какую. Ну, он и пошел обратно.

— На чем он добирался до острова?

— Да на моторке.

— Он один был?

— Вроде бы один.

— Хорошо. Дальше.

— Уехал он, а... Да, забыл я— он сигаретами нас угостил. А уж потом уехал. Я про сигарету почему вспомнил? Посидели мы, покурили. А после Джеок сказал, что спать очень хочет.

— Джеок— это кто?

— Тоже полицейский. Другок мой. Ну вот, а сержант говорит: ложись, мол, без тебя обойдемся. Я даже удивился. Всегда ругается, а тут раздобрился. Потом и Вэй зевать начал— тоже полицейский. Нас всего четверо было. Сержант и нас трое. И я, чувствую, спать хочу— сил нет. С чего бы, думаю. Перед дежурством целый день спал. Сержант посмотрел на нас с Вэем и говорит: раззевались, днем надо выспаться! А я всегда перед дежурством сплю. Это и жена подтвердит. А сержант говорит: черт с вами, спите. Один, мол, подежурю. И велел утром по десятке принести. А то, мол, нажалуется начальству, что спали мы на дежурстве. Ну, мы принесли, конечно, на следующий день... А то ведь он у нас такой— со свету сживет. Ну вот, легли мы. Джеок уже спал, да и Вэй сразу захрапел. А я сначала— никак. Ложался неудобно. Потом чувствую сквозь дремоту, вроде голоса какие-то и вроде бы сержант кому-то говорит: «Спят». А потом ничего не помню. Как провалился.

Утром сержант растолкал— темно еще было. Поднялся я— голова разламывается. После спрашивал у Джеока с Вэем— у них тоже весь день трещала. Я-то сначала подумал: болит, и ладно. Думал, приснилось, наверное, что сержантов голос слышал. А потом подозрительно стало: сержант все спрашивал, как спали. Раньше никогда такого не было, чтобы интересовался... Да и с головой как-то странно— в жизни не помню, чтобы она у меня болела. Ну, я и подумал: что-то не так. Пошел в уголовное, а они вот к вам...

— Молодец, что пришел,— похвалил его Аланг,— ты никому ничего не говорил в участке?

— Не-ет. Хотел было Джеоку с Вэем сказать, а потом подумал— может, чепуха? Засмеют. До сержанта дойдет— он меня со свету сживет.

— Как зовут сержанта?

— Ко Ин.

— Давно он работает у вас в участке?

— Да уже лет десять, не меньше.

— А как выглядит этот репортер?

— Я, по правде говоря, не присматривался. Темно было. Да и ни к чему вроде.

— Какими сигаретами он вас угощал?

— Сейчас скажу.

Полицейский снова наморщил лоб.

— Вроде бы «Данх...». Забыл. Коробка такая темно-красная.

— «Данхилл»?— помог Аланг.

— Да, да,— обрадованно закивал полицейский.— «Данхилл». Это Джеок прочитал. Он еще говорил, что сроду дорогих таких не курил.

— В котором часу этот репортер появился на острове?

— Точно не помню. Вроде после одиннадцати.

— Ну ладно, иди,— сказал Аланг,— и никому ни слова. Понял?

— Как не понять?— Полицейский направился к двери.

— Постой!— окликнул его Патрик.

Тот обернулся.

— Посиди-ка в приемной.

— Слушаюсь.

— Похоже, не врет,— сказал Ло, когда полицейский вышел из кабинета.

— Мне тоже так кажется,— отозвался Аланг.

— Может, отправим его на экспертизу?

Аланг машинально поднял глаза на календарь.

— Прошло больше суток...

Он нажал кнопку селектора.

— Отдел экспертизы слушает, шеф,— раздался голос.

— Сколько времени держится в организме снотворное?— спросил Аланг.

— Это зависит от лекарства, шеф. Иногда остаточ-

ные явления можно обнаружить и через двое-трое суток.

— Сейчас к вам приведут человека, который утверждает, что принял снотворное позавчера вечером.

— Попытаемся выяснить, шеф.

— Ну вот вам и первый результат...— отключив селектор, сказал Аланг.

Он не договорил, но Ло понял, что шеф имел в виду. Преступники воспользовались небрежностью уголовной полиции и ночью постарались уничтожить какую-то важную улику. И не исключено, что загадочный «репортер» мог иметь непосредственное отношение к событиям вчерашней ночи.

— Зато теперь у нас есть Ко Ин.— Патрик произнес это нерешительно, в последний момент сообразив, что выход на сержанта— не очень большой успех.

— Ко Ин— мелкая сошка,— медленно произнес Аланг.— Если, конечно, полицейскому вообще все это не приснилось.

— А если Ко Ин прижать? Устроить очную ставку с полицейским?— Патрику очень хотелось покрепче ухватиться за веревочку и начать тянуть ее на себя.

— Открутится,— заверил его Аланг.— Скажет, что его тоже усыпили, или все будет отрицать. Улик против него практически нет. Зацепить его мы не сможем, а преступников только насторожим. Нет, за Ко Ином нужно установить наблюдение, не больше. И ждать.

4

После находки на Блуканг-Мати прошло четыре дня. В ходе дальнейших раскопок выяснилось, что на острове находится множество захоронений— их площадь была более двух квадратных километров. В предварительном заключении экспертов говорилось, что этот могильник никак нельзя отнести к обычным кладбищам. Останки принадлежали жертвам неизвестных лиц, убитым в разное время примерно за двадцатилетний период.

На следующий день после того, как на острове побывали Ло со своими людьми и журналисты, о Блуканг-Мати заговорили на каждом углу. Газеты поместили на первых полосах фотографии найденных на острове трупов и скелетов, снабдив их набранными крупным шрифтом выразительными заголовками: «БЛУКАНГ-МАТИ: САД СМЕРТИ— ЭТО НЕ МИФ!» «СМЕРТЬ В БОЛОТАХ БЛУКАНГ-МАТИ!» «БЛУКАНГ-МАТИ— ОСТРОВ УБИЙСТВ!»

Выдвигались самые различные версии о происхождении могильника. Одни высказывали предположение, что скелеты принадлежат жертвам японских оккупантов времен второй мировой войны. Другие считали, что это останки утопленников, тела которых пригнали к берегу волны. Некоторые газеты утверждали, что таинственный синдикат убийц заманивал в Сингапур безработных из других азиатских стран, обещая им тут земной рай. Затем иммигрантов якобы перевозили на Блуканг-Мати, грабили, убивали, а трупы закапывали в болото. Не обошлось без пересудов о драконе Цзяо. Писали и о тайных обществах. «Нью нэйшн», незадолго до находки на Блуканг-Мати посвятившая сингапурским тайным организациям четыре полосы в четырех воскресных приложениях под общим заголовком «Эти паразиты общества», писала, что на острове не мог действовать никто, кроме них.

Однако все это были только догадки. Аланг запретил давать газетчикам какие-либо сведения о ходе расследования, и пресса питалась в основном слухами, которые репортеры собирали в городе.

За четыре дня расследование, по существу, не продвинулось ни на шаг. Бангкок хранил молчание по поводу фотографий, посланных для опознания, хотя запрос туда пошел с пометкой «срочно». Сведения об умерших от цирроза печени еще не были собраны. Детектив, которому Ло поручил заняться проверкой землекопов, тоже попросил еще пару дней.

Единственной ниточкой, ведущей к гангстерам, был Ко Ин. Полицейский, который приходил в «Си-Ай-Ю», сказал правду. Это подтвердилось анализом крови и экспертизой одного окурка «Данхилла», найденного на острове. И в крови и в окурке были обнаружены остатки сильнодействующего снотворного.

Однако наблюдение за Ко Ином пока не давало никаких результатов. Поведение сержанта было таким, словно он понятия не имел, что произошло на Блуканг-Мати в ночь с 12 на 13 января. Он аккуратно являлся на службу, по-прежнему кричал на подчиненных, ни с какими подозрительными людьми не встречался, а после работы отправлялся прямо домой.

Оставалось, как сказал Аланг, только ждать. Это ожидание раздражало Патрика, злило, не давало сосредоточиться, отрывало от всех других дел. Мысли неизменно возвращались к Блуканг-Мати, к Лиму,

к найденному у него в пиджаке билету на затонувшее судно, к имитации удушья неизвестного мужчины, смысла которой Ло никак не мог уловить.

В его кабинет вошел референт из шифротдела.

— Инспектор, телеграмма из Бангкока.

— Наконец-то соизволили,— проворчал Патрик, забирая из рук вошедшего небольшой листок бумаги с грифом «секретно».

Ло пробежал текст глазами. Криминальная полиция Таиланда сообщила, что пограничники бангкокского порта опознали по фотографии, помеченной в запросе «Си-Ай-Ю» номером первым, одного из пассажиров с «Тумасика». Цифру «1» Ло ставил на фотографии Лим Бан Лима. Второй труп опознать не смогли и сообщили, что, по данным иммиграционных властей, на борту не было мужчин в возрасте пятидесяти лет. К последнему замечанию Патрик отнесся скептически, потому что хорошо знал: иммиграционные власти не заносят в свои бумаги сведения о возрасте пассажиров. Это утверждение было сделано, скорее всего, по памяти.

«Значит, на судне до кораблекрушения произошло столкновение между «Анг Сун Тонг» и «Джи Хо»,— сделал вывод инспектор.— Но в таком случае, пожалуй, должны остаться следы этой стычки». Он связался по закрытому телефону с береговой полицией, чтобы навести соответствующие справки. Через десять минут инспектору зачитали заключение комиссии: никаких признаков, указывающих на стычку, в нем не было.

Патрик вышел из-за письменного стола и устроился в кресле у журнального столика. Он всегда садился на это место, когда собирался что-нибудь хорошенько обдумать. Но, пощипав подбородок, инспектор обнаружил, что телеграмма из Бангкока не наводит его ни на какие размышления. Пока он не в состоянии построить логическую цепь, держась за которую, можно было бы двигаться вперед.

Да, Лим находился на борту «Тумасика». Возможно, «Анг Сун Тонг», каким-то образом проникнув на судно, с ним расправилась. Первое было фактом, второе— версией. Факт родил версию, а она, не прожив и нескольких минут, умерла. Точнее, утонула вместе с «Тумасиком». И попробуй теперь вытащить со дна хотя бы кончик...

Размышления инспектора прервал приход Аланга.

— Патрик, добрый день,— весело сказал тот с порога.— Вы считаете, что два дня не появляться в кабинете шефа— в порядке вещей?

— Здравствуйте, Теон,— смутился Ло.— Извините, но мне не с чем было идти к вам. Единственная новость— телеграмма из Бангкока. Ее мне только что принесли.

— Могли бы для приличия зайти поздороваться. Ладно, оставляю это на вашей совести. Что сообщает Бангкок?

— Пограничники опознали Лима.

— Хм, значит, он все-таки попал на Блуканг-Мати с «Тумасика». А что со вторым?

— Ничего.

— Ну и что вы собираетесь сейчас делать?— полюбопытствовал Аланг.

— Хочу посидеть, подумать. Что-то не сходится в этом треугольнике: «Тумасик»— Лим— Блуканг-Мати. Непонятно, как он очутился на острове в ста милях от места катастрофы.

— Вряд ли что-нибудь высидите. Маловато информации. Не нужно понапрасну ломать себе голову. Вы не забыли, что сегодня суббота и что вы приглашены к нам на ужин?

— Забыл,— откровенно признался Ло.

— Нехорошо,— шуточно укорил его Аланг,— моя жена принимает столь живое участие в вашей судьбе, а вы ведете себя прямо-таки легкомысленно.

Ло непонимающе уставился на шефа.

— Я догадываюсь, что сегодня вы увидите очередную кандидатуру в ваши спутницы жизни,— сказал Аланг.

— А-а, вот вы о чем,— улыбнулся инспектор,— я говорил госпоже Лау, что не собираюсь жениться. Время прошло. А она не принимает мои слова всерьез.

— Патрик, будьте к нейнисходительны. У Лау никогда не было своих детей, и она привязалась к вам почти как к сыну.

Аланг хотел добавить, что и он питает слабость к своему подчиненному, но удержался. «Становлюсь сентиментальным»,— отметил он про себя,— значит, старею».

— Так вы едете со мной или остаетесь?

— Еду,— ответил Ло.

— Вот и хорошо. Подумаем вместе, пока не приедет... пока не приедут гости.

Инспектор снова улыбнулся и спрятал бумаги в сейф.

— Патрик, я так рада вас видеть!— воскликнула жена Аланга, открывая входную дверь.— Вы не заходили к нам целую вечность! Ну, что же вы стоите у порога? Проходите, проходите же. Здравствуйте! Вы прекрасно выглядите. Ничего не скажешь, молодость!

— Добрый вечер, госпожа Лау,— едва успел заполнить секундную паузу Ло.

Но женщина уже обрушила поток слов на мужа. — Теон, ты вечно по горло загружаешь Патрика работой. Нельзя же так, в самом деле! Все равно вам никогда не переловить этих бандитов.

— Почему же? — поинтересовался Ло.

Госпожа Лау иронически улыбнулась.

— Если этого не смогли сделать ваши предшественники за сто с лишним лет, так почему вы думаете, что окажетесь удачливее их? За это время ваши тайные общества пустили такие корни, что вам в жизни до них не добраться. Да и потом — у них денег больше, чем у вас.

Ло рассмеялся.

— Теон, возьмите госпожу Лау к себе консультантом. Кажется, с ней у нас дело пойдет быстрее.

— Лау, с каких это пор ты стала интересоваться такими вещами? — спросил Аланг.

— Я и сейчас ими не интересуюсь. Просто это общеизвестно: вы за слово платите доллар, а они за молчание — пятьдесят. Я предпочла бы пятьдесят.

— Лау, что ты говоришь! — всерьез рассердился Аланг. — Откуда ты все это взяла?

— Из газет! — невозмутимо ответила женщина. — Они только и делают, что пишут об этом ужасном острове и о том, что полиция бессильна что-либо сделать. Послушай, Теон, может быть, ты пригласишь Патрика в гостиную? Прихожая — это все-таки не приемная твоего кабинета.

— Тебе не кажется, что ты сегодня настроена слишком агрессивно? Опять подорожали продукты?

— С чего ты взял?

— Мы все-таки женаты не первый год. Я давно привык чувствовать себя виноватым, когда цены растут...

— Ну, это тебя ожидает буквально завтра...

— Тогда почему ты нападаешь на меня сегодня?

— Я? Тебе показалось. Со своими гангстерами ты скоро будешь страдать манией преследования.

Лау снова повернулась к инспектору.

— Проходите в гостиную, Патрик. Вы знаете, я приготовила блюдо, которое называется «плавающий лотос». Не знаю, удалось ли оно... Но уверена, что вы не только не пробовали его, но даже никогда и не слышали о нем. Я не ошиблась?

— Нет, — смеясь, ответил Ло. — А что это такое?

— Вот этого я вам не скажу. Попробуйте потом догадаться сами. Извините, мне еще кое-что нужно сделать.

С этими словами женщина скрылась в дверях кухни.

— Теон, — спросил Ло, — в вашей квартире по-прежнему нельзя курить?

Аланг вздохнул.

— Как вы однообразны, Патрик! Скажу Лау, чтобы она больше вас не приглашала. Ну хорошо. Что ж с вами делать? Только курить вы будете в моем кабинете. Он надежно изолирован от спальни. Я, знаете ли, очень не люблю вставать по утрам с головной болью.

Они перешли в небольшую комнату, которая называлась кабинетом только потому, что в ней стоял секретер: Аланг работал исключительно в офисе. Он переклочил кондиционер на вытяжку. Ло сел на диван, достал сигареты, щелкнул зажигалкой. По комнате поплыло синевато-серое облачко дыма.

— Что это еще за «плавающий лотос»? — усмехнулся Аланг.

— Нарезанные кусочками крабы и цыплята с лапшой в соусе из каштанов и с бульоном из молодых побегов бамбука, — невинным голосом произнес инспектор.

Аланг посмотрел на него с восхищением.

— Не удивляйтесь, это китайское блюдо, а я как-никак китаец, — невозмутимо ответил Ло. — Кроме того, почему не сделать человеку приятное?

— Через несколько минут этот человек появится в гостиной, заметит наше исчезновение и ворвется сюда с криком: «Тебя нет дома даже в субботу!»

Ло со значением поднял палец:

— Вот поэтому я и не хочу жениться.

— Чепуха! — Аланг с удовольствием вытянул ноги, словно доказывая тем самым преимущества размеренной семейной жизни. — Впрочем, вы не в том возрасте, когда вас можно в чем-то переубедить... Так вы успели что-нибудь... насчет Лима? Вы что-то упорно молчали в машине.

— Да.

— И к какому же выводу пришли?

— Мне совершенно непонятно, с какой целью люди из «Анг Сун Тонг» побывали на «Тумасике».

Патрик произнес название самой крупной «триады» и сам удивился тому, что не сомневается в причастности «Анг Сун Тонг» к свежему захоронению на Блэканг-Мати.

— Прекрасно, — усмехнулся Аланг, — вы меня просто заражаете вашей уверенностью в том, что мы имеем дело с «Анг Сун Тонг». Кстати, полное непонимание порой выводит на правильный путь. А почему вы так решили?

— Сначала я предположил, что «Анг Сун Тонг» просто хотела расправиться с одним из главарей конкурентной организации. Но если они знали, что Лим находится на судне, то наверняка следили за ним еще в Бангкоке. Почему они в таком случае не пристукнули его там? Или здесь? После его возвращения? Стоило ли из-за одного Лима появляться на судне? И зачем его притащили на остров?

— Хорошо. Раз вы так настаиваете, остановимся пока на «Анг Сун Тонг». Но почему вы уверены, что они следили за Лимом? Давайте предположим другое: «Анг Сун Тонг» совершает очередное нападение на первое попавшееся судно в открытом море. На борту случайно оказывается Лим, к которому она, по известным причинам, не питает симпатий...

— В том-то все и дело, что нападения не было. На судне все осталось цело: грузы, вещи, деньги пассажиров. Они ничего не тронули. На «Тумасике», вероятно, столкнулись интересы «Джи Хо» и «Анг Сун Тонг». Но нападения...

— Подождите, — перебил инспектора Аланг, — откуда вам все это известно насчет имущества, грузов, денег?

— Я сегодня звонил в береговую полицию.

— Вот как, — произнес Аланг свою любимую фразу. — Любопытно.

В комнату с рассерженным видом вошла госпожа Лау.

— Ну вот, даже в субботу тебя нет дома! — возмущенно воскликнула она.

Патрик отвернулся к окну и прикрыл рот рукой. — Ничего забавного я в этом не нахожу, — строго произнесла женщина.

— Простите меня, госпожа Лау. — Ло все еще продолжал смеяться. — Просто Теон заранее знал, что вы скажете.

— А что я могу еще сказать? Разве это неправда? Совсем необязательно было ехать домой, чтобы продолжать заниматься делами.

Госпожа Лау снова повернулась к мужу.

— Ты просто деспот! Тебе мало того, что Патрик с утра до вечера сидит в кабинете. Даже в субботу ты не можешь оставить его в покое!

Аланг изобразил на лице шутливое возмущение: брови поднялись над очками, впадины щеки раздулись.

— Между прочим, если бы не я, инспектор и не вспомнил бы, что сегодня суббота и что он приглашен к нам на ужин. Это как раз он собирался остаться поработать. По собственной, заметь, инициативе. И мне стоило больших усилий вытащить его из кабинета. Ну-ка, Патрик, признавайтесь, так было дело?..

Госпожа Лау обиженно посмотрела на инспектора.

— Патрик, это правда?

Ло в смущении развел руками.

— Вот видишь, — торжествуя произнес Аланг. — А ты, как всегда, во всем обвиняешь меня. — Потом серьезно добавил: — Лау, извини нас.

Нам, действительно, нужно поговорить.

Женщина хотела что-то возразить, но Аланг повторил твердым голосом:

— Нам нужно поговорить, Лау. Через десять минут мы придем в гостиную. Ведь остальных все равно еще нет.

Госпожа Лау махнула рукой и вышла из комнаты.

— Они ничего не тронули, и это странно. — Голос у Патрика опять стал задумчивым. — Непохоже на «Анг Сун Тонг». Она своего не упустит.

— Да, на море они обычно действуют нагло, — согласился Аланг. — Да и только ли на море? Непонятно, действительно, почему они поскромничали на этот раз. Но ведь судно-то затонуло. Ищи теперь свидетелей!

В прихожей мелодично зазвенел звонок, щелкнул замок, послышались голоса. Аланг поднялся с дивана.

— Сходите в береговую полицию. Поговорите с теми, кто осматривал судно. Может быть, они на что-то поначалу не обратили внимания. А пока пойдете в гостиную. Иначе Лау будет дуться на меня весь вечер. Между прочим, дочь наших знакомых — очаровательное создание...

— Вы, кажется, начинаете проникаться идеей вашей супруги? — с иронией покосился на шефа Ло.

— Нет. Я просто констатирую факт. Могу добавить, что Джун прекрасно играет в бридж.

— Что же вы раньше молчали, Теон! — всплеснул руками Патрик. — Это в корне меняет дело.

Оба захохотали.

5

Ло взял со стола список мужчин, умерших от цирроза печени в этом месяце. Данные поступили только из наиболее крупных клиник, и это огорчило Патрика. К тому же там не стали утруждать себя отбором подходящих по возрасту. Инспектор вздохнул и, вооружившись карандашом, начал отмечать тех, сведения о ком придется проверить. Таких оказалось пятеро. Ло вытащил из сейфа фотографию трупа, взял газету за 14 января, переписал в свой

блокнот адреса клиник, где лечились эти пятеро, и вышел из кабинета.

В машине Патрик назвал шоферу первый из адресов. «Плимут» плавно тронулся с места.

Покрутившись немного на узких улочках центральной части города, шофер свернул на широкую и прямую, как стрела, Букит-Тимах роуд и прибавил газу. Ло решил немного отвлечься от мыслей и стал бездумно глядеть в окно.

У одного из перекрестков машина уперлась в красный свет. К ней тут же подбежал мальчонка лет двенадцати с пачкой свежих газет.

— Господин, купите газету! — затараторил он. — Новые подробности о «саде смерти»! Рассказ рыбака, который видел преступников.

— Везет же людям! — усмехнулся Ло.

Он протянул мальчику деньги и взял газету. Какой-то старик рыбак рассказал журналисту, что видел на берегу нескольких человек, показавшихся ему подозрительными. Они якобы погрузили на моторный сампан большой сверток и направились в сторону Блэканг-Мати. Часа через два он снова видел этих людей на берегу, но уже без свертка.

Патрик снова пробежал глазами заметку. Пожалуй, старик действительно что-то видел. Но он явно напутал: судя по рассказу полицейского, которого усыпили на острове, преступники могли увезти что-то с Блэканг-Мати, а не наоборот. Не исключено, что это была крупная партия контрабанды.

— Приехали, инспектор, — отвлек Патрика от размышлений шофер.

В госпитале Ло быстро отыскал нужный ему кабинет и постучался.

— Входите, — раздался голос.

Патрик открыл дверь. За столом сидел мужчина средних лет и что-то писал. Не поднимая головы, он рукой указал на кресло для пациентов. Инспектор послушно сел и стал ждать, когда врач освободится.

— Не тяните время, — раздраженно произнес тот, продолжая писать. — Молчать вы могли бы и за дверью.

— Я из полиции, доктор, — сказал Ло.

— Ваш аппендикс не окажется слева, будь вы хоть премьером. Что вас беспокоит?

— Я не болен, доктор, — смиренно произнес Ло. — У меня к вам другое...

Тот поднял голову.

— Чем могу быть полезен?

— Если не ошибаюсь, вы специалист по внутренним болезням?

— Не ошибаетесь. Но какое отношение это имеет к полиции?

— Непосредственно никакого. Просто я хотел выяснить, не лечился ли у вас этот человек.

Инспектор вытащил из кармана фотографию второго трупа и протянул собеседнику. Тот взглянул на снимок.

— Что-то не припоминаю. А чем он болел?

— Цирроз печени. Он умер десять дней назад в возрасте около пятидесяти лет.

— Постойте, постойте... У меня был один страдающий печенью примерно такого возраста, — сказал врач, внимательно рассматривая фотографию, — и умер он совсем недавно. Ну да, конечно, это он. Как это я сразу не узнал? Кажется, его фамилия Карим. Это несложно проверить. У нас есть картотека.

— Снимок был сделан дней через пять после его смерти, — заметил Ло.

— Понимаю, — сказал врач. — Эксгумация.

— В некотором роде.

— Черты лица несколько изменились, поэтому он и показался мне незнакомым... Вы хотите получить об этом человеке какие-нибудь сведения?

— А вы можете сказать что-то?

Врач замаялся.

— Пожалуй, нет. Он был у меня на приеме два или три раза. Уже при первом осмотре исход болезни не вызывал сомнений...

— Может быть, он что-то рассказывал о себе? Больные ведь любят делиться с врачами подробностями из своей личной жизни.

Врач задумался на несколько секунд.

— Нет, он был молчуи. Мне с трудом удавалось вытягивать из него сведения о болезнях. С ним приходила какая-то женщина. Наверное, сестра.

— А почему вы решили, что сестра? Почему не жена?

— Видите ли, между ними существовала какая-то разница во внешнем виде. Он был одет весьма прилично, носил на руке дорогой перстень. А на ней была одежда попроще. Обычно супруги одеваются одинаково. Потому-то у меня и мелькнула мысль, что это не жена.

— Где я смогу узнать его адрес? — спросил Ло, поднимаясь.

— Картотека на первом этаже.

— Благодарю вас, доктор.

— Всего хорошего. Рад был оказать услугу.

Продолжение следует.

Рисунок Юрия ИВАНОВА

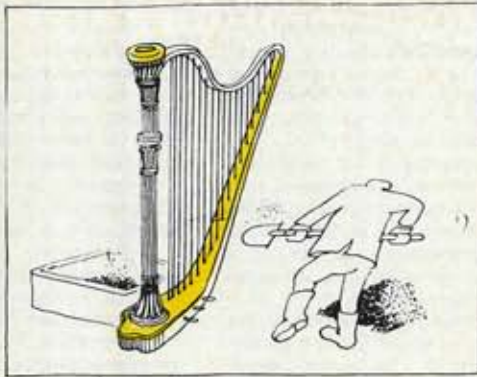

Рисунок Петра КУЛИНИЧА

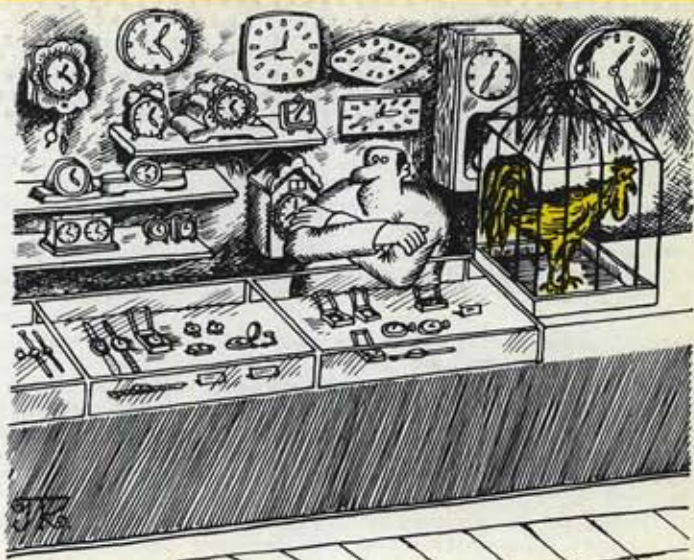

Рисунок Петра БОРОБЬЕВА

Рисунок Юрия ЛИСЦИНА

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ПОБЕДИЛА СБОРНАЯ СССР

С золотыми медалями чемпионов Всемирной студенческой олимпиады вернулись на Родину из далекой Венесуэлы молодые советские шахматисты. Нашу команду возглавляли гроссмейстеры Олег Романишин (Львов) и Рафаэл Ваганян (Ереван). Сборная СССР в финале добилась высокого показателя — 24,5 очка из 28 возможных. Она на солидную дистанцию в 7,5 очка опередила второго призера — команду США. «Бронзу» с 15,5 очка завоевали спортсмены Кубы.

Примером отличной игры наших шахматистов на этом ответственном состязании служит поединок, в котором Р. Ваганян одержал победу над международным мастером из США Ларри Кристьянсоном.

Позиция на диаграмме возникла после 14-го хода черных. Р. Ваганян, игравший белыми, глубоко продуманными маневрами ферзя завладел инициативой.

15. Фb3—b4! b7—b6 16. a5—a6 Kc4—a5 17. Ce2—b5 Фd7—e7 18. Kc3:e4 d5:e4 19. Kf3—d2 Ce6—d5 20. Фb4—a4! Фe7—g5.

Черные обороняются тактиче-

ски остроумно — в случае скоропалительного выпада 21. b4 они свели бы на нет преимущество соперника неожиданным ходом 21. ...Kb3. Но советский гроссмейстер вовремя замечает эту хитрую ловушку.

21. Cb5—d7 Lc8—d8 22. Фa4—b5! h7—h6 23. h2—h4!

Красивая комбинация, которая форсировано приводит белых к завоеванию качества (ладья за слона).

23. ...Фg5—h5 24. b2—b4 Ld8:d7 25. Фb5:d7 Ka5—b3 26. Kd2:b3 Cd5:b3 27. Фd7:a7 f7—f5 28. Фa7—e7! f5—f4 29. a6—a7 Cb3—d5 30. Lc1—c7 Фh5—g4.

А теперь белые жертвуют ферзя, и выясняется, что он неуязвим ввиду мата на последней горизонтали.

31. Фe7:f8+!, и черные капитулировали.

И СПОРТИВНО И ТВОРЧЕСКИ

Всяческой похвалы заслуживает шахматист, который добивается одновременно и спортивных, и творческих достижений. Наглядным примером служит выступление челябинца Евгения Свешникова, чемпиона СССР среди молодых мастеров, на недавнем мемориале великого русского шахматиста М. И. Чигорина (1850—1908 гг.) в Сочи. Е. Свешников разделил первое и второе места с гроссмейстером Львом Полуговским (Московская область), перевыполнив норматив первого гроссмейстерского балла. И почти все поединки талантливого мастера с Южного Урала весьма содержательны, отличаются оригинальными замыслами.

Предлагаем читателям разобрать два ярких фрагмента из партий Е. Свешникова на чигоринском мемориале.

К этому положению пришла после 13-го хода черных партия челябинца с гроссмейстером из Саратова Николаем Крогиусом. Только что завершилась дебютная ста-

дия, партнеры осуществили мобилизацию сил. Теперь белые энергичным выпадом коня овладевают инициативой, ибо практически черные перед лицом опасных угроз королевскому флангу оказываются вынужденными предоставить противнику преимущество двух слонов.

14. Kf3—g5! Ce7:g5 15. Cc1:g5 Kc6—e7 16. Фe2—g4 Ke7—g6 17. h2—h4! f7—f5 18. Фg4—h3 h7—h6 19. Cg5—d2 La8—c8 20. La1—c1 Lf8—f6 21. Lf1—e1 Kg6—e7 22. h4—h5! g7—g5?

Конечно, давление белых довольно ощутимо, а путей к встречной активности в данный момент не видно. Скороспелый пешечный выпад, предпринятый черными, заслуживает серьезного порицания, так как чересчур обнажает собственное короля.

23. c3—c4! Lf6—f7 24. Фh3—e3 Lc8—d8 25. Cd2—c3 Фd6—c6 26. d4—d5!

Оперативно подготовленный белыми прорыв в центре, связанный с жертвой пешки, вскрывает для решающей атаки на короля большую чернополюсную диагональ.

26. ...e6:d5 27. Фe3—d4 Lf7—h7. Казалось бы, черные наладили оборону, однако красивой, хотя и несложной комбинацией белые добиваются быстрого успеха.

28. Le1:e7! Lh7:e7 29. Cd3:f5 Ld8—d6 30. Фd4—h8+ Kpg8—f7 31. Фh8—g7+, и ввиду неотвратимого мата черные капитулировали.

А здесь отображено положение фигур, возникшее после 12-го хода черных у Е. Свешникова (как и в предыдущей партии, он играл белыми) с чемпионом РСФСР мастером из Кургана Наумом Рашковским. Смелой жертвой пешки челябинец вскрывает крайнюю вертикаль для наступательных действий на королевском фланге.

13. h2—h4! Ce7:h4 14. g2—g3 Ch4—e7 15. Kpg1—g2 f7—f5 16. e5:f6! Ce7:f6 17. Lf1—h1 g7—g6 18. Kf3—e5 Cf6:e5 19. d4:e5 Lf8—f7 20. Фe2—g4 Ka5—c6.

В заключение белые осуществляют красивую комбинацию с жертвой слона, уничтожают пешечную «охрану» неприятельского короля и в стремительном темпе создают неотразимые угрозы.

21. Cd3:g6! h7:g6 22. Фg4:g6+ Lf7—g7 23. Фg6—h5 Фd8—f8 24. Lh1—h4 Kc6—e7 25. Cc1—a3!, и черные сдались.

ВПЕРЕДИ ФИЛИППИНЕЦ

В Одессе на традиционном международном турнире Центрального шахматного клуба СССР 1976 года неожиданным, но вполне заслуженную победу одержал молодой шахматист из Филиппинской Республики Росиндо Балинас. В 14 поединках он набрал 10 очков и выполнил норматив гроссмейстерского балла. Динамичный стиль гостя из Манилы хорошо иллюстрирует фрагмент партии, в которой он, играя белыми, взял верх над хавьковским гроссмейстером

Владимиром Савоном. Перед вами положение, создавшееся после 13-го хода черных.

Энергичным выпадом коня белые подготавливают пешечный прорыв в центре. Парировав его, черные идут на форсированное продолжение, связанное после серии разменов с потерей пешки.

14. Kd2—c4! Kf6:e4 15. Kc3:e4 Фe7:e4 16. Kc4:d6 Фe4—e7 17. Kd6:c8 Lb8:c8 18. Ce2:a6 Lc8—d8 19. Фd1—b3 Kd7—f6 20. Фb3:b6 Ld8:d5.

Очень изящная идея эта ситуация, черные, по-видимому, надеялись на получение встречных шансов. Однако кратковременная инициатива не приносит им ничего реального, ибо соперник действует с завидным хладнокровием.

21. Фb6—b3! Ld5—d4 22. a4—a5 Kf6—e4 23. Фb3—f3 c5—c4 24. Cc1—e3 Ld4—d3 25. Lf1—e1 Cg7:b2 26. Ca6:c4! Ld3—c3.

На доске развернулась довольно оживленная схватка.

27. La1—b1 Lc3:c4 28. Lb1:b2 Фe7—a3 29. Lb2—b5 Lf8—e8 30. Lb5—e5 Lc8:e5 31. f4:e5 Фa3:a5 32. Le1—f1 Фa5—d5 33. Ce3—h6 Lc4—c3.

На первый взгляд никаких опасностей возникшая позиция для черных в себе не таит. Но следует тонкий маневр ферзя, и обнаруживается страшная угроза 35. e6!

34. Фf3—f4! g6—g5 35. Ch6:g5 Lc3—c6 36. Cg5—f6! Ke4:f6 37. e5:f6 h7—h6 38. Фf4:h6, и черные сложили «оружие».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/Х 1976 г. А 06021. Подписано к печати 18/Х 1976 г. Формат 70 × 108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2596. Заказ № 2895. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Слова Андрея ДЕМЕНТЬЕВА
Музыка Евгения МАРТЫНОВА

*Помнишь, Алenuшка жила.
В сказку она меня звала.
Много с тех пор минуло дней.
И вот я вернулся к ней.*

*Сколько тебя я лет искал.
Годы, как будто дни, считал.
Счастье спешит навстречу нам.
Поверь лишь моим словам.*

АЛЕНУШКА

Припев:

*Я тебя своей Алenuшкой зову.
Как прекрасна эта сказка наяву!
Как я счастлив, что могу признаться вновь и
вновь,
Что вечной сказкой стала нам любовь.*

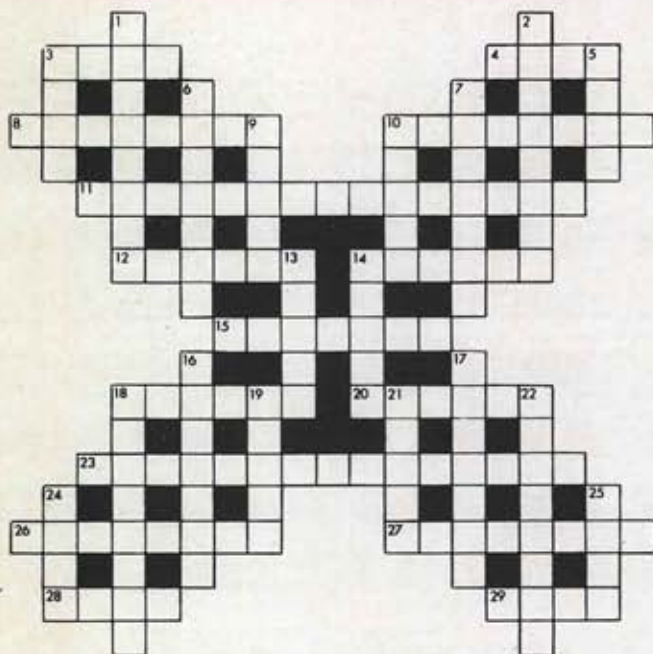
Припев.

*Знаю, что ты красивой всех.
Песней звучит во мне твой смех.
Снова, как будто в первый раз,
Та сказка чарует нас.*

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. Дычков
г. Ростов-на-Дону

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21**

По горизонтали:

3. Система мероприятий, предусматривающая последовательность и сроки выполнения работ. 4. Опера Р. Леонкавалло. 8. Декоративный вечнозеленый кустарник, медонос. 10. Композитор, лауреат Ленинской премии. 11. Часть речи. 12. Брюхоногий моллюск. 14. Рыба семейства карповых. 15. Инструмент скульптора. 18. Южное созвездие. 20. Оттиск, станковая гравюра, литография. 23. Город на Украине. 26. Украинская писательница. 27. Сольный вокальный номер в опере. 28. Культурно-просветительное учреждение. 29. Сельскохозяйственное орудие для вспашки.

По вертикали:

1. Столица Верхней Волты. 2. Составная часть смолы хвойных деревьев. 3. Верхняя непромокаемая одежда. 5. Химический элемент, газ. 6. Опера Л. Бетховена. 7. Центр страны Басков в Испании. 9. Площадка для одного из видов зимнего спорта. 10. Единица силы света. 13. Штат в США. 14. Гребная спортивная лодка. 16. Морское иглокожее животное. 17. Река в Ростовской области. 18. Тропическое плодое дерево, кустарник. 19. Птица семейства ястребиных. 21. Минерал, краска. 22. Литератор. 24. Плоскогорье на юге Алтая. 25. Атмосферные осадки.

По горизонтали:

7. Кустанай. 8. Арсеньев. 9. Винтер. 11. Валюта. 13. Июкир. 14. Аймак. 15. Социолог. 16. Итуруп. 18. Арахис. 19. Животноводство. 20. Эквилибристика. 24. Кишлак. 25. Алигер. 26. Интернат. 28. «Белпо». 30. Флиер. 31. Статор. 32. Январь. 33. Академик. 34. Кроншнеп.

По вертикали:

1. «Гугеноты». 2. Сабир. 3. Кактус. 4. Пролог. 5. Веста. 6. Герман. 9. Витраж. 10. Рационализатор. 11. Великобритания. 12. Айдахо. 17. Павловск. 18. Антонида. 20. Эллипс. 21. Ариэль. 22. Кинетика. 23. Дейтер. 26. Истрия. 27. Татары. 29. Отсек. 30. «Фронт».

МОЛОДЫЕ КРАСКИ РОССИИ

трудится на заводах, полях, великих стройках, многогранен и сложен, и характерно, что нынешнее поколение молодых художников, не сторонясь этой сложности, идет ей навстречу. Внутренний облик человека находит выражение в самом его труде. Так, девушка с веточкой вербы в руке, сидящая на бетонной конструкции, — картина уфимского живописца Я. Крыжевского — говорит о поэзии и смысле современного труда значительно больше и глубже, чем иные многофигурные композиции. Личность человека сообщает его труду одухотворенность.

Это поэтическое слияние образа и действия характерно для большинства работ, показанных на выставке. Некоторые из них мы репродуцируем. Москвичка Т. Назаренко в портрете композитора Туманян скромными средствами сдержанной живописи сумела передать самую суть человека и его профессии. Портрет композитора лишен изобразительной прямолинейности, умело отобранные детали сообщают образу тонкую поэтичность. Те же особенности нужно

Т. НАЗАРЕНКО. ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА Е. ТУМАНЯН.

Если сравнивать прошедшую недавно в Центральном выставочном зале в Москве выставку «Молодая Россия» с молодежными экспозициями прошлых лет, мы должны будем отметить новые тенденции в самом подходе художников к главной теме современности, теме созидания. Вспомним героев шестидесятых годов, изображая которых в портретах или тематических картинах, художники стремились выразить сущность человеческого труда «весомо, грубо, зримо». На этом пути были несомненные и памятные нам успехи, но часто (и это тоже на нашей памяти) такой подход приводил к некой плакатности образного решения, герой «прочитывался» как бы мгновенно, без нюансов. Нынешнее поколение молодых художников, как убеждает выставка, тяготеет к иному пониманию этой темы, отыскивая в ней прежде всего внутреннюю красоту труда. Герой семидесятых, тот, кто

И. КАПИТОНОВ. ПУТНИК.

П. ИГНАТОВ. ХИМИКИ.

Л. БЕРЕЗИН. МОЙ ГОРОД.

отметить в групповом портрете «Химики» кисти ленинградца П. Игнатова. Обобщенность колорита и свобода письма не заслоняют внутренней напряженности композиции. В натюрморте «Беломорский» С. Шадрунова из Архангельска нет героизма, и тем не менее этот натюрморт «говорит» о таких героях, об их труде, о величии настоящей, не книжной романтикой.

Нельзя, разумеется, в небольшой заметке рассказать обо всех участниках выставки. Однако нам представляется возможным назвать одну особенность, характерную для большинства из них, — тяготение к углубленному, вдумчивому проникновению в образ героя семидесятых годов, к поэтическому пониманию его красивого и умного труда.

Алексей ВЛАДИМИРОВ

С. ШАДРУНОВ. НАТЮРМОРТ «БЕЛОМОРСКИЙ».

